ДИКИЕ КАШТАНЫ

ВИ

ДИКИЕ КАШТАНЫ

Сборник рассказов

Перевод с венгерского
О. Громова, Г. Лейбутина
и Ю. Шишмонина

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1974

И(Венг.)
Д45

Д45 **Дикие каштаны.** Сб. рассказов. Пер. с венг. О. Громова и др. М., Воениздат, 1974.

288 с.

В сборнике произведений современных венгерских писателей раскрываются жизнь и боевая учеба воинов венгерской Народной армии, их боевое содружество с воинами Советских Вооруженных Сил.

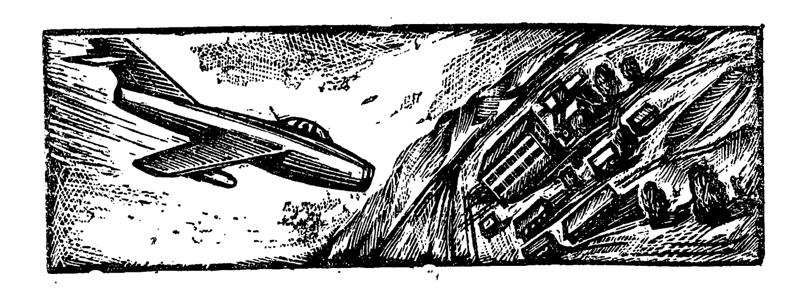
Читатель познакомится с повседневным ратным трудом пехотинцев, саперов, летчиков и представителей других военных профессий. Авторы показывают верность венгерских воинов своему долгу, их готовность преодолеть любые трудности и служить великому делу пролетарского интернационализма.

Книга представит интерес для широкого круга читателей.

Д $\frac{70304\text{-}214}{068(02)\text{-}74}$ 187-74 И (Венг.)

ГЕЗА МОЛЬНАР

ВДАЛИ — СИНИЕ ГОРЫ

Андор стоял у окна и смотрел на синие горы. «Горы всегда олицетворяли даль... — думал он. — А действительно ли они олицетворяют даль? Синева, голубизна — цвет мечтаний и грез. Небо тоже лазурное, синее. И море. Синева, лазурь — цвет дали, чего-то незнакомого, неведомого...»

Из окна комнаты были видны синие горы. Где-то там, на склонах, приютилось небольшое село. С ним связаны воспоминания о детстве, о девушках с околицы, звонко распевавших песни... В селе не было электричества, и мрак душных летних ночей, словно космической пылью, был пропитан девичьим пением, приносившим тепло человеческого счастья. За синими горами прятались города с шумными улицами, где над пестрой толпой плыл перезвон колоколов... «Разве неведомое обязательно сулит счастье?.. Незнакомое девичье лицо за синими горами? Женишься на девушке из большого города, а потом мечтаешь вернуться сюда, к синим горам...»

— Вся беда в том, что ты ничего не понимаешь, — вслух сказал он.

Кристина лежала на диване у окна и читала. Подумав немного, она отложила книгу.

— Не понимаю твоей одержимости? Ты это хотел сказать? — В ее голосе прозвучала легкая ирония. Впрочем, казалось, что она просто решила попикироваться шутки ради.

— Что ж, можно и так сказать, но не в этом дело. — Андор отвернулся от окна. Теперь он стоял спиной к горам.

— Супермен, сверхчеловек! — Кристина приподнялась, опершись на локоть. Ее лицо всегда, как зеркало, отражало ее чувства. Сейчас его исказила гримаса неприязни, даже презрения. Андор сознательно не замечал этого и благодушно продолжал:

— Одержимость это или сумасбродство — все равно. Поверь, я говорю так вовсе не из позерства...

Кристина раздраженно прервала его:

— Может, ты скажешь, наконец, что дает тебе право считать себя каким-то особенным? Ну хотя бы по сравнению с офицером-танкистом или пехотинцем? Или даже с зубным врачом? Кто дал тебе на это право?

— И скажу! Но ведь ты и рта не даешь мне открыть!.. — Андор попытался остановить словесный поток, готовый обрушиться на него. — Речь идет совсем не о том, что я какой-то особенный. Вся разница в том...

— Ах, это одно и то же! — Кристина села на диване, поджав под себя ноги. — Пустая софистика!

— Нет, неверно! Это не софистика. И ты прекрасно знаешь, о какой разнице я говорю.

— Ты уже тысячу раз говорил мне об этом! У меня уже шумит в голове, когда я слышу: двигатель, стреловидное крыло, сверхзвуковая скорость, катапульта, локаторы, ракеты с инфраголовкой... Товарищи летчики, видите ли, считают себя особенными!.. Вам и невдомек, что шофера обычного грузовика в народе тоже называют «дядей пилотом». И правильно! Люди есть люди! Вот в чем главное.

Кристина сыпала словами: мол, человека в форме называют просто военным, и никого не интересует, какого он рода войск. Военный, и все! Будь он связист или артиллерист — все равно!

Кое-что из того, что она говорила, казалось осязаемым и зримым, как крупнокалиберная трассирующая пуля, выпущенная в очереди.

Андор опять отвернулся к окну, но уже не смотрел на синие горы, а рассеянно и хмуро обозревал похожие друг на друга блочные дома, стайку ребятишек, резвившихся на пожелтевшей траве, автобус, подпрыгивающий на ухабистой дороге. Вот на остановке из него вышла жена майора Канаша. Полная женщина с трудом тащила авоську, нагруженную овощами и фруктами. Десять лет назад она была совсем молодой, ее приветливое лицо светилось добротой. Она любила поболтать и всегда бы-

ла остра на язык. О многих в городке ходили всевозможные сплетни, но эту женщину злые языки щадили. У нее было четверо детей, и теперь, спустя десять лет, Кристи по сравнению с ней кажется кинозвездой. Правда, и Кристи нет-нет да и захандрит: дескать, ей уже тридцать пять, и молодость, как птица, все быстрее и быстрее уносится в прошлое... Впрочем, Кристи по-прежнему еще очень хороша собой. А за него она вполне может быть спокойна. Пора бы уж ей знать, что их дом — это надежная семейная крепость. Откуда же у нее тогда эта нервозность, эта ирония, нежелание прислушиваться к его словам?..

Вдруг все заполнил страшный гул: звено «мигов» стартовало с бетонной взлетной площадки. Задребезжали стекла в окнах. Оглушительный рев двигателей трех самолетов на несколько секунд перекрыл все прочие шумы. Самолеты молниеносно исчезли, оставив за собой тонкий, как нитка, след и слабое жужжание. Потом вновь наступила полная тишина...

Это безмолвие словно еще больше углубляло пропасть между ними.

На лице Кристи застыл страх. Андор ободряюще улыбнулся и шутливо сказал:

— Они засасывают в себя все звуки жизни! Да оно и понятно: несколько тысяч лошадиных сил!

Правда, он хотел сказать совсем другое: «Не бойся! Для страха нет причин. В воздухе Капаш, Салонтаи и Перьеш. Они великолепно владеют своими машинами. И этот громоподобный рев устроили они. В их руках самолеты — как послушные овечки. Словом, не бойся!»

— Идиот! — вырвалось у Кристины. Она побелела от гнева.

«И почему люди говорят порой совсем не то, что хотели бы?..» — помрачнев, подумал Андор.

— Чем объяснить, Кристи, что у нас с тобой давно уже не получается настоящего разговора? Мы лишь произносим монологи, которые, к сожалению, не достигают цели. Что между нами произошло, скажи?! Сколько раз я пытался объяснить тебе... Вот и сегодня я начал было говорить, но мне не удалось ничего объяснить... Ты не хочешь слушать...

— Говори, пожалуйста, говори... — Кристина безучастно откинулась на диванные подушки. — Все это я слышала уже тысячу раз. Говори, пожалуйста...

— Мне иногда кажется, что с годами в нас накапливается какое-то отравляющее вещество. И чем дальше уходят годы, тем больше оно переполняет нас.

— Как изысканно ты выражаешься!

— У меня такое чувство, будто раньше мы крепко держались за руки, а сейчас уже нет.

— Как романтично!..

— Я хотел просто сказать, что мы, летчики, ежеминутно рискуем жизнью.

— Под каменщиком тоже могут обвалиться леса! У врача может быть разрыв сердца. Танк может затонуть в реке. Автомашина — неожиданно заехать на тротуар. Здание может осесть и обвалиться, труба газопровода — лопнуть... И я, в конце концов, не желаю хоронить себя на кухне!

— Кристи! Воздух, небо — это совсем другое дело. Неужели ты не понимаешь?.. Высота! Десять тысяч метров... Двадцать тысяч метров... И несколько тонн металла, а еще боеприпасы, горючее...

— Больше всего инфарктов зарегистрировано у врачей и журналистов, — упрямо твердила женщина. — Об этом свидетельствует статистика. И у каждой профессии есть свои одержимые... И свои жертвы... — заключила она.

Андор почувствовал, что больше не может продолжать разговор, и замолчал. Через некоторое время, когда они, сидя на кухне, заканчивали завтрак, он рискнул все же задать вопрос:

— Кристи, предположим, что я в чем-то ошибаюсь... А ты не могла бы сказать, в чем же именно моя вина?

Кристина кипятила молоко. Лишь только когда оно вскипело, она ответила:

— Ты сам это прекрасно знаешь.

— Если б знал, не спрашивал бы.

— А ты подумай.

— Не знаю.

Кристи повернулась к нему. На лице ее уже не было ни гнева, ни раздражения.

— Ну, хорошо. Задумывался ли ты когда-нибудь над тем, почему я-то такая одержимая? Почему я все эти пятнадцать лет живу одной жизнью с тобой? И сижу тут в глуши, как прикованная к этой базе? Ведь и я — мыслящее существо, товарищ подполковник, а не автомат для обслуживания супруга! У меня ведь тоже есть специаль-

пость, но мне негде здесь работать! Здесь ведь только аэродром и военный городок — и больше ничего!

Кристина умолкла, уставившись в глухую стену дома за окном. В ее голосе звучали какие-то безысходные нотки. Слова, точно птицы, случайно залетевшие в комнату, бились о стекло, пытаясь вырваться наружу.

— Ты все эти годы видел во мне только самого себя. Хотя бы раз рядом с собой увидел меня!..

Андор украдкой взглянул на часы: не опоздать бы на дежурство!

Небо, дома, улицы — все было залито солнечным светом. Из открытого окна одной из квартир доносились звуки радио. Передавали объявления:«...Столичный зал аттракционов «Каллипсо» открыт с восьми утра до пяти часов дня... Будапештский городской цирк показывает новую программу... Музеи открыты... Летняя театральная площадка на острове Маргит...»

«Черт возьми! — подумал Андор. — У нас на базе действительно ничего этого нет! Ни театров, ни пляжей, ни кинотеатров... Только клуб... И до ближайшего города сравнительно далеко. Да и что это за город: от конца до конца — рукой подать! Кристину, конечно, можно понять. Но ведь и у меня так же жизнь проходит: служба, клуб, телевизор, друзья. И вечная учеба, совершенствование летной подготовки. Только освоишь один тип машины, как нужно уже пересаживаться на новый самолет...»

«Хотя бы раз рядом с собой увидел меня!..» Но ведь он всю жизнь только это и делает. Когда ему оперировали в госпитале аппендицит, при операции ассистировала Кристина. Вскоре она стала его женой. С тех пор он только и думает о ней, ищет ее расположения, старается сделать ей приятное. Конечно, у нее тоже есть специальность... Ну, и что же теперь? Может, он должен построить для нее госпиталь или больницу? А быть женой? Разве это совсем ничего не значит?..

Так уж устроен человек, что подчас наедине с самим собой он продолжает прерванный разговор и спорит с собеседником, хотя того и нет рядом.

И все-таки что-то произошло. Раньше Кристине было интересно здесь, на базе. Она с нетерпением ждала его возвращения, а когда он приходил, ласково обнимала его и с любовью заглядывала в глаза. Но ведь он с тех пор совсем не изменился! Впрочем, разве это кто поймет?!

А может, он — глупец? Гоняется за тем, что уже унесла волна времени?..

Вот и ворота аэродрома. Старшина Барабаш отдал ему честь, и Андор сразу почувствовал, что и дом, и Кристина с ее болью, и их споры, и его страстные идиотские монологи с самим собой — все это осталось где-то позади, за этими воротами.

Служебный день начинался с формальностей: медицинский осмотр, измерение кровяного давления... Потом — коллеги с их обыденными разговорами: «...В продларек привезли польское пиво... А вообще-то нынче не то пиво! Вот до войны было Кёбаньское или Дреэрское...»

«...Послушай, Тоти, у моего мальчишки распухло за ушами, и глотать больно. Как думаешь, что у него?» — «А температура есть?» — «Есть». — «Наверное, свинка».— «Что? Свинка? Это еще что за штука?..» — «А ты не знаешь? Болезнь такая. Лучше всего показать врачу».— «Смотри-ка, ты во всем разбираешься! Жена так и сделает...»

Кругом — подобные разговоры. Может, вся беда в том, что у них с Кристи нет детей? Они хотели иметь ребенка, но Кристи не способна была родить.

Вот по радио объявили приказ: готовность номер один. Андор надел скафандр, сел в газик и поехал к самолету. Сидя в кабине с открытым фонарем, он смотрел на удивительно чистое небо — нигде ни облачка. Так можно просидеть в самолете и час, и два, но приказ на взлет может поступить каждую минуту. Такое томительное ожидание хуже всего: то же, что дожидаться приема у зубного врача. С детства Андор мечтал стать военным летчиком и, можно считать, добился цели. И Кристину, конечно, нетрудно понять... «А знаешь, старина, — сказал он вдруг сам себе, — к черту все эти монологи! Оставим их на десерт после ужина! И все же нехорошо она сказала: «У каждой профессии есть свои одержимые и свои жертвы». Неужели наши отношения безнадежно испорчены?!. Эх, если бы закурить можно было!..»

В шлемофоне послышался легкий щелчок и раздался голос командира:

— Пятнадцатый! Пятнадцатый! Запускайте двигатель и выруливайте на старт!

— Вас понял. Выполняю!

«Ну, старина, одержимый чудак, вперед! И забудь все огорчения!»

— Пятнадцатый! Пятнадцатый! В воздухе самолет противника! Высота шесть тысяч метров. Курс — сто двенадцать... Разрешаю взлет.

— Понял. Слушаюсь!

Стремительно уплывает из-под колес бетон, земля круто уходит вниз, база словно съеживается, становится точкой, исчезает из виду. За самолетом тянется шлейф дыма. Двигатель все сильнее и сильнее толкает машину, и она быстро взмывает в небо. Руководитель полетами непрестанно дает с земли команды, указывает высоту, направление, скорость. А внизу, на командном пункте, на экране локатора сближаются две белые точки. Напряженно работают операторы, и на огромной, подсвеченной сзади карте прочерчиваются курсы полета самолета «противника» и мчащегося ему наперерез истребителя-перехватчика. Здесь, в небе, Андор еще ничего не знает. Возможно, это — обыкновенное учение, а самолет-«противник» послали из соседней части или с другой венгерской базы. А может, это — «залетная птица», которую нужно вынудить сесть на наш аэродром. Однако неизвестный самолет может пустить ракету в него или открыть по нему огонь из автоматических пушек... Словом, и первое, и второе, и третье — одинаково вероятно.

Слева показалась маленькая точка.

— Я пятнадцатый, я пятнадцатый. Вижу цель.

— Действуйте кинофотопулеметом.

Ну, наконец-то! Эта команда все прояснила: значит, учение... Задача того летчика — «подыграть», Андор же должен перехватить его. Фотопленка зафиксирует их маневры и тот момент, когда — в случае настоящего боя — он пустил бы ракету. Однако до этого нужно еще поработать. Тот пилот тоже знает, что ему на хвост может сесть истребитель-перехватчик, а потом может пустить в него ракету... И истребитель-«противник» начинает бешеную карусель, точно разъяренная оса. Андор упорно и неотступно следует за ним. Земля и небо перемещаются со стремительной быстротой, двигатель ревет. Наконец в наушниках шлемофона звучит:

— Из выпущенных десяти ракет «воздух — воздух» семь попали в цель.

— Я пятнадцатый, я пятнадцатый! Цель поразил.

Самолет-«противник» делает крен вправо и, сделав большую дугу, уходит вниз, а затем исчезает.

И опять — чистое, безбрежное небо.

«До чего же хорошо, Кристи! Как бы объяснить это тебе так, чтобы ты не кривила рот в иронической усмешке? Ведь самолет «противника» мог нести и ядерную бомбу!.. И пусть синие горы похожи сверху на рельефную карту, человек и здесь, на высоте, будучи одинокой песчинкой в космосе, остается человеком и чувствует пульс жизни. Ему дороги и янтарные гроздья на кустах винограда, и маленькие школьники за партами, и поезда, проносящиеся по виадукам...»

И вдруг двигатель заглох. Андор сразу же определил это и увидел, как стрелка, показывающая число оборотов, поползла назад и замерла на нуле.

Ощущение опасности непроизвольно растекалось по нервам, но это не было страхом. «Что же случилось? Отчего мог заглохнуть двигатель?» Андор почувствовал, как у него пересохло во рту и перехватило дыхание. Однако он отчетливо воспринимал все, что происходило с самолетом. Мощная сила, толкавшая машину вперед, иссякла. Самолет начал быстро терять высоту, и машину сильно затрясло. Андор встряхнул головой и сдавленным голосом произнес:

— Я пятнадцатый, я пятнадцатый! Нахожусь в аварийном положении.

— Что случилось, пятнадцатый? Вас плохо слышно. Повторите!

— У меня заглох двигатель.

Андор старался перевести машину на планирование, чтобы она не перевернулась.

— Высота двенадцать тысяч метров, иду курсом двести шестьдесят восемь...

— Попробуйте запустить двигатель.

— Понял.

Он включил стартер. Затем еще и еще...

Самолет резко снижался. Андор невольно подумал: «Удастся ли выйти живым из этой переделки?»

...Тяжелая металлическая машина вместе с боеприпасами и горючим стремительно неслась к земле.

— Пятнадцатый, доложите обстановку!

«Разумеется, в такие моменты летчика всегда заставляют разговаривать, чтобы отвлечь внимание и не дать поддаться панике».

— Я пятнадцатый. Двигатель не запускается.

— Попробуйте еще раз!

— Пробовал несколько раз! Безрезультатно.

— Доложите координаты.

— Высота — восемь тысяч, курс — двести шестьдесят три, удаление от базы — восемнадцать — двадцать километров, видимость — десять километров.

— Приготовиться к катапультированию!

«Интересно, что сейчас делает Кристи? Как она испугалась, когда в воздух поднялось звено Капаша и промчалось над нашим домом! А ведь над нашим домом постоянно пролетают самолеты. Неужели она всегда боится?.. Может, Кристи едет сейчас на автобусе в город? А может, болтает с женой Капаша? Или читает, лежа на диване? И ничего не знает... А может, она чувствует, что я сейчас в опасности? Впрочем, глупости! Как она может это чувствовать?!.»

— Доложите, готовы ли к катапультированию?

Андор, прищурив глаза, смотрел на стремительно несущуюся ему навстречу землю. Внезапно его осенила мысль: «А что, если упрямая вера Кристи в то, что мне не грозит более серьезная опасность, чем кому-либо другому,— всего лишь средство защиты от страха за меня?» И Андор вспомнил перепуганное насмерть лицо Кристи в тот момент, когда над домом проносилась тройка истребителей.

Приятно, конечно, сознавать, что Кристи так думает. Однако тут же Андор вспомнил ее фразу о том, что смертельный исход возможен в любой профессии. «Значит, и для летчиков тоже... И если рухнешь на землю, что толку в твоей одержимости? Неужели она так думает?!»

— Пятнадцатый! Пятнадцатый! Доложите готовность к катапультированию... Немедленно катапультироваться!

«Ну что он заладил одно и то же?!»

— Анди! Ты слышишь меня, старина? Немедленно катапультируйся!

«Ну и ну! Здорово же разволновался шеф! Почему же я так спокоен?.. Конечно, пиропатрон выбросит меня вместе с сиденьем... А самолет рухнет на землю, и никто никогда не узнает, что случилось с двигателем... А ведь это так важно знать! Это сберегло бы другие машины...

Семь тысяч метров... Есть еще небольшой запас.

Сколько процентов за то, что меня ждет смерть? Вообще-то, если катапультироваться, то не больше двадцати: парашют, по всей вероятности, благополучно опустит ме-

ня на землю... Впрочем, это все — гадание на кофейной гуще. В Америке, например, двадцать три процента из катапультирующихся погибает,— такова статистика. За какой вот только год? Забыл... А сколько шансов за благополучный исход посадки с заглохшим двигателем? Такой статистикой никто не занимается...

Вся беда в том, что очень многие летчики до последней минуты остаются в машине, а когда все-таки решают катапультироваться — уже поздно. Тут тоже важно не упустить момента. Ведь теоретически — это единственный шанс на спасение. Реальный шанс... Конечно, я тоже катапультируюсь, но можно еще чуточку повременить...»

— Высота — пять тысяч метров, курс — двести пятьдесят. Пока держусь, товарищ командир.

— Пятнадцатый! Приказываю немедленно оставить машину!

«А действительно, какого лешего я медлю?! Эх, если бы Кристи оставалась такой, как прежде! Как несколько лет назад. Мы так хорошо жили! С ней я чувствовал себя, как за каменной стеной. И имел все основания любить свой домашний очаг... А что, если после катапультирования меня затянет в штопор и я потеряю сознание? Или если динамическим ударом разорвет парашют? Вот эти-то двадцать процентов и определяют степень риска... Мне давно уже нужно было оставить машину, чтобы не потерять надежду вернуться к Кристи. Впрочем, она уже не просто Кристи, а Кристина, индивидуальность!.. Ну и глупости же приходят на ум! Стыдно так думать о Кристи!..»

Внизу показалась база, окруженная прижавшимися друг к другу блочными домами. База конусом врезалась в равнину. За нею — горы, а еще дальше — четкие контуры австрийских Альп.

Да!.. Вот на что надеялся опытный пилот истребителя-перехватчика — это долететь до базы!

— Я пятнадцатый! Я пятнадцатый! Вижу аэродром. Двигатель запустить не смог. Прошу разрешения на посадку.

Молчание. Нужно подождать, пока там, внизу, руководитель полетов примет решение. В руках у него микрофон, и их диалог записывается на магнитофонную ленту. Возьмет ли командир эту ответственность на себя? Что касается машины, то тут нет никакого риска. Если

пилот катапультируется, то машина упадет и взорвется. Если пилоту не удастся посадить самолет, тот же конец. Командиру нужно взять на себя ответственность за жизнь пилота.

Молчание. Поверит ли в него «старик»? Секунды тянулись, как резиновая лента. Но вот в микрофоне послышался сдавленный вздох, а потом хриплый голос сказал:

— Посадку разрешаю.

— Вас понял.

Больше раздумывать не над чем. Внизу, на бетонной взлетно-посадочной полосе, — полная готовность: пожарные, скорая помощь — все в ожидании.

Рецепт теоретически прост: необходимо управлять самолетом, чтобы он, продолжая планировать, точно вышел на посадочную полосу, и, выпустив закрылки, вовремя посадить самолет на землю. Практически же осуществить этот простой рецепт — очень трудное дело. Самолет с горючим в баках, ракетами и боеприпасами должен попасть именно на ту узенькую полоску, что со стремительной быстротой уже проносится под ним. Вот уж и земля наконец-то. Машина — на бетоне!

Погасить скорость! Анди весь покрылся испариной. За самолетом полыхнул купол тормозного парашюта, однако сильной воздушной волной его тут же сорвало...

Когда его «миг» попал в специальную нейлоновую сеть в конце посадочной полосы, привязные ремни до хруста сжали Андору ребра.

К самолету уже мчались газики. С них спрыгивали техники и пилоты отдыхающей смены. Вот они открыли фонарь кабины, подняли Андора из машины, сняли с него скафандр. В ушах у Андора гудело, голова шла кругом, но он держался на ногах.

— Докладываю: посадку совершил...

Подполковник Фекете прижал его к груди. Радостный и счастливый командир воскликнул:

— Ну, ты будто заново родился!..

Тоти вопил:

— Ты несся к земле как метеор! Ни дна тебе ни покрышки!..

Андор улыбнулся и вдруг, выскользнув из объятий Фекете, без сознания упал на землю. Это был шок после пережитого.

Врач, внимательно осмотрев его, сказал:

— Ничего, ты сейчас наверняка здоровее, чем когда впервые появился на свет.

Видно, к нему теперь прочно прилипнет, что он родился заново... Он вспомнил эти слова, когда после небольшого импровизированного торжества в штабе медленно брел домой. «Нежданно-негаданно родился вторично... Впрочем, за одно это никого не представляют к награде...»

«...Что сказать сейчас Кристине? Как объяснить, почему я не катапультировался? Почему решился на этот сумасбродный шаг? — думал Андор, поднимаясь по лестнице. — А если говорить откровенно, то я и не мог поступить иначе... Конечно, многое будет зависеть от того, в каком настроении Кристина. А может, она уже знает?..»

Андор перебрал в голове множество вариантов, но, когда на его звонок открылась дверь и перед ним предстала Кристи, он просто сказал:

— Знаешь, я только что сел с заглохшим двигателем. Отказал на двенадцати тысячах метров. На машине — ни царапины...

Кристина вцепилась в ручку двери и, казалось, лишилась дара речи. Она будто окаменела и молча смотрела на него. А он повесил на вешалку фуражку, планшет и прошел в комнату.

Кристи нагнала его и обняла сзади, потом нежно взяла за голову и повернула к себе сначала лицо, а потом и всего его. Тесно прижавшись к нему, она целовала его глаза и щеки, орошая их слезами.

— Анди!.. Дорогой!.. Как ты мог?!. Что было бы со мной?..

У Андора будто гора с плеч свалилась. Словно торопясь выговориться, он начал рассказывать о товарищах, которые чуть с ума не посходили от радости, о командире, о враче, о том, что его представляют к правительственной награде. А в общем, все это неважно! Главное, спасена машина. Впрочем, самое важное, пожалуй, то, что теперь можно проверить двигатель и установить...

Андору было радостно оттого, что и Кристина тоже радуется, что и она понимает его, что снова у них все, как прежде...

Они подошли к открытому окну. Заходящее солнце окрашивало все в золотисто-оранжевые тона, а далекие синие горы постепенно окутывались загадочной лиловой дымкой.

ПЕТЕР БЕРКЕШ

КОМАНДИР БАТАРЕИ

1

То будничное утро казалось более серым, чем обычно в это время года. Небо заволокли угрюмо нависшие тучи. Неприятный, пронизывающий туман лип к оконным стеклам, проникал в комнаты, опускаясь на неубранную постель, на сдвинутые с привычных мест кресла и стулья, обволакивал, словно матовой пленкой, лепестки цветов, кактусы и еще бог знает какие растения, заполнившие до отказа цветочницу с семью ступеньками.

И хотя майор Мишкеи делает вроде бы все возможное, чтобы поскорее закончить нудную, но неизбежную процедуру утренних сборов перед уходом на службу, время тянется нестерпимо долго. Движения его машинальны, он не раздумывает ни над чем и действует, как раз и навсегда заведенный механизм. Да и о чем можно думать, если пронзительный голос собственной супруги, сто́ит только продрать глаза, настигает вас, как мушкетерская рапира, в любом углу комнаты, в ванной, на кухне — везде и всюду! Если не натянуть на себя панцирь молчания, того и гляди, проткнет насквозь.

— Да, да, изволь сегодня в порядке исключения, хотя бы ради сына, освободиться пораньше и быть дома не позднее пяти! Если мальчик приедет, как обещал, пусть хоть кто-то из родителей встретит его в родном гнезде. Ты понял, о чем я говорю? Я не желаю, чтобы те жалкие два-три часа, которые он проводит дома... Господи, мое какао! Вот и в прошлый раз он проскучал тут один с

девчонками полчаса, а потом повернулся и был таков. А все потому, что ты, как обычно, предпочел торчать в своей казарме до отбоя...

Наконец он выбирается в прихожую и ощущает в руке тяжесть портфеля, сбрасывая в его разверстый зев утреннюю газету и уже ожидающий на крышке ящика для белья завтрак в нейлоновом мешочке — пару увесистых бутербродов с бужениной и несколько стручков зеленого перца. Еще минута, еще. Осталось лишь задернуть молнию на портфеле, взять фуражку, отворить дверь...

— На всякий случай я оставлю ключ у соседей. Сегодня Ица Фюлеки наверняка будет дома, она взяла выходной для большой стирки. Ей-то можно! Кроме того, я прикажу Ильдике оставить для Чабы записку. Но ты все равно постарайся успеть, слышишь? Придет парень, угости его домашней колбасой, найдешь в кладовой. Да не забудь хлеба отрезать... Ты слушаешь меня или нет?

Жена произносит свой утренний монолог, стоя в двери, ведущей на кухню. В одной руке она держит большой кухонный нож, в другой — наполовину намазанный маслом кусок хлеба. Волосы ее растрепаны, из-под короткого, в розовых цветах пеньюара, наброшенного на худые плечи, видна длинная, до пят, шелковая ночная сорочка, смутно белеющая в сумраке прихожей.

Замок «молния» застревает на полпути, и Мишкеи в сердцах дергает раз, другой... Слышится треск, ушко отламывается и остается в руке, а острый обломок впивается в большой палец. Черт бы его побрал!

— И не читай ему мораль, понятно? Быть может, он и домой стал редко заглядывать из-за того, что ему наскучили твои семинарские занятия. Мальчик уже студент, без пяти минут мужчина, а ты все по-прежнему... Эх, да что там!

Мишкеи сдергивает с вешалки фуражку, ловит ее на лету и нахлобучивает на голову. Поворачивается, чтобы попрощаться, но жены уже и след простыл, ее голос проникает из-за стены комнаты, где спят девочки.

— Вставайте, барышни! Ну, быстро, раз-два! Ильди — в ванную, Аги сегодня застилает постели. Двигайтесь, да поживее, я уже ставлю на огонь яичницу. Двадцать минут на сборы, ни секунды больше. Ну, раз-два!..

Ранка пустяковая: на пальце показалась капелька крови и тотчас же свернулась. Однако болит, проклятая... Мишкеи быстро подходит к двери, нажимает на ручку:

— Счастливо оставаться, я пошел!

2

В такой ранний час лестничная клетка еще пуста — обитатели дома отправляются на работу немного позже. Дело в том, что все, за исключением Мишкеи, ездят в город на велосипедах. Их дом так и прозвали в округе — «дом велосипедистов».

Мишкеи бегло оглядывает себя — ботинки, брюки, китель, орденскую планку с четырьмя колодочками над левым карманом, погоны с блестящей большой звездочкой посредине. За два десятка лет этот осмотр стал привычкой. Затем он поправляет фуражку на голове и, не найдя никаких отклонений от нормы, направляется вниз по каменным ступенькам.

Стук его форменных полуботинок с подковками на каблуках гулко отдается в лестничной клетке. Щелк-щелк... Один этаж, второй, третий... Щелк-щелк. Время от времени размеренный звук шагов тонет в веселом утреннем гаме, доносящемся из-за выходящих на площадку дверей. В такой ранний час слышны главным образом звонкие детские голоса: тут и визг что-то не поделивших между собой малышей, и требовательная скороговорка мальчиков и девочек постарше, веселые боевые крики, неудержимый хохот или рев, зовущий на помощь мам, пап и других родственников. Каждый этаж как бы на своей собственной радиоволне ежедневно извергает в эфир эту утреннюю какофонию. И сколько бы ни клеймили ее на собраниях жильцов и стихийных диспутах с неизменным выводом о том, что «этого больше терпеть нельзя», в «доме велосипедистов» все шло по-старому. Все взрослые жильцы дома были единодушны в осуждении утрениих «концертов», и только для ушей Мишкеи они по-прежнему звучали чудесной музыкой юности. Как и прежде, в течение вот уже многих-многих лет, когда по утрам он спускался вниз со своего пятого этажа, его лицо освещалось доброй улыбкой. У некоторых, самых шумных дверей он иногда останавливался и, постучавшись, уговаривал своих маленьких приятелей отдать

должное вкусному маминому завтраку и прекратить домашнюю войну, ибо, если не будет дисциплины, никакой военной игры в очередное воскресенье не состоится. Воодушевленный, он, бывало, даже насвистывал, шагая по улице, и, к немалому своему удовольствию, вызывал недоуменные взгляды прохожих, оборачивавшихся на веселого майора. Увы, теперь все это куда-то ушло; безвозвратно канули в прошлое воскресные военные игры, дворовые футбольные матчи, веселые походы и «казаки-разбойники», велосипедные гонки и иные мальчишеские затеи. Теперь Мишкеи лишь иногда замедлит шаги на лестничной площадке одного из этажей — чаще всего самого шумного — третьего, где за четырьмя квартирными дверьми исполняют свою утреннюю симфонию целых двенадцать юных глоток, — и, прислушавшись, сравнит знакомые, но уже окрепшие голоса с прежними, совсем детскими, еще живыми в его памяти.

В нахлынувшем потоке чувств выплывают обрывки воспоминаний. Губы Мишкеи складываются в грустную улыбку, к сердцу подступает щемящая волна. И если бы кто-нибудь, увидев его в эту минуту, удивленно спросил: «Что это на тебя нашло, товарищ майор?» — Мишкеи без колебаний ответил бы: «Ничего особенного. Стареем, дружок, вот и все». И в этом ответе прозвучала бы невеселая правда. Ведь Мишкеи уже далеко не юноша, в прошлом месяце ему стукнуло сорок семь. Волосы сильно поредели на макушке, засеребрились на висках, образовалось пусть не безобразное, но все же заметное брюшко, забавно подпрыгивающее, когда приходится переходить с шага на бег. Да и сами ребята из «дома велосипедистов» уже не так, как бывало, ликуют и прыгают вокруг своего неизменного «вождя» и организатора всех дворовых затей, радуясь каждому его появлению. Мальчики превратились в подростков, девочки — в девушек, разбились по парочкам, и их теперь больше привлекает уединение, чем общество Мишкеи. «Увы, пролетело наше времечко!» — добавил бы Мишкеи, да еще посмеялся бы над собой: «Значит, и впрямь стареем, Миша?! Волосы седые, брюшко отрастил!» Однако довольно. Лучше об этом не думать.

3

А вот качели, пожалуй, надо бы привести в порядок. Несмотря ни на что.

Вон они сиротливо торчат перед домом, посреди пустыря, обнесенного каменной оградой. На этом пустыре жильцы когда-то собирались разбить сквер, но после многих трудных боев со взрослыми «несносные мальчишки» отстояли это жизненное пространство для собственных целей. Не помогли ни сила, ни уговоры. А потом... В позапрошлом году на качели наехал какой-то грузовик, изрядно попортив уникальное сооружение. Распорки и стропы поржавели, потрескались от времени. Кто-то из доморощенных юных остряков недели две назад вывел жирно мелом на верхней перекладине: «Памятник архитектуры». Каждый раз, когда Мишкеи проходит мимо, его взгляд невольно задерживается на этой издевательской надписи, а руки так и тянутся ее стереть. Но он отворачивается и идет своей дорогой. «В конце концов, он прав. Памятник — не более того», — думает майор, а в душе сменяют друг друга противоречивые чувства: иногда смутные надежды, иногда угрызения совести, а порой даже удовлетворение. Ведь это действительно памятник трудам его, Мишкеи!

А сегодня снова решает: надо все-таки привести качели в порядок. Пусть жена ворчит сколько ей угодно; дворовые ребята будут рады, факт. А может, и нет, все равно. Он починит их просто так, для собственного удовольствия.

Мишкеи проводит ладонью по ржавой, растрескавшейся поверхности погнутых металлических труб, по цепям, поддерживающим сиденья, и неожиданно вспоминает — ведь их красил его сын Чаба, это точно. Сколько лет минуло с тех пор? Шесть? Или восемь?.. Перед мысленным взором майора оживает картина: Чаба стоит на скамеечке с ведерком краски в левой руке, с кистью — в правой и, высунув кончик языка, усердно размалевывает звенья цепей. Капли зеленой краски падают на шлаковую площадку, на доску сиденья, на руки и разрумянившиеся щеки Чабы, на его красную фуфайку... «Высший класс! Верно, отец?!» Трудно, ах как трудно выразить все это словами: они вдвоем, он и его сын, рука об руку делают одно общее дело, и мальчик весь с ним, со своим родным отцом, едино и безраздельно... А теперь? Все это куда-то ушло и, быть может, никогда уже не повторится... Перекосилось и поржавело, как эти качели...

Качели!.. Что, если выйти из дому на часок пораньше и приняться за ремонт? Интересно, что будет, если Чаба, заглянувший в родные края, застанет отца за этим занятием у старых качелей?..

Неожиданная мысль эта заставила чаще забиться сердце. Фу, даже жарко стало.

Но когда Мишкеи выходит на улицу, вся затея уже кажется ему только ребячеством, которое вызовет у Чабы разве что насмешливую гримасу. «Ведь он уже без пяти минут мужчина!» — вспомнились ему слова жены.

Да, конечно...

4

Мишкеи идет по тротуару. Издали, со стороны соседней стройки, слышится жужжание мотора; где-то пыхтит трактор, громыхают сброшенные доски, позвякивают железные посудины, доносятся звуки веселой песенки — это поет кто-то из строителей. Лай собак из-за заборов, постукивание каблуков прохожих по плитам тротуара... Все это звучит как давно знакомая музыка, настолько привычная, что ее уже не замечаешь.

— Добрый день!

— Здравия желаю!

До ворот казармы меньше получаса ходьбы, половина пути уже пройдена. И тут, как обычно, понемногу наваливаются заботы и ожидания начавшегося дня, разговоры, споры, встречи, необходимость что-то решать, оценивать, отдавать распоряжения. Перед глазами возникают уже другие картины. Новые ситуации требуют неотложного решения. Звучат иные слова. Вся масса предстоящих дел вырисовывается все четче и четче. Разумеется, все это не покидало его и прежде, в часы, проведенные у семейного очага, но иначе — смутно и неопределенно. Теперь же, в эти четверть часа до начала обычной «текучки», он уже весь там, в казарме, среди своих парней, которыми он призван командовать и управлять.

— Добрый день, товарищ майор!

— Здравия желаю!

Это Барна Ловаш, старшина-сверхсрочник, слегка прихрамывающий и уже отпустивший брюшко, директор подсобного предприятия полка — скорняжной мастерской. Надо остановиться, пожать его пухлую влажную руку,

обменяться двумя-тремя словами и, ничего не поделаешь, выслушать его бравый доклад о последних достижениях «женского бедлама» (так директор называл свою мастерскую, где в основном трудились жены офицеров) — о том, что профессиональное мастерство новоявленных мастериц час от часу растет, равно как и их заработки, о временных неурядицах, трудовых обязательствах и, конечно же, о радужных перспективах...

— Ваша уважаемая супруга, товарищ майор, вероятно, упоминала о наших планах на будущее?

Гм... Уважаемая супруга за двадцать четыре часа в сутки успевает рассказать о таком ворохе всякой всячины, что товарищ майор абсолютно уверен в том, что она просто не могла не упомянуть о «наших планах» в очередной порции новостей.

— Да, в общем упоминала, но что касается деталей...

— Деловой человек ваша супруга, товарищ майор, очень деловой! Если бы остальные обладали хотя бы половиной ее коммерческой сметки, средний заработок наших мастериц давно бы приблизился к двум тысячам форинтов, уж поверьте мне. А тогда мы обогнали бы все прочие мастерские нашей полковой артели. Не говоря уж о доходах каждой семьи...

— Это ясно. Но если говорить конкретно, то...

— ...то нам необходимо выдвинуть вашу жену на руководящую должность, товарищ майор. Мы быстро развиваемся, растем как на дрожжах и уже просто не можем обойтись без освобожденного начальника производства, поверьте мне. А лучше вашей уважаемой супруги, товарищ майор, днем с огнем человека не сыскать — она словно родилась для этой должности. К тому же материальные преимущества и льготы, прошу покорно, они составили бы для нее триста пятьдесят — четыреста форинтов в месяц в виде персональной надбавки. Кроме того, это избавит ее частично или полностью от физического труда. Надеюсь, ваша супруга упоминала об этом дома, товарищ майор, не так ли? Я хотел бы обсудить с вами все стороны этого дела. Я имею в виду прежде всего зачисление ее на упомянутую должность, что, в свою очередь, связано иногда с разъездами и командировками, например в Центральное управление промысловыми артелями, туда-сюда, деловые связи... Одним словом, как бы это сказать... вам, товарищ майор, пришлось бы пойти на

некоторые жертвы у семейного очага, как говорится, в интересах общего дела, если это, разумеется, не пойдет в ущерб интересам службы. Вы меня, конечно, понимаете, товарищ майор?

Во время этого залпа-монолога Мишкеи смотрит поверх головы директора, словно видя перед собой фигуру своей жены Маргит. Вся устремленная вперед, она вот-вот сорвется с места и полетит куда-то, глаза блестят, тонкие губы плотно сжаты. Мишкеи только такой и может представить себе собственную уважаемую супругу. Деловая женщина, слов нет... Маргит поистине гениально ориентируется во всех житейских делах и, более того, обладает редкостной способностью организовывать все, что ее непосредственно окружает. Кто, как не он, муж, знает лучше всех, что до́ма каждой булавке и каждому движению строго предписана определенная роль, рассчитано все — от филлера до планов на будущее. Правда, не все они претворяются в жизнь — главным образом по причинам материального порядка, — но в неустанно разрабатываемых и излагаемых вслух перспективах недостатка нет. И все они требуют лишь «чуть-чуть побольше серьезности и внимания» либо «чуть-чуть поменьше бессмысленного и никому не нужного ребячества» для того, чтобы без всяких затруднений достичь «почти идеального благосостояния». Что и говорить, Маргит умна и находчива, из нее так и сыплются предложения одно лучше другого, — числом примерно раз в шесть больше, чем их можно осуществить, — а ее идей хватило бы, чтобы помочь доброй дюжине мужей пробиться если не до поста премьер-министра, то до командира полка наверняка, только вот, гм... «Только ты, мой друг, никогда не знаешь, как использовать мои идеи... всю жизнь занимаешься своими детскими глупостями... даже собственного сына едва не сбил с пути истинного...»

— Товарищ майор, я позволю себе подчеркнуть: мы очень заинтересованы в том, чтобы вы отнеслись с пониманием к решению этого вопроса; ведь, как я уже говорил, интересы вашей семьи в некотором роде, так сказать, несколько того... Но, взвесив все «за» и «против», вы и ваша супруга...

— Что вы сказали?.. Ах, да, да. Моя жена — взрослый, независимый человек, товарищ Ловаш. И она решит

все сама, по собственному разумению. Извините, но мне пора... Всего наилучшего!

— Всего доброго, товарищ майор, прошу передать мой привет вашему талантливому сыну. Ваша уважаемая супруга говорила, будто он сегодня должен вас навестить, так что непременно передайте мой привет и наилучшие пожелания. Великолепно, что он уже студент университета. Это большая удача, хотя и родители тут, наверное... гм, гм... Всего наилучшего, товарищ майор, до свидания, будьте здоровы!..

5

«Слышь, Мишка, деловая девица, ловка — дальше некуда!»

Он уже не помнит лица своего тогдашнего приятеля Дюри Сабади, но слова его, сказанные в адрес Маргит, по сей день звучат в ушах.

«Возле нее, Мишенька, не соскучишься, это уж точно... Если только она, конечно, выдержит твои причуды...»

Спустя десять лет они встретились снова. «Помнишь, старина, какие фортели мы выкидывали, когда ездили с с агитбригадой в твое родное село?» К тому времени он, Мишкеи, уже оставил завод «Ганц», стал офицером. Сабади, кажется, поинтересовался, как поживает Маргит. Время стерло все, остались в памяти только сказанные им когда-то слова...

«Если она выдержит твои причуды... Не подумай, пожалуйста, чего-нибудь дурного... Но понимаешь ли, такой уж это тип — вечно кипит, бурлит, организует, командует. Не успеем мы покончить с одним делом, а она уже торопит браться за другое... И откуда в ней столько энергии, один бог знает!.. Признаюсь, не представляю ее в роли жены. Она вся в общественной работе, для нее главное — коллектив, коллектив и еще раз коллектив. А вам, военным, нужны особые жены, как я понимаю...»

Как он понимает... Гм...

«Почему ты пошла за меня, Маргит?» — «Потому, Мишенька, что я тебя люблю». — «Но ведь я часто буду оставлять тебя одну. Будешь скучать». — «Родится ребенок, не соскучусь». — «И тебе этого будет достаточно?» — «Ты ломай себе голову не над этим, а над тем, как получше

окончить свое военное училище. И будь немножко поактивнее, а то ни одна собака тебя не заметит, и в конце концов ты получишь назначение на самую захудалую должность». — «Ну, ежели у тебя ноги будут зудеть, найдешь, с кем потанцевать. Молодых парней и в деревне много». — «Перестань, пожалуйста, сельские мужички никогда меня не воодушевляли». — «Так ведь я сам мужик». — «Был да весь вышел, теперь ты кадровый военный. Офицером будешь. Маршальский жезл лежит у тебя в ранце».

Маршальский жезл? Увы! Вместо него — приказ о переводе в другую часть. За первые семь лет — шесть переводов. Шесть раз — новая должность, новая квартира, все с самого начала и новая надежда. «Скажу откровенно, товарищ Мишкеи... Видишь ли, Миша... Надеюсь, вы понимаете, товарищ младший лейтенант... лейтенант... старший лейтенант... На эту должность мы не можем назначить первого встречного... Ведь кому-то все равно придется...» После рождения Чабы, их первенца, Маргит хотела иметь еще четверых детей, но помешала кочевая офицерская жизнь. Только потом, позже, уже здесь родились две девочки.

«Ну, Миша, хватит. По мне, оставайся командиром батареи хоть до гробовой доски, больше путешествовать я не согласна. Эта дыра пусть отдаленно, но все же похожа на город, квартира тоже приличная и, главное, собственная. И есть школа для детей». — «Ты отлично понимаешь, Маргит, это от меня не зависит». — «От тебя — конечно, вот уж сущая правда».

6

По мере приближения к воротам казармы Мишкеи все чаще обгоняют велосипедисты, и все чаще его рука поднимается к козырьку. Звучат приветствия, пожелания доброго утра, цветут взаимные улыбки. Мир вокруг наполняется характерными признаками начинающегося трудового дня — встречами и знакомыми голосами, громкими звуками команд, строевыми песнями, урчанием моторов. Постовые у проходной подчеркнуто внимательны и щеголяют выправкой, улыбаются только ему одному предназначенными улыбками. Главная аллея встречает его цветочными клумбами, цитатами из воинских уставов

на транспарантах, бассейном с плавающими в нем золотыми рыбками. Она ведет к зданию штаба из красного кирпича, где с Доски почета в вестибюле глядят на вошедшего отличники боевой и политической подготовки. Перед входом в штаб — пыльный учебный плац с командирской трибуной посредине и двумя флагштоками по бокам. На плацу, как всегда, с полдюжины позевывающих солдат. И наконец сама казарма — полумрак проходной, грубый солдатский запах, режущий слух грохот кованых ботинок, лестница. Первый этаж, второй, третий... Странно, но Мишкеи смотрит на все вокруг через какую-то непонятную дымку; голоса, очертания предметов, шумы доходят до его сознания, словно процеженные сквозь огромное незримое сито. И Мишкеи знает — причиной этому Чаба. На нем сосредоточены все помыслы; образ сына неотступно стоит перед глазами, заставляя думать о нем, вспоминать его мальчишеские ужимки, ловить на лету сказанные им фразы и перебирать в уме возможные ответы на них, видеть в каждом встречном солдате его лицо. В этой игре у Мишкеи большой опыт: он ведет ее вот уже несколько месяцев, особенно когда перед ним появляется старший сержант Татар, командир первого огневого взвода. Этот юноша как-то особенно ощутимо напоминает ему сына и по внешности, и по манере держаться, — словом, всем своим существом. Немного рассеянные движения, привычка недоговаривать концы фраз, неожиданный блеск в глазах, заразительные взрывы смеха, а порой — чуть заметная презрительная усмешка в углах рта, быстрый и острый как бритва ум, лукаво-страдальческое выражение лица, когда речь заходит о неумолимо формальных требованиях уставов и инструкций, ограничивающих «свободу личности» и рвущуюся наружу индивидуальность...

Всякий раз, глядя на Татара, майор представляет на его месте своего Чабу и воспринимает все эти полные уважения взгляды, вопросы и нетерпеливое ожидание ответа, ликующие рапорты, доверчивые признания, почтительное и продуманное согласие так, будто они исходят от собственного сына.

— Товарищ майор, разрешите доложить! Вчера вечером было нарушение. Солдат Коронди...

«Опять Коронди? Чтоб его мухи съели! Что он опять натворил?»

— ...бросил свою машину и отправился вздремнуть. Приехал раньше обычного, мойка оказалась занята, пришлось ждать очереди. Он поставил машину возле гаража и удрал. Мы искали его три часа, а он, оказывается, забрался в укромное местечко в запретной зоне и уснул. Если бы не храпел, как бегемот, его и сейчас бы не нашли.

Очень хотелось оставить этот проступок без последствий — день начался бы более гладко. Хотя,— кто знает? — может быть, возня с Коронди подстегнет медленно тянущееся время и скорее наступит вечер...

— К нашему несчастью, дежурным по полку оказался майор Мороц.

«Мороц? Этого только не хватало!»

— Что он сказал?

— Весь городок ходуном ходил, стены тряслись... Одним словом, все как обычно, ничего нового, если не считать... Все говорить, товарищ майор?

— Татар!

— Гм... Он сказал: вот к чему приводит воспитание, когда командир обертывает свои отношения с подчиненными в папиросную бумагу.

«В папиросную бумагу... Надо же до такого додуматься!»

— Ну, а потом?

— Он сказал, что на этот раз сам позаботится о Коронди. Наложит такое взыскание, что провинившийся аж почернеет.

«Аж почернеет»! Похоже! Именно так привык выражаться майор Мороц».

— Должен сказать, товарищ майор, меня самого тоже зло разобрало. Этот олух Коронди перешел уже все границы! Вы только представьте: двадцать человек его ищут, казарма вверх дном, даже мусорный ящик переворошили, а за их спиной дежурный по полку офицер мечет громы и молнии в весьма изысканных выражениях!..

— Татар!

— Я серьезно, товарищ майор!

Татар явно смущен, Мишкеи это видит. Он явился к командиру рассерженный и ожесточенный, повторяя про себя: «Пора хорошенько всыпать этому Коронди, выгнать из армии к чертовой бабушке, а перед этим отделать так, чтобы надолго запомнил. Нельзя же до бесконечности

играть на нервах нашего «старика». Ведь когда-нибудь и его терпение лопнет, он осатанеет и, наподобие Мороца, закусит удила, превратится в железобетонного солдафона. А нам всем потом расхлебывать! Нет, этот балбес поистине заслуживает, чтобы на него хоть немножко спустили собак, и, конечно, не на словах, довольно его воспитывали и убеждали. В одно ухо вошло, в другое вышло. Надо его наказать...»

— Накажем, Татар, накажем. Теперь для этого у нас есть все формальные основания.

— Я тоже об этом подумал, товарищ майор!

— Кроме того, есть и другая сторона: наконец-то мы перестанем быть единственным подразделением, в котором солдаты не имеют взысканий. Опять польза, а?

Татар теперь уже и вовсе растерялся. Он был зол на Коронди, и майор согласился его припугнуть. Но если дело принимает теперь иной оборот и «старик» считает все это бесполезным? Как быть? Лицо у Татара, как открытая книга, по нему можно читать весь ход его мыслей. Коекого, кстати, это приводит в бешенство: «Такое непочтение к старшим! Вы только взгляните, какие он корчит рожи!» На самом же деле лицо старшего сержанта выражает лишь недоумение: почему ему дают такие головоломные задания и ставят в безвыходное положение? Зачем? Разве мало того, что он от подъема до отбоя руководит учебными занятиями батареи и распределяет обязанности между солдатами, исполняя приказы высшего начальства? Вот и теперь, сколько бы он ни злился, именно ему придется искать выход. Надо что-то придумать... Ага, кажется, есть!

— Товарищ майор! — Лицо Татара вновь становится бесстрастным. — Вам известно, кому Коронди строчит письма чуть не каждый день? Собственной мамаше! «Милая мамочка, отвечая на твое письмо, сообщаю...» Надо бы перехватить одно письмишко...

— Татар!

— Я не об этом, товарищ майор... Видите ли, это семейство далеко не богато. Отец умер десять лет назад, осталось на руках у матери пять ртов. Сейчас они бьются над постройкой нового дома, потому что старый совсем завалился. Вот мне и пришло в голову: что, если мы...

— Если мы?..

— Вы не догадываетесь, товарищ майор?..

В этот момент из-за улыбающейся физиономии Татара почти наяву выглянул Чаба. В такой ситуации оставаться в тени — это его явно не устраивало. «Может быть, все это весьма благородно, отец, но ты уж извини меня...» Майор помрачнел и насупился. Татар не ожидал подобной реакции.

— Вы не согласны, товарищ майор?

А перед мысленным взором Мишкеи вместо Чабы, заслоняя его, выныривает лицо Мороца с аккуратно подстриженной щеточкой усов, каждый волосок которых топорщится в предвкушении удовольствия ужалить своего извечного противника. Еще бы! Неслыханная удача: можно будет вдоволь потешиться над новым фортелем этого Мишкеи, везде — начиная от казармы и штаба и кончая комнатой для игры в карты в офицерском клубе. В ушах Мишкеи уже звучат все излюбленные фразы злорадного Мороца, с драматической нотой в голосе разглагольствующего о своем «глубочайшем убеждении» в том, что эти «беспринципные, бьющие на популярность» приемчики лишь подрывают, «дорогие товарищи офицеры», весь «наш заслуженный и выстраданный авторитет». Конечно, «дорогие товарищи офицеры» постараются деликатно унять его пыл, чтобы, чего доброго, не взбеленился и не настрочил рапорт с требованием провести расследование и Мишкеи не пришлось бы объясняться, попусту тратить дорогое время. Поэтому урезонить его надо осторожно: оставь, мол, Пишта, это дело, оно выеденного яйца не стоит, зачем попусту кипятиться, да и Миша знает, что делает. Но так или иначе, опять Мишкеи окажется в центре внимания — в самом деле, что это он в своей батарее опять вытворяет? Кроме того, чем кончится вся эта благотворительная затея, никому не известно, слишком тонкое это дело... Хотя, если откровенно, не так уж плох этот сонливый парень Коронди: не жулик, не подлец, только равнодушен к службе... «Извини, отец! — вновь выступает на передний план Чаба, оттеснив Мороца. — Оставь, ради бога, эту идиотскую терминологию — «равнодушен к службе»! Это же штамп. Я давно уже понял, что люди только посмеиваются над такими простодушными служаками, как ты... Используют в своих интересах, а сами за их спиной пожимают плечами и продолжают свои дела, куда более доходные, чем...» — «Нет, сын мой, — в глазах Мишкеи невольно мелькнул огонек, — это не твои слова,

а твоей мамаши, достопочтенной Маргит. Эту песню она затягивает всякий раз, когда я, командир батареи, по уши увязаю во всякого рода «мелких» делах и Маргит обуревают фантазии о том, кем мог бы ее муженек стать, если бы...» «Все равно, каким путем я пришел к этому выводу,— не сдается Чаба,— но такова жизнь, и факты есть факты. Прости, но подобная перспектива не для меня...»

Татар явно тяготится затянувшейся паузой. Он терпеть не может длительных размышлений и взвешивания всех «за» и «против». Мысль высказана, вот она перед вами. Либо принять ее — и за дело, либо отвергнуть, только не тянуть резину.

— Кстати, товарищ майор, — подает он голос, чувствуя, что без аргументов не обойтись, — такое мероприятие не повредило бы нашим батарейным интеллектуальным мальчикам... Может, пока прозондировать почву? Успех дела в немалой степени зависит и от того, как они к нему отнесутся.

— Согласен. Зондируйте. Но прохвосту Коронди об этом ни слова. И вообще ничего конкретного. Вам ясно, Татар?

— Ясно как день, товарищ майор!

7

Опустела командирская комната. Звонкий голос Татара доносился уже из коридора:

— Дежурный, построить батарею к выходу на занятия!

Первая половина дня обещала пройти нормально. По распорядку первые часы — политинформация, затем занятия по химзащите и преодоление штурмовой полосы. На первых двух присутствие командира батареи не обязательно. Чем заполнить время? Не извольте шутить, майор! Ящик вашего стола полон инструкций, которые нужно исполнить, а еще и Коронди, и Мороц, и два новых наставления, которые надо прочитать, и сданный в ремонт миномет, который обещали сделать сегодня, и предстоящее увольнение в город, и, наконец, сегодняшняя газета... «Солдаты, шире шаг, иначе отстанете от хода международных событий!» Да, ему повезло с этим Татаром, отличный командир взвода. Мишкеи даже не помнит, была

ли за все годы службы подобная удача. Хорошо бы оставить его в батарее, произвести в офицеры!.. Но парень и слышать об этом не хочет. «Я стану инженером, даже если мне придется ползти в приемную комиссию по-пластунски!» С первого захода поступить в политехнический ему не удалось. «Все из-за проклятой математики. Не добрал один балл, а знал весь материал назубок, поверьте, товарищ майор! С вами, наверное, такого не случалось, когда все знаешь, готовый ответ так и вертится на языке, но никак не желает вылезти на свет божий. Все знаешь, а сказать не можешь — обидно!» Затем, как полагается, последовал призыв в армию, на два года действительной. «Чего уж там таить, товарищ майор, особого восторга я не испытывал. Но делать нечего, служить надо. Я дал себе клятву — как только отслужу, опять подам заявление. А тут меня, как имеющего аттестат зрелости, решили превратить в офицера запаса, направили в военную школу. Там восемь месяцев без передышки накачивали всякой всячиной, которую положено знать и уметь заместителю офицера, потом украсили мои плечи погонами старшего сержанта и — напра-во, шагом марш в часть на офицерскую должность!» Кстати, из этого сорта «ускоренных кадров» Татар у Мишкеи уже четвертый. На первых порах казалось, что он окажется самым трудным из всех четверых. В характеристике, прибывшей из училища, фигурировала такая отнюдь не радующая фраза: «Образован, общая и военная подготовка хорошая, имеет командирские способности, но требует постоянного контроля, так как имеет склонность решать поставленные задачи методами, несовместимыми с требованиями уставов; кроме того, неоднократно предупреждался и наказывался за неуважительное отношение к старшим начальникам». Что именно скрывалось за этой мудреной формулировкой, Татар продемонстрировал на конкретном примере уже через неделю после прибытия в полк.

Он был назначен в наряд, в подчинение к Мороцу. Майор шел дежурным по части, Татар — начальником караула. Мороц обожал таких вот молодых необстрелянных сержантов и с нетерпением ожидал случая повстречаться с ними в служебной обстановке, чтобы своими особыми методами «раз и навсегда» втолковать новичку, что́ под его началом можно, а чего нельзя. Заполучив на целые сутки Татара, Мороц ударился в амбицию — видимо,

прежде всего по причине «вполне созревшей для гауптвахты» физиономии парня. Ночью майор поднимал подчиненного через каждые полчаса: «Не заснул ли кто из часовых? Вы проверили посты? Смена произведена без опозданий?» Все это действительно входило в обязанности дежурного по части, но ведь и Татар тоже исправно делал все, чему его учили. Спустя полчаса все повторялось — грозный Мороц вновь возникал перед начальником караула и в упор задавал все те же вопросы. Перед рассветом Татар потерял наконец всякое терпение и, вместо того чтобы доложить, как это положено по уставу, спросил резко: «С какой стати часовые и весь караул должны уснуть, если спать им запрещено?» «У этих пижонов так уже случалось. Спят, как сурки!» — прозвучал ответ. «Возможно, но только не со мной». — «Это мне наперед не известно». — «Совершенно верно, товарищ майор, но если этого вы знать наперед не можете, то зачем заранее предполагать дурное?» — «Вы мне не указывайте, что я должен предполагать!» — «Я и в мыслях не имел вам указывать, товарищ майор, только мне непонятно...» — «Не пререкаться, товарищ сержант! Это вам понятно?» Затем последовало самое замечательное: «Кто дал вам право мне грубить, товарищ сержант, и, находясь на службе, говорить начальству то, о чем вас не спрашивают?»

Мишкеи слово в слово знал все подробности этого диалога, поскольку впоследствии его неоднократно воспроизводили, уточняли, цитировали на всевозможных собраниях, совещаниях и других форумах. В результате старшему сержанту Татару «за пререкания и неуважительное отношение к старшему начальнику» (в полном соответствии с характеристикой из школы) объявили выговор в приказе по полку, а майор Мороц «за излишнюю настойчивость в оскорбительной для подчиненного форме при проведении проверки» получил предупреждение. Через полтора месяца взыскание с Татара сняли, а невольная симпатия Мишкеи к этому занятному парню после этого случая окончательно утвердилась. Ему нравились в Татаре порядочность и чувство собственного достоинства, а особенно то, что он осмелился проявить эти качества именно по отношению к Мороцу, тому самому Мороцу, который...

...Который в своем идиотском рапорте об этом «чрезвычайном происшествии» не удовлетворился тем, что по-

пытался «прижать» одного из парней его батареи, а постарался представить этот случай лишь следствием общего неблагополучия, «одним из показательных фактов», убедительно свидетельствующих о том, будто все подчиненные командира минометной батареи Мишкеи такие же «субчики для гауптвахты», как Татар, сплошь хулиганы, наглецы и бездельники, а сам майор Мишкеи, поддавшись на их «коварные разговорчики», покрывает неблаговидные поступки своих минометчиков, панибратствует с подчиненными, покупает их расположение к себе беспринципными послаблениями дисциплины и тому подобное... Правда, Мороцу так и не удалось спровоцировать скандал, позорящий честь полка, но намерения его были вполне очевидны — во что бы то ни стало облить грязью его, комбата Мишкеи. Чего стоили, например, такие формулировки: «Мишкеи занимается недостойными офицера играми с дворовыми ребятишками по месту жительства, с которыми бегает взапуски в полуголом виде, и аналогичными смехотворными ребячествами, оскорбительными для прохожих из числа гражданского населения, чем наносит ущерб и подрывает авторитет офицера венгерской Народной армии». Далее следовало откровение: дескать, «проживающие в одном микрорайоне с майором Мишкеи офицеры неоднократно высказывали ему свое неодобрение, но поскольку все эти предупреждения успеха не имели и майор Мишкеи остается глух к мнению товарищей», он, майор Мороц, «просит товарища заместителя командира полка по политической части лично вмешаться в упомянутое дело и категорически запретить майору Мишкеи заниматься вышеуказанной непотребной деятельностью».

Рапорт Мороца стал, конечно, всеобщим посмешищем. Офицеры полка во главе с самим Бикачи, заместителем по политчасти, немало потешились — каждый в меру своего темперамента — над тем, до какой степени «этот Мороц обалдел». Все так, но в атмосфере этого вселенского веселья на долю Мишкеи тоже выпала пара-другая шуточек, хоть и не слишком едких, но достаточных для того, чтобы понять: те самые родители, которые охотно и даже порой назойливо поручают его, Мишкеи, заботам своих детей, в то же время смотрят на все его дворовые затеи с недоумением и плохо скрытым пренебрежением. Вслух, в глаза, они снисходительно подбадривают Миш-

кеи: «Да плюнь ты на этого кретина Мороца и все его происки, успокойся и продолжай играть с детьми, как прежде; ведь ты еще молод и роль вождя наших ребят принадлежит тебе по праву, не сомневайся...» А за глаза...

«Разве я не говорила тебе об этом сотни раз? Разве не объясняла, что они тебя используют, чтобы как-то занять ребят, а потом над тобой же насмехаются? Или я тебя не предупреждала, не отговаривала, не убеждала бросить все это?..»

Он с легкостью бежал бы от этих нравоучительных тирад жены, если бы нашел понимание у сына, но ведь и Чаба... Его Чаба, который до сих пор беззаветно, даже с гордостью следовал за отцом в его стремлении организовать нечто разумно увлекательное для этих предоставленных самим себе, а значит, и тысяче соблазнов юнцов, тот Чаба, которого местная детвора столько раз избирала своим бессменным атаманом (авторитет отца вовсе не играл здесь главной роли) за его сообразительность и ловкость, Чаба, который столько лет пользовался славой «гениального организатора» всех дворовых мероприятий, что безоговорочно признавали даже те его сверстники, чьи отцы-офицеры занимали должности куда выше Мишкеи и которым не раз приходилось объяснять своим мамашам, почему именно этот Чаба Мишкеи опять атаман и командует ими, а не наоборот... И вот этот самый Чаба с кислой миной на лице молча ускользает от отца, ищущего поддержки в его дружбе, несколько раз подряд демонстративно отказывается от атаманства и в один прекрасный день, под предлогом близящихся экзаменов на аттестат зрелости, заявляет о своей отставке с почетного места атамана ребячьей ватаги раз и навсегда. Мишкеи, правда, уже тогда заподозрил, откуда ветер дует. Но это было последней каплей, переполнившей чашу. Если бы это случилось раньше — скажем, лет десять назад, — он, конечно, не сдался бы без боя, ответил бы на «отставку» Чабы смехом или просто махнул бы на него рукой и продолжал свои «игровые мероприятия в полуголом виде», как и прежде, будто ничего особенного не произошло. Но теперь — теперь все было иначе. В нем словно что-то оборвалось, не хватало уже ни упорства, ни мужества. И главное, — достанет ли сил признаться в том самому себе? — не было уже прежней убежденности в пользе дела. Так он постепенно начал отступать, со дня на день

откладывать очередные мероприятия, а затем и вовсе уклоняться от участия в них. Правда, идеи и предложения он еще подавал, но потом бросил и это, даже покалеченные качели все еще не привел в порядок. А ведь не кто иной, как младший отпрыск Мороца, остановил его однажды во дворе и сказал: «Дядя Миша, почините нам качели! А то мы просим-просим нашего папу, а он говорит: не приставайте, я не сумасшедший, чтобы у всех на глазах железяки выправлять. Ну, пожалуйста, дядя Миша...»

8

Звонит телефон.

— Дядя Миша, ты всегда лучше других разбирался в таких делах. Скажи на милость, как мне быть с этими прохвостами?

— Пригласи к себе их представителей, усади и спокойно с ними потолкуй. Объясни, что они обязаны выполнять, какое на это потребуется время и прочее. Установи точно, сколько у них останется времени, свободного от службы. Часов и минут столько-то, силенок — зависит, мол, от вас.

— Но ведь они хотят заниматься в шести специальных кружках. Понимаешь? В шести! Никакого чувства реальности.

— Чувства реальности! Еще скажешь, умения распределять время? Откуда этому у них взяться, черт возьми? Ведь они еще дети.

— Эти детки просто забыли, что находятся в армии, а не на подготовительных курсах в университет! Они готовы заниматься чем угодно, только не боевой подготовкой.

— Погоди минутку.

Мишкеи прикрывает ладонью телефонную трубку. Сидящий сбоку от него батарейный писарь Палош делает вид, будто целиком и полностью поглощен составлением расписания занятий на следующий месяц, и старательно выводит каллиграфическим почерком строчку за строчкой. Буквы получаются у него такие же аккуратные и кругленькие, как он сам. Но комбат отлично знает, что эти круглые розовые ушки насторожены до предела и что если он сейчас же не выпроводит писаря вон, то спустя

полчаса весь военный городок будет кишеть несусветными сплетнями, родившимися из «только что полученной информации», которые дополнят «славу» Мишкеи новыми качествами весьма сомнительной ценности.

— Палош, выйдите из канцелярии! — приказывает комбат и, только после того как писарь осторожно притворяет дверь, вновь подносит трубку к уху, чтобы продолжить разговор с лейтенантом Летеричем о весьма волнующей проблеме.

— Алло? Так на чем мы остановились?

— На том, дядя Миша, что эти прохвосты думают о чем угодно, только не о том, как стать отличными солдатами.

— Тебя это удивляет? Напрасно. Они прежде всего думают о том, как стать отличными инженерами.

— А ты это одобряешь?

— Принимаю как факт.

— Так запросто, без всяких возражений?

— А что я могу сделать? Если бы они избрали военную карьеру, то подали бы заявления о приеме не в политехнический институт, а в военные училища.

— Я не это имел в виду, дорогой товарищ майор, ты же знаешь!

— Понятия не имею, что ты имел в виду. Может быть, то, что они хотят таким манером увильнуть от службы на законном, так сказать, основании? Что вместо изучения материальной части они потребуют читать им лекции по прикладной математике?

— Не преувеличивай, дядя Миша, этого я не говорил. Я спрашиваю только, почему им не приходит в голову, например, организовать кружок по физическому развитию хилых и слабосильных «интеллектуалов»? Зато хватает ума требовать организации семинара по философии, чтобы рассуждать там о вещах, о которых они понятия не имеют.

— Ну, от словесных упражнений по философии ты сумеешь их отговорить, это нетрудно. Стоит лишь заинтересовать их обычными политзанятиями. Что касается подтягивания ребят, слабо развитых физически, попробуй разъяснить им пользу этого дела, если у вас, конечно, есть такая необходимость. Главное — довести до их сознания и это, и все остальное тоже. В конце концов, кто из вас специалист по воинскому воспитанию — ты или

они? Насколько я знаю эту публику, они не будут протестовать против любого твоего предложения, если оно разумно и целесообразно.

— Но откуда ты знаешь моих лоботрясов?

— Раза два видел, как они строем шли в столовую. А потом слышал, как они поют, тоже в строю. Кошмар.

— Дядя Миша, это несерьезно. А я к тебе обращаюсь за советом всерьез. Когда меня назначили сюда командиром батареи, замполит подполковник Бикачи мне сказал, что ты...

— Вот я и говорю — займись тем, о чем я тебе уже сказал. А вдруг получится, что и я всерьез? Ведь между твоими и моими детками разница не так уж велика.

— Но как же все-таки быть с этими кружками? Ты своим-то что-нибудь разрешил?

— Не что-нибудь, а все, что они пожелали в итоге.

— Что значит «в итоге»?

— А то, что осталось от их намерений после того, как мы поговорили по душам.

— И что же они «в итоге» пожелали?

— Три кружка — математический, литературный и еще один... Как бы его назвать?.. Архитектурно-строительный, что ли. Где проектируют и вычерчивают эскизы различных зданий. Кроме того, устроили выставку их лучших работ прямо в казарме, в коридоре. Неплохая мысль, правда? Такого у нас еще ни разу не было.

— Ну, а насчет физически слабых? Как ты решил вопрос с ними?

— С этими фитилями занимается у меня старший сержант Татар.

— Что ж... На первый взгляд все выглядит очень неплохо.

— Вот видишь! Факт.

— Дядя Миша!

— Что еще?

— А вот с тем хулиганом-шофером — ты знаешь, о ком я говорю,— что ты будешь делать?

— Посажу на гауптвахту дней на пяток.

— На гауптвахту?

— Точно.

— Ты сам? Своим приказом?

— Сам.

— Понимаю... То есть, не очень... А что потом?

— Когда — потом?

— После того, как отсидит. Как будешь его перевоспитывать? Воздействуешь через комсомольскую организацию?

— Едва ли. Коронди раздражают мои комсомольские вожди.

— Раздражают? Нарушителя дисциплины?!

— Видишь ли, Коронди в общем-то порядочный малый, кроме того, он простой крестьянский парень, а мои активисты...

— Выпускники университета, разумеется? С интеллектуальными речами? Говорят такое, что иной раз... Гм...

— Почему ты замолчал? Договаривай.

— Ничего... Ничего существенного, дядя Миша, ей-богу.

— «...что иной раз и для тебя слишком высокая материя». Так ты хотел сказать?

— Ну, не совсем так...

— А мог бы, факт. Потому что это правда. И кроме того, ты мог бы еще добавить, что я многое им спускаю, потому что у меня слишком мягкая душа, и никогда не вступаю с ними в дискуссии, потому что у меня не хватает смелости, не так ли? Нет твердой руководящей руки, потому все идет, как им заблагорассудится, так?

— Дядя Миша, я никогда этого не говорил...

— В глаза — нет, а за глаза?

— Дядя Миша, я...

— Ну ладно, не буду тебя смущать. Ты у нас человек новый и, наверное, еще не знаешь, что в нашем полку телефон далеко не единственное средство общения. И уж если мы заговорили на эту тему, уточню, что мой портрет на полковой Доске почета висит не восемь, а всего шесть лет. Хотя я не верю, чтобы этот факт как-то повлиял на твои убеждения, ведь по-твоему выходит, что у нас в полку как кому приклеили какой-нибудь ярлык, так он с ним до пенсии и ходит.

— Дядя Миша, я...

— Не перебивай! Поэтому, если ты сядешь с твоими интеллектуалами за стол переговоров по поводу кружков, это мало что изменит. Лучше проявить мягкость, иначе они ускользнут из-под твоего влияния все равно. Ну, есть еще вопросы?..

9

Около трех часов пополудни начался дождь. Он падал с неба тонкими, тихими струйками, словно собираясь продлиться по меньшей мере сутки, промочить все до основания, превратить глинистый плац в вязкое болото. Солдаты с угрюмыми лицами ходили по городку, их не покидали беспокойство и раздражение — ночью ждали учебной тревоги и занятий в поле, которые они прозвали «игрой в потемках». Честь находки этого названия принадлежала какому-то будущему инженеру-строителю, который служил здесь несколько лет назад. Это будет уже третья «игра в потемках» на этой неделе, первые две обошлись без дождя, но теперь, видимо, так не повезет. Мишкеи слышит, как в коридоре кто-то из солдат агитирует: «Палош, ты малый толковый, ты бы хорошо сделал, если бы вывесил на доске объявлений приказ о том, что в связи с насморком у господа бога «игра в потемках» переносится на неопределенное время».

Батарейный писарь откашливается и хриплым голосом произносит собственные стихи по этому случаю:

— То ли дождик, то ли снег, а солдат держи разбег!

Другой голос с деланным возмущением обрывает писаря:

— Дорогой ты наш Палош, звезда писарей, король толстяков! Зачем тогда тебе дали такую власть? Для чего посадили тебя за письменный стол?

— Для похудения, — с обидой откликается Палош.— Разве вы не видите, что я опять похудел?

Число ночных учений из года в год растет — так требует начальство, — и у майора Мишкеи до сих пор не было человека, с которым можно было бы разделить это нелегкое бремя. Офицеров ему не присылали, ограничиваясь обещаниями, а обязать сержантов проводить такие учения он не мог. Татар был первым, на кого он мог бы спокойно положиться, но до сих пор даже ему он этого не поручал. Как неприятно, что именно сегодня придется впервые возложить на него руководство ночными учениями! И в этом, кстати, виноват только он сам, Мишкеи. Если бы он проинструктировал Татара утром или хотя бы после обеда, все было бы в порядке: тогда не было этого чертового дождя... Ведь в самом деле могут подумать, что

он свалил проведение «игры в потемках» на беднягу сержанта только из-за непогоды. «Лучше всего я прямо скажу Татару, в чем дело. Я скажу ему все. Пора иметь человека, с которым можно откровенно поговорить обо всем».

Тихий, нерешительный стук в дверь — это Палош просит разрешения войти. Лицо его раскраснелось, он, видимо, еще не успокоился после диалога в коридоре. Получив разрешение, он занял свое место у стола и с великим усердием начал рассматривать перо на своей ручке. Мишкеи исподтишка наблюдал за размеренными, подчеркнуто замедленными движениями своего писаря. Вот он обмакивает перо в чернильницу, поднимает его к глазам и старательно снимает с кончика невидимый волосок, которого, может быть, и вообще-то не существует, затем ищет удобное положение для локтей и начинает колдовать над черновиком плана боевой подготовки. Отодвигает его подальше, потом придвигает ближе, успевает два раза высморкаться, прежде чем приняться за свою писанину. Итак, работа началась. Майору тоже пора взяться за перо, чтобы закончить начатое вчера политдонесение. Или, может быть, лучше вызвать Татара, чтобы проинструктировать его перед ночными учениями? Да, ведь надо еще составить справку о выполнении учебного плана батареи. Это не сложно — стоит лишь достать из ящика прошлогодний, а может быть, и позапрошлогодний отчет, немного подновить, переписать — и дело в шляпе. Кроме того, необходимо вызвать Коронди. Хотя лучше, пожалуй, пока оставить шофера в покое. Пусть парень подготовит свою машину для «игры в потемках». Одним словом, комбату есть чем заняться, а он сидит как истукан и бессмысленно взирает на писаря Палоша. Откуда взялось это внутреннее раздражение? Попадись ему кто-то сейчас под руку, он учинил бы ему беспощадный разнос. Особенно этот Палош. Зачем он притворяется, корчит из себя усердного служаку? Это же не театр! И другие тоже хороши! Зачем они изображают уважение, любовь и преданность своему командиру, почему не признаются прямо и открыто, что делают все лишь ради того, чтобы он, Мишкеи, и далее «оборачивал их в папиросную бумагу», в которой так легко и удобно переносить все тяготы военной службы? Может быть, Мороц и прав, когда беспощадно муштрует горемык солдат, по воле судьбы попав-

ших в его батарею. Все они эгоисты, сукины дети, их интересует лишь собственное мелкое благополучие и душевное спокойствие, для этого они рады нацепить маску бескорыстия и самоотверженности, пока служат. Но стоит им выбраться из казармы и сбросить надоевший мундир, как некогда уважаемый и любимый командир, перед которым они преклонялись, тотчас превращается в их глазах в поросший мхом пень или в тупую старую скотину, которая — за свои принципы, за бездумную приверженность земле (впрочем, не земле даже, а морю грязи на учебном плацу), постоянное брюзжание, непробиваемое спокойствие, глупый апломб, достойный лишь минометной плиты, — одним словом, за все свое майорское, комбатовское существо и командирский авторитет — заслужила лишь злую насмешку либо снисходительное сожаление. Уж если ему поставят памятник, то скорее не как Дон-Кихоту, а как его верному коню Росинанту.

Размышляя таким образом, Мишкеи чувствует, как в нем поднимаются горечь и обида, капля за каплей оседавшие на дне души в течение долгих недель, месяцев, лет, сдерживаемые усилием воли невысказанные сомнения, тревоги, обидные недомолвки. Пальцы майора нервно барабанят по краю стола, перебирают какие-то предметы, а в памяти одно за другим мелькают десятки, сотни молодых лиц тех парней, которые прошли через его руки, служили под его командованием за последние год, пять, десять, пятнадцать лет. Они улыбаются, шумные или застенчивые, эти юноши, даже не подозревая о том, как глубоко западают они в душу своего молчаливого начальника, входят в его плоть и кровь, разум и память, и все они, многоликие и такие разные, сами того не зная, оставляют царапины на сердце, ранят его острыми шипами иронии или равнодушия, оставляя шрамы на всю жизнь. Они уважают и чтут своего «отца-командира», но до каких пор? До ворот казармы, а там — с глаз долой, из сердца вон. Недаром Чаба как-то сказал: «Не сердись, отец, но я убедился в том, что твои советы и незыблемые принципы немного стоят в драке за место под солнцем, называемой жизнью...» «А может, он и прав? Ведь я, безнадежный кретин, всю жизнь обучаю этих детей чему-то такому, что будет иметь реальную ценность только в том случае, если окружающий их мир вдруг вспыхнет в пламени войны и им придется сражаться не на жизнь, а на

смерть, хотя бы просто за то, чтобы остаться в живых. И дай бог, чтобы им никогда не пришлось узнать реальную ценность той науки, которой я их обучаю...» — «Ошибаешься, милый папочка, я говорю не о науке воевать».

Да, конечно, а хорошо было бы, если бы речь шла именно о ней. Ведь если у Мишкеи и щемило сердце по поводу узости его дела, то только потому, что ему иной раз казалось, что юноши солдаты не сознают огромной опасности, не принимают тех знаний и навыков, которые вдалбливает в них он, их командир, того, что они обязаны накапливать и складывать, как в арсенале, даже в том случае, если в нем никогда не придется открыть дверь. Увы, они не принимают все это всерьез, больше того, злятся и досадуют на него за то, что он понапрасну отнимает у них время. Правда, Мишкеи всякий раз успокаивал себя, повторяя: не беда, не нужна мне их благодарность, мне достаточно сознавать, что необходимые сведения и навыки прочно заложены в головы солдат и, если возникнет необходимость, ребята будут действовать без промедления. Но вскоре эту уверенность опять сменяло беспокойство: нет, одного такого сознания мало; ему хотелось знать, верить, убедиться в том, действительно ли усвоили его солдаты необходимый минимум, видеть, чего стоят на практике все их знания. Но беспокойство проходило, ибо его и вправду любили. Приятно было наблюдать, как под его началом постепенно формируются эти юнцы, впитывая в себя нечто такое, что на самом деле принесет им пользу в жизни, и они будут искренне благодарны ему за это, унесут это нечто с собой за ворота казармы, в большую жизнь.

Мишкеи нередко получал письма со словами благодарности. Его бывшие воспитанники сообщали, что они со временем все обдумали и оценили, взялись за ум, трудолюбивы, вступили в партию, обзавелись семьей, стали инженерами, словом, настоящими людьми. Во многих письмах говорилось: «С любовью и благодарностью приглашаю Вас на свадьбу, которая состоится в этом месяце, двадцать седьмого числа», либо — «Если будете в наших краях, непременно навестите нас, мой отец очень хотел бы с Вами познакомиться», или еще: «Многоуважаемый товарищ майор, позвольте матери выразить Вам глубокую благодарность за все, что Вы сделали для моего единственного сына». С улыбкой он пробегал глазами и такие

строки: «Дорогой Миша, как могло случиться, что ты все еще сидишь в командирах батареи?» И далее: «Приезжай к нам председателем колхоза, ведь в тебе столько энергии и организаторского таланта, ты был бы занят вполовину меньше, а зарабатывал бы в шесть раз больше, чем теперь!» Чудаки... Впрочем, ведь и университетские товарищи Чабы понятия не имеют, что отец их приятеля всего-навсего майор и командует батареей.

«Видишь ли, папочка, в нашем кругу твой ранг отнюдь не бог весть что. Был бы ты командиром полка или дивизии, как это спит и видит наша мама, другое дело. Либо подкатил бы к нашему общежитию на «мерседесе» или, в крайнем случае, на «Москвиче», как мой однокурсник Плешко. Почему, спрашивается, у них есть «Москвич», а у нас нет? И не говори мне, что я повторяю слова матери, она права, ты просто-напросто присох к своей минометной плите, к дворовой детворе, растратил силы на никому не нужную благотворительность, на возню с чужими сорванцами. Тебе давным-давно следовало бы бросить свою общественную деятельность, ты сделал для других достаточно, а теперь — точка, пора повернуться лицом к собственной семье, к нам — твоим близким...»

— Палош! — Голос Мишкеи звучит громоподобно, и стаканчики на шкафу начинают дрожать мелкой дрожью, а ленивый толстый писарь вытягивается в струнку и с ужасом и изумлением в глазах-щелках выставляет перед собой ручку с пером, словно защищаясь, в то время как по почти уже готовому плану занятий на следующий месяц медленно расползается огромное чернильное пятно из опрокинувшейся бутылочки. Вся работа насмарку...

— Не беда, Палош, потом перепишете еще разок! А пока пришлите ко мне старшего сержанта Татара!

10

— Садись, пожалуйста, Миша. Выпьешь глоточек? Осталось тут у меня немного домашней палинки, шурин привез. Держу специально для гостей.

— Благодарю, с удовольствием, но только одну рюмочку.

Подполковник Бикачи на три года старше Мишкеи, но шевелюра у него густая, как у юноши, только чуть-чуть серебрятся виски. На круглом моложавом лице поч-

ти не заметно морщин, и лишь на высоком лбу вырисовывается характерная полоса от фуражки, правда, она едва заметна. Бикачи достает из стеклянного шкафа литровую бутылку с палинкой, наливает две маленькие рюмочки и жестом приглашает гостя к столу.

— Как дети, жена? Я слышал, наш директор подсобной мастерской предлагает твоей жене Маргит заведовать производством?

— Да, сегодня утром он говорил мне об этом.

— Буду очень рад. Деловая женщина твоя Маргит, умная и с душой. Жаль только, что теперь у нее не останется времени для женского комитета. Если бы ты знал, как нам нелегко с женами офицеров!.. Я знаю, у вас тоже трое ребят, правда, одного вы уже поставили на ноги.

— Ты вызвал меня, чтобы поговорить об этом?

— Нет, Миша, не об этом. — Изобразив на лице улыбку, Бикачи поднимает рюмку. — Выпьем, старина, за твое здоровье.

— За твое.

«Да, палинка хоть куда. — Опрокинув рюмку, Мишкеи даже заморгал глазами. — Крепка».

— Утром был у меня Мороц, — говорит Бикачи, словно невзначай, и, помолчав немного, добавляет: — Впрочем, не будем тратить время зря, этого человека все равно не переделаешь. Мороц есть Мороц.

— Я решил наказать Коронди, это окончательно. Ты хотел поговорить со мной об этом?

— Да. — На лице замполита отражается непритворное удивление. — Значит, ты все-таки решился...

— Решился. Я думаю, так будет правильно.

— Я искренне рад этому твоему решению, Миша. Откровенно говоря, я боялся, что на эту тему у нас будет длинная дискуссия. Ведь ты знаешь, старина, в остальных подразделениях полка об этом случае тоже известно. Известно и то, что ты накладываешь взыскания только в редких случаях, когда другого выхода нет, — как минимум, за чрезвычайное происшествие...

— В моей батарее, товарищ подполковник, вот уже несколько лет чрезвычайных происшествий не было. Но тут особый случай...

— Я знаю, Миша, можешь мне не объяснять. Знаю я и о том, что этим взысканием проблему ты не решишь.

Этот голубчик известен мне лично. Судя по всему, он просто психопат.

— Думаю, что это не так. Парень как парень.

— Возможно. Наверняка у тебя есть какой-то особый план, верно?

— Гм... Если откровенно, пожалуй. — Мишкеи решил не скрывать своих намерений. — Понимаешь, мои ребята разузнали кое-что о Коронди. Отец у него умер десять лет назад, он был сельским сапожником — кустарь-одиночка. С тех пор семья живет трудно, особенно достается матери: пятеро детей,— представляешь, старина? — мал мала меньше, мой солдат — старший. Едва начал зарабатывать на хлеб — призвали в армию. Вот он и зол на весь мир, все люди для него — враги, а в особенности мы, начальство. А тут еще домишко их завалился, сельский совет признал его аварийным и предписал им в течение года перебраться в другое жилье. Они начали строить новый. А деньги откуда? Ни рабочих, ни средств... Должен тебе признаться, в таких обстоятельствах этот парень мог совершить что-нибудь и похлеще, удариться в бега, стать дезертиром. Больше всего он боится одного — как бы не продлили срок его службы в армии, мечтает поскорее вернуться домой. Я охотно представил бы его к увольнению в запас, только вот... — Мишкеи вскочил, не в силах более сидеть спокойно. — Налей еще рюмочку!

Подполковник улыбнулся и налил. Чокнувшись, они выпили, крякнули, затем немного помолчали. Бикачи внимательно наблюдал за майором, а тот в раздумье неподвижно смотрел перед собой.

— Итак? — Бикачи решил нарушить молчание.

Мишкеи ударил кулаком по столу.

— Я не могу этого сделать! Я был бы последним идиотом, если бы довел дело до того, чтобы Коронди решился на побег. Я обязан вернуть ему веру в людей! Я не хочу применять насилие, не хочу просить о его демобилизации или переводе в другую часть. Я был бы... А, чего там!

— Что с тобой, Миша? Я никогда не видел тебя в таком волнении.

— Со мной ничего, это так...— Майор снова сел в кресло, опустил голову на руки и замолчал.

— Продолжай, пожалуйста.

— Погоди минутку, сейчас. Наверное, я немного устал, вот и все.

— Понимаю, ты ведь тоже не железный. Хочешь еще выпить?

— Уж если я пришел, наливай... Который час?

— Без пяти пять. Ты спешишь?

— Допустим.

— Послушай меня, Миша. Ты знаешь, есть у нас такая форма — отпуск по болезни. Ты не хотел бы отвлечься и отдохнуть? Мы оформили бы все официально, приказом, как положено. Но ведь лучше с твоего согласия. Подумай, на две недели ты целиком отключаешься от нашей суеты. И учти, это не входит в очередной отпуск.

— Целиком отключиться от суеты? Ты думаешь, это возможно?

— Говорят, да!

— Не знаю, что тебе ответить. Едва ли в этом есть необходимость, особенно для меня.

— Тогда что же? Тебе нужен заместитель? Прислать тебе офицера, который принял бы часть твоих забот на себя?

— Зачем говорить впустую? Все равно не пришлете.

— Осенью получишь. Нам обещали прислать нескольких выпускников, одного из них получишь ты.

— В прошлом году ты тоже обещал. И в позапрошлом. Были и выпускники, только мне не досталось.

— Ты же знаешь почему, дорогой Мишкеи: свежую лошадь подпрягают только к той, что не тянет.

— Все понятно. Однако сейчас есть у меня отличный парень, старший сержант Татар. Вот если бы его произвести в офицеры, лучшего человека мне не надо...

— Попробуй, я поддержу.

— Безнадежное дело. Он хочет стать инженером.

— Жаль... Итак, что же?

— Не понимаю.

— Что тебе нужно сейчас, в настоящий момент?

— В настоящий момент? Пожалуй, вот это. — Мишкеи поднял рюмку с палинкой. — За твое здоровье!

— За твое... Не валяй дурака!

От чистого, крепкого напитка Мишкеи становится тепло и приятно, словно легкие пузырьки возникают внутри, поднимаются и лопаются в чуть затуманенном мозгу.

— Я не валяю... Ты помнишь, мы приехали сюда, в наш полк, вместе, в один день. Тебя назначили замполи-

том к артиллеристам, меня — командиром минометной батареи. Сколько лет минуло с того дня?

— Четырнадцать, Миша. Обидно, конечно, что ты за это время...

— Чепуха!.. Беда в другом: почему с тех пор мы встречаемся все реже и реже? Я имею в виду не только служебное время, а вообще. Мне иной раз очень хочется с тобой потолковать, признаюсь, ты на меня хорошо влияешь. Почему бы нам, к примеру, вместе не порыбачить, не посидеть с удочкой? Отец у Татара тоже любитель этого дела, парень рассказывал, как они целыми днями пропадали на реке, только сам он не выдерживал после полуночи, терпения не хватало. Наверное, у меня тоже не хватило бы. Но попробовать надо. Посидим, сколько сможем. Что скажешь?

— Что же, неплохая мысль. Командир полка считает, что удочка — лучшее лекарство для нервной системы. Только вот я не очень...

— Который теперь час?

— Три минуты шестого. Куда ты так спешишь?

— По предварительным данным, сегодня должен заглянуть домой мой сын и наследник. У Маргит какое-то важное совещание, возможно, что на нем будут обсуждать вопрос о ее новом назначении. Когда она освободится, никому не известно. Поэтому организовать прием молодого барина поручено мне. С домашней колбасой. По полученной инструкции, если я не ошибаюсь, надобно и хлеба ему отрезать, а вот проводить с ним семинарские занятия о его образе жизни строго запрещено, поскольку именно из-за моих проповедей он редко стал бывать дома. Тебе все понятно?

— Не очень. Впрочем, зачем ему твои семинары? Чаба Мишкеи сам атаман, и, поверь мне, старина, знает он куда больше нас с тобой. А если не знает, то будет знать, во всяком случае.

— Верно, мальчик неглуп, здесь ты прав. На минувшей сессии он получил отличные оценки по всем предметам. Университетский комитет комсомола даже наградил его какой-то грамотой.

— Отлично. Поздравь его и от моего имени тоже, не забудь, слышишь? Кстати, шепни ему на ушко, что мои красавицы часто вспоминают его. Особенно Юлия, старшая.

— Будет сделано, товарищ подполковник! Шепну непременно! Ну, а что касается того домика, мы построим его на общественных началах.

— Какой еще домик?

— Так я же говорил — дом для семьи моего прохвоста-шофера. Сержант Татар за какие-нибудь час-полтора поднял на ноги всю батарею, и солдаты горят желанием помочь товарищу. Мало того, он откопал, как из-под земли, и плотников, и каменщиков — говорит, разыскал в одной из стрелковых рот. Как они попали туда, а не в саперный батальон, ума не приложу. А теперь прошу разрешения удалиться, товарищ подполковник. Надо полагать, Чаба уже дома.

— Если подождешь пять минут, пока я уберу свои бумажки, я подвезу тебя на полковом газике. У меня сегодня тоже «семейный вечер» — обещал жене пойти в кино.

— В порядке исключения ваше предложение принято, товарищ замполит. Премного благодарен!

— В порядке исключения?! Сейчас ты получишь затрещину, да еще какую!

11

На входной двери над ручкой красовалась записка, написанная для Чабы огромными буквами рукой Илдики. Мишкеи с облегчением вздохнул: все в порядке, он не опоздал.

Соседка Фюлекине открыла дверь только на третий звонок.

— Не сердитесь, дорогой Мишкеи, эта стиральная машина гудит, как сумасшедшая, а звонок испортился, едва-едва слышен. Вы не посмотрели бы, кстати, что с ним приключилось? Мой собственный муженек, по его словам, так устает на работе, что боится упасть с табуретки...

Прехорошенькая женщина эта Фюлекине, черт возьми! Недаром про нее тут злые языки всякое болтают. Увы, все это только сплетни. Жаль... На бронзовом, как у креолки, кукольном личике лукаво светятся большие серо-голубые глаза, красивые руки обнажены до плеч, стройные ноги едва прикрыты легким домашним платьицем. В крови у Мишкеи еще сохранились легкие пузырьки от выпитой палинки. Когда он касается рукой влаж-

ных пальчиков соседки, передающих ему ключ, в глазах майора мелькает игривый огонек, и он, кажется, осмеливается ей подмигнуть. Не кажется, а в самом деле, — иначе почему бы это дрогнули ресницы над голубыми очами, а на бронзовом личике отразилось некоторое смущение?

— Когда приедет ваш сын?

— Ожидаю с минуты на минуту, если, конечно, он вообще явится. Как подвигается ваша стирка, соседушка, все в порядке?

— Медленно, дорогой Мишкеи, очень уж много накопилось белья, горы!

— В следующий раз кликните меня, приду помогать. Договорились?

Позади, в кухне, вдруг смолкает гул стиральной машины, — что-то неладно, и Фюлекине с досадой оглядывается. Мишкеи совсем не хочется с ней расставаться, но чуть-чуть принужденная улыбка на губах соседки приводит его в чувство. «Старый дурак, чего ты, собственно, хочешь?»

— Всего доброго, соседушка.

В квартире приятно пахнет: чистота, порядок, тишина. Девочки придут из школы не раньше половины седьмого. Мишкеи кладет портфель на привычное место, вешает фуражку, сбрасывает у кухонной двери тяжелые ботинки и, сунув ноги в домашние шлепанцы, неторопливо проходит в гостиную. За окном — сумерки, в квартире почти темно, но света он не зажигает, подходит и усаживается в кресло возле радиоприемника. Неожиданное впечатление, произведенное на него хорошенькой соседкой Ицой Фюлекине, постепенно слабеет и рассеивается в этой обстановке чистоты и порядка своего собственного семейного гнезда. Или тому виной ароматная палинка Бикачи? Или тишина, столь необычная и редкая в этих стенах, тишина, делающая каким-то удивительно приятным уют заботливо ухоженного и вылизанного до блеска родного очага? Слов нет, все это дело рук Маргит, следствие ее страстной любви к порядку и чистоте, достигнутое и утвержденное — увы, в этом вся беда, — ценой поистине беспощадного домашнего режима, железного распорядка и десятков напоминаний о нем всем чадам и домочадцам каждый день, каждый час. Этот домострой из года в год укрепляется и процветает и, надо сказать, совсем не так приятен, как его внешние результаты: че-

ловек уже не испытывает от них наслаждения, а, казалось, должен бы... Нет, нет! Нельзя, ни в коем случае нельзя, поддавшись подобным рассуждениям, упустить очарование момента, надо вволю насладиться столь редким домашним покоем. И в уютных сумерках в сердце Мишкеи распускаются цветы новых надежд: быть может, он и в самом деле видит этот матриархат во главе с Маргит в более мрачных красках, чем он того заслуживает? Может быть, только преувеличенная отцовская тревога за сына и отдельные, не слишком приятные случаи из его командирского опыта заставляют его открывать в Чабе некоторые пугающие и глубоко чуждые ему черточки? Ведь молодые люди нередко склонны к позе, рисуются своим модернизмом, повторяют модные речи с чужого голоса, а принципы и поступки отцов осуждают лишь по свойственной им манере подвергать критике все и вся, чтобы лишний раз подчеркнуть свою самостоятельность и сознание ответственности за судьбы мира.

— Знаю я их, желторотых! — Мишкеи произносит эти слова горячо, но шепотом, обращаясь к серванту и стульям. — Кто же изучил этих юнцов, если не я? Двадцать призывных возрастов прошли за это время перед моими глазами. Двадцать поколений оставили во мне частицу своей души и унесли с собой частицу моей! Кто посмеет мне заявить, что в них будто бы не живут и не действуют наши идеи, наши моральные устои, наши принципы?! Кто и на каком основании? Из-за того только, что их помыслы устремлены к большим высотам, что они хотят достигнуть большего, чем хотели мы? — Мишкеи ловит себя на том, что, начав с шепота, теперь уже чуть ли не орет во все горло, все яростнее и громче. — Только из-за того, что их молодые голоса звучат требовательнее, чем звучали в их возрасте наши? Что они откровеннее и резче, чем мы, вынесшие в своих душах из прошлого сотни и тысячи острых осколков рабского унижения и слепого повиновения? Нет, нет и нет! Вы только вглядитесь в них! Вглядитесь в моего сына...

12

Часы показывали четверть седьмого, когда наконец Чаба переступил порог отчего дома. К этому времени от веселых пузырьков, наполняющих тело легкостью, не ос-

талось и следа, их сменила тупая тяжесть в голове и желудке.

— Чао, папочка!.. А где мама?

Чаба привел с собой какого-то незнакомого верзилу.

— Проходи, старина! Знакомьтесь — мой товарищ по университету, однокурсники прозвали его Большой. Он привез меня на своем «Таунусе».

— Добрый вечер! Петер Такач.

— Весьма рад. Мишкеи.

Парень высоченный, но хорошо, пропорционально сложен, с красивым мужественным лицом, на котором сквозь заученную вежливую полуулыбку проступают сознание собственного превосходства и уверенность в себе. Рукопожатие крепкое, уверенное. Судя по всему, ярко выраженный тип вожака и заводилы, привыкшего к тому, что его окружают преданные поклонники и восторженные поклонницы...

— Папочка, к сожалению, мы только на десять минут, к семи часам Большому надо быть в городе, а на машине до Сегеда полчаса езды. — Чаба вихрем проносится по комнате, щелчок выключателя звучит как выстрел. — Ты чего там застрял, Большой? Проходи, садись! Сейчас я найду эту штуку, минутку. Отец, ты не знаешь, куда мать задевала мою дождевую накидку? Кто бы мог предполагать, что будет дождь, черт бы его взял! Хорошо еще, что я надел теплый свитер. Значит, не видел?

— Посмотри в шкафу у девочек, на верхней полке.

— Папочка, ты гениален! — Чаба метнулся в детскую и говорил, говорил, не переставая: рассказывал товарищу о порядках в их доме, сожалел, что не увидит мать и обеих «курочек», как он называл младших сестренок, — одним словом, тараторил без умолку, не давая никому открыть рта, явно не желая, чтобы присутствующие могли думать о чем-то еще, кроме того, на чем он хотел задержать их внимание. Точь-в-точь как его родная матушка.

Тяжесть в голове не проходила, давила все сильнее. Мишкеи стоял возле торшера так, что не видел Чабы, и поэтому разглядывал Большого. Тот спокойно сидел в кресле, опершись локтями о колени и положив на ладони прямой решительный подбородок. В свою очередь он изредка бросал быстрый взгляд на майора, переводя его затем на вещи или стены комнаты. Так, значит, вот каков он, нынешний идеал и идол Чабы. Это ему он поклоняется

теперь, как прежде отцу. Ясно. Разве может служить примером сыну он, Мишкеи, если его идеалы и принципы не имеют «практической ценности»? А его преемник с высоты своего пьедестала поглядывает на суетящегося по комнате Чабу и, изучая обстановку, прикидывает, есть ли смысл держать в своей свите этого усердного офицерского сына. В душе Мишкеи медленно зарождалось и крепло чувство неприязни к этому парню.

Чаба вбегает с полиэтиленовой накидкой в руках, небрежно размахивая ею.

— Вуаля! Хотя этот наряд и не согреет, но по крайней мере защитит нас от сырости, а это в данном случае уже кое-что. Как ты думаешь, Большой?

— Ну, а вообще-то какие новости? — Эти слова вырываются наконец у Мишкеи слишком громко, для того чтобы их можно было бы расценивать как обычный вопрос. Но это, невольно вздрогнув, замечает, по-видимому, один только гость. Что касается Чабы, то он как ни в чем не бывало продолжает галопировать по квартире в поисках чего-то еще.

— В наших пенатах, папочка, все по-старому, а остальное тебе известно лучше, чем нам, — бросает он на бегу. В голосе сына нет ни насмешки, ни желания уколоть. Зато есть равнодушие, полное безразличие к тому, о чем говорит отец, да и вообще к тому, говорит он или молчит.

По спине Мишкеи пробегает холодок, он застывает, как на ледяном ветру. Однажды, несколько лет назад, он испытал подобное чувство отчужденности. Тогда ему довелось присутствовать, представляя свой полк, на одном из партийных активов в Министерстве обороны. Кругом — начальство. В перерыве все разбились на группки, а он неприкаянно бродил по холлу, потом, заметив среди участников актива нескольких знакомых, направился было к ним, чтобы приткнуться хоть куда-нибудь, как все остальные. Однако его встретили с таким же вот безразличием: ответили на приветствие, а потом словно забыли, отошли в сторону или остались стоять, перебрасываясь словами через его голову. Никто ни о чем его не спрашивал, не посвящал в свои дела, и Мишкеи, чувствуя себя на редкость ничтожным и никому не нужным, подумал, что, если бы он сейчас провалился сквозь землю, никто из окружающих этого даже не заметил бы. Тут его

охватила упрямая и острая злость: «Ну, погодите, любезные, сейчас я докажу вам, что перед вами не пустое место, не ничтожество, как вам это кажется, а человек, у которого есть что сказать и которого стоит послушать!» И когда председатель президиума совещания попросил участников выступить в прениях по обсуждаемому вопросу, майор Мишкеи записался первым. Он говорил страстно, дельно и убедительно и, стоя на трибуне, чувствовал, как все больше и больше овладевает вниманием зала. В заключительном слове докладчик с благодарностью упомянул его имя, а после окончания актива многие окружили его, чтобы пожать руку, и Мишкеи уехал домой счастливый и довольный...

Однако то щемящее чувство ненужности не исчезло без следа, и если в казарме, среди солдат своей батареи он не испытывал его никогда, то здесь, дома, изредка оно вновь и вновь поднималось в нем, рождая мимолетную, но оставляющую противное ощущение мысль: «А слушает ли здесь меня кто-нибудь? Значат ли хоть что-нибудь для них мои слова?..» Но вот так остро, как сейчас, он никогда еще не чувствовал обидного равнодушия. Защитные рефлексы мгновенно сработали, заявляя свой категорический протест, но вместо убедительных, законченных мыслей в голове вертелись какие-то недомолвки, обрывки фраз... «Как ты смеешь?.. Ведь я твой отец!.. Меня слушаются сотни таких же, как ты, разумных и образованных парней... По крайней мере, хоть соблюдай вежливость... Да и кем ты, собственно, себя воображаешь?.. Как ты дошел до этого? Ведь я всю свою жизнь... Значит, вот что я заслужил...» Наконец, покрывая и оттесняя на задний план всю эту кашу, ясно и четко выкристаллизовалась мысль: необходим честный, прямой разговор. Но захочет ли этого Чаба? Едва ли...

— Папочка,— Чаба, принужденно улыбаясь, остановился перед отцом,— скажи, пожалуйста, маме, объясни ей, что я заскочил лишь на минутку, по пути. Мне надо уже идти, пусть она не сердится, а я ее крепко целую. Девчонок тоже. При первом же случае приеду погостить подольше. — Нагнувшись, он чмокает отца в щеку. — Чао, папочка, будь здоров!

Вот оба уже за порогом, захлопнулась дверь. Ушли, так и не отведав домашней колбасы, не рассказав о том, какие дела ждут их в Сегеде, скрылись прежде, чем Миш-

кеи успел оформить рвущийся из глубины души крик хотя бы в одну-единственную осмысленную фразу.

Мишкеи подходит к окну, растворяет его настежь. Стук захлопнувшейся двери начисто вымел из него все. Осталась лишь грусть, беспомощная и тяжелая.

Он видит, как двое парней, укрывшись прозрачной накидкой, выходят из подъезда. Вот они подошли к качелям, замедлили шаги. Чаба, указав на них пальцем, что-то сказал своему спутнику. Отсюда, из окна пятого этажа, слова не слышны. Оба весело засмеялись и заспешили дальше.

Автомобиль Такача стоял под фонарем на углу улицы, кузов блестел под дождем в бледно-зеленых неоновых лучах. Хозяин уселся за руль, Чаба — рядом. Мотор взревел, затем притих, едва урча; зажглись передние фары, под шинами колес зашуршал гравий, машина выползла на асфальт. Красные сигнальные фонарики автомобиля еще раза два-три мелькнули вдали за столбиками изгороди и исчезли, словно их проглотил город.

...В этот час солдаты его батареи уже вышли на мокрый плац, ночные учения начались. Нелегко им придется, беднягам, под этим унылым дождем, но причины для особых тревог нет: на Татара можно положиться... Пройдет еще немного времени, и Татар снимет военный мундир, снимут его и другие... И пойдут учиться — в политехнический или в университет. Туда, где учится его Чаба. А потом все они встретятся, и не однажды, а много-много раз. Встретятся обязательно, ведь иначе и не может быть...

БУЛЧУ БЕРТА

НА МЕЛЬНИЦЕ

Подполковник Чисар стоял у окна и смотрел на узкий бревенчатый мост, перекинутый через ста́рицу. Старое русло реки и роща, буйно разросшаяся в заливной пойме, отделяли казарму от шоссе и деревень, уходивших в просторы полей. Деревень отсюда и не разглядишь. Из окна видны лишь густая зелень пойменных лесов, широкий плес запустевшего рукава реки да бревенчатый мост, почти всегда безлюдный и оживающий лишь по воскресеньям, в послеобеденные часы.

Вот и сейчас на мосту ни души, как и на желтой песчаной дороге, петляющей между ракит. Все вокруг замерло и не шелохнется. В послеполуденной истоме дремлют деревни, дороги, машины и, кажется, даже ста́рица. Серая вода ее из зеленой стала убаюкивающе-желтой. В неподвижном зеркале плеса отражаются, склонившись с берегов, канадские тополя, густые прохладные ивы и причудливые белые башни облаков. И вдруг откуда-то из чащи бескрайнего пойменного леса в небо взмыла скопа — орел-рыболов. Хищная птица, расправив широкие крылья, быстро поднималась ввысь. Видимо, ее подхватил мощный воздушный поток, хотя здесь, вокруг казармы, стояла такая тишь, что, казалось, не дрогнет и лист на деревьях.

Скопа долго кружила в воздухе и вдруг, сложив крылья, камнем упала вниз, на гладь плеса.

— Смотрите, Хорват, смотрите! — бросил через плечо Чисар молоденькому лейтенанту, корпевшему за обшарпанным казенным столом над планом предстоящих ноч-

ных учений. Услышав взволнованный голос начальника, лейтенант мигом вскочил.

— Рыбу поймала, товарищ подполковник. Рыбу несет, — подтвердил лейтенант.

— Линя, — уточнил подполковник, а лейтенант заулыбался и почтительно, пожалуй даже влюбленно, посмотрел на Чисара.

И дело тут было не в ранге и не в партизанской славе командира. Лейтенанту нравился мужественный вид и всегдашняя отличная выправка комбата. Подполковник Чисар был немолод. Его иссеченное давними шрамами лицо уже испещрили морщины. Но он не отяжелел с годами, был коренаст и жилист. А седина и ровный загар придавали ему даже величественность. Одевался он просто, не любил парадных мундиров, брюк навыпуск и даже недавно введенных в армии плащей, предпочитая галифе, сапоги, полевую форму одежды. Офицерская служба подполковника Чисара прошла в самых отдаленных гарнизонах. В столицу он ездил лишь на общевойсковые совещания да на смотры. Имея довольно высокое звание, он всегда вел удивительно простой образ жизни младшего войскового офицера. Курил мало, не пил. Единственной слабостью его была рыбалка, причем охотился он только за крупной рыбой. И часто с успехом. Самый большой сом, какого ему удалось вытащить на берег, весил сорок два килограмма. Всю ночь до утра тягался он тогда с разбойником один на один. Мог, конечно, позвать соседей-рыболовов на помощь, но не захотел.

— Линь! — повторил Чисар.

— Ну и глаз у вас, товарищ подполковник! — не удержался от восторженного возгласа лейтенант.

— Между прочим, эта птичка сжирает за день килограммов пять рыбы...

— Наверное, детки у нее!.. — предположил лейтенант.

— Да, лейтенант. Семейная птица. Вот и старается, кормит свое семейство. А посмотрите, с какой легкостью она несет эту увесистую рыбину! Наверняка на килограмм потянет этот линь, если не больше.

— Больше, товарищ подполковник!

— По-моему, тоже. Вот уж линек-то и не думал, и не гадал, что придется ему однажды под тучами полетать...

— А между прочим, тучи собираются, товарищ подполковник.

— Да, к вечеру того и гляди дождь пойдет.

— Солдаты подумают, что мы с вами специально учебную тревогу к дождю приурочили...

— Закончили уточнять план учений батальона?

— Нет, еще минимум на час работы.

Лейтенант возвратился к столу и, зашуршав бумагами, опять углубился в работу. А подполковник все стоял у окна, не в силах оторвать взгляда от орла-рыболова. Скопа снова и снова взмывала над лесом и, сделав несколько кругов, камнем падала вниз, к плесам ста́рицы.

Подполковник перевел взгляд на мост. Там было попрежнему пустынно, но во дворе казармы уже толпились солдаты.

И вдруг лес ожил. Среди зелени ракит замелькало красное пятно. Вот оно уже достигло моста. Чисар сразу узнал красное платье цыганочки. И улыбнулся. Цыганка шла быстро, словно торопясь. Она всегда появлялась у ворот казармы первой.

Поначалу она ходила сюда к солдату — заводскому парню из Пешта, но потом его сменил сын корзинщика из небольшой степной деревушки в Альфельдской степи. Этот был такой же смуглый, как и девчонка в красном платье, видно, и сам наполовину цыган.

Цыганочка перешла по мосту через старицу, зашагала по песчаному, поросшему мелкотравьем берегу и повернула к казарме. А в тальниках уже замелькали наряды других деревенских красавиц. Девушки шли по двое, по трое в традиционных многочисленных юбках, надетых одна поверх другой, как листья капусты, и распевали старинные словенские песни. Потом потянулись и пожилые крестьяне — мужчины и женщины — с узелками, заплечными мешками, хозяйственными сумками. Эти прошагали шесть километров пешком от железнодорожной станции. Ближе к двум часам, за несколько минут до ухода солдат в увольнение, показались автомашины. Первой проковыляла по мосту старенькая «шкода», за нею — видавшие виды «Варшава» и «Москвич» и наконец «мерседес» цвета слоновой кости. Были еще и другие автомашины и мотоциклы, но Чисар видел теперь только «мерседес». И невольно подумал, что как-то неприлично подкатывать на такой машине к армейской казарме мимо тол-

пы людей в простой, потрепанной одежде и стайки стареньких обшарпанных машин.

— Опять этот «мерседес» слоновой кости прикатил! — заметил Чисар, поворачиваясь к лейтенанту.

— Выбрал время!

— Воскресенье сегодня.

— Не в том дело, товарищ подполковник. Их сын...

— Знаю, белобрысый такой...

— Это бы полбеды. На гауптвахте он. На посту заснул...

— Ну да! Точно, он. Говорят, что он все время спит.

— Да письма пишет. По три, а то и по четыре письма на день.

В дверь постучали. Вошел дежурный офицер с докладом:

— Товарищ подполковник, опять приехал директор завода. Тот, что на «мерседесе». А сын его как раз под арестом. Спал на посту...

— Знаю.

— Директор с вами хотел бы поговорить, товарищ подполковник.

— Со мной? — Подполковник немного удивился, но тут же кивнул головой: — Скажите, пусть пропустят.

Минуту спустя в канцелярии уже стояли директор завода и его супруга.

— Тибор Энеди, директор, — представился гость. — Моя жена...

— Чисар, — ответил подполковник, пожав протянутую руку директора.

— Я по поводу сына... Сегодня воскресенье... В другие дни, сами понимаете, я занят... Интересы народного хозяйства требуют... Сегодня единственный день, когда могу себе позволить... И надо же, сын, оказывается...

— Да, на гауптвахте ваш сын. Садитесь! — предложил подполковник, показав на зеленые кабинетные кресла.

— Чисар? — переспросил директор, когда он и его супруга разместились в креслах.

— Да, товарищ Энеди.

— А вам ничего не говорят такие названия, как Фазаний хутор, мельница Иванчича?..

Подполковник удивленно вскинул брови, оглядел полнеющую фигуру гостя в хорошо сшитом маренговом костюме, его округлившееся лицо, затем перевел взгляд на

жену Энеди и только после этого подтвердил, кивнув головой:

— Очень даже о многом говорят. Там мы служили вместе с одним партизаном по имени Тибор Энеди.

— Точно! Я и есть тот самый Тибор Энеди.

— Рад. Очень рад, — сказал подполковник, однако на лице его не отразилось ни малейшей радости.

— Вот где довелось нам снова встретиться, дружище! — переходя на более веселый тон, продолжал гость.

— Да, разбросала нас жизнь...

— А вы знаете, в прошлом году я вот так же, случайно, встретил Козму. Помните, который тогда тоже служил у меня в разведке? Помните его?

— Еще бы... Хорошо плавал.

— Вы просто не поверите, какой он теперь стал! Ей-богу, не поверите! Надо нам всем вместе собраться. А вы знаете, у нас с женой есть садовый участок под Эстергомом... Небольшой, всего каких-то сорок соток абрикосов. А что ни говори — природа! Единственный уголок, где можно подышать чистым воздухом! Много лет просто руки не доходили. Все, что, бывало, уродится, так и сгнивало на корню. А в прошлом году я все же сумел перегнать часть урожая на водку. Такой, знаете ли, первач получился, что хоть вместо бензина в бак заливай!.. Мамочка! — повернулся он к жене. — Крикни шоферу, пусть одну бутылочку сюда принесет попробовать нам с товарищем Чисаром. Такой водочки и за сто верст окрест не сыщешь!..

Директорша, мило улыбнувшись, поднялась из кресла. Она была полнотела, крупна, с горделивым и как будто обиженным лицом, гладким и ухоженным, и распространяла вокруг себя сладкое благоухание. Эдакая важная барыня — милая, медлительная.

Подполковник Чисар поспешил остановить мадам Энеди:

— Не надо, не трудитесь, сударыня... Я на службе не позволяю себе ни глотка.

— Иди, иди, милочка, — повторил директор жене. — Оставим товарищу Чисару всю бутыль. На «внеслужебное время»...

— Об этом не может быть и речи! — возразил подполковник и протестующе поднял вверх темную от загара руку.

— А я-то думал, выпьем за нашу негаданную встречу, — улыбаясь, пояснил директор.

— Нет, ни в коем случае! А встрече я действительно очень рад. Честное слово, очень... — закивал головой Чисар.

— И о сыночке нашем вспомнили бы, — с улыбкой добавила директорша.

— Да, да. Парочкой словечек мы охотно перебросились бы с ним, если б товарищ Чисар позволил. Гостинцев бы ему передали, — подхватил Энеди.

— Он же под арестом!

— Да, да, дежурный говорил. Сопливый щенок! Ну не паршивец ли?! Может, пропустите нас к нему, товарищ подполковник?

— Я же сказал: ваш сын арестован! Он на гауптвахте!

— Ну и что? — удивилась директорша.

— Уснул на посту!

— Вот паршивец! — укоризненно качал головой Энеди. — Нет, так ему и надо! Пусть отведает горячей солдатской каши! Пусть знает, что это такое. Правда, он уже окончил подготовительный курс. На будущий год будет грызть гранит науки в университете. Но послужить ему надо... Пусть узнает...

— Он стоял на посту у склада боеприпасов!.. — пояснил подполковник.

— Может, вы все-таки проводите нас к нему, товарищ подполковник? — снова повторила директорша.

— Сударыня, ваш сын отбывает наказание на гауптвахте! За очень тяжелый дисциплинарный проступок... Сегодня вам никак не удастся повидаться с ним. Приезжайте через неделю!

— Он у меня такой соня, золотуша мой. Не будьте к нему слишком строги, товарищ подполковник!..

— Успокойтесь! Мы выполняем требования устава.

— Но вы же старые соратники... Товарищ товарищу уж такую пустяковую услугу мог бы оказать!..

— Нет, сударыня. Простите, но у вас неправильные представления о такого рода отношениях.

— Но разве мы не жертвуем всем ради общенародных интересов? Вы, наверное, знаете, какими миллионами ворочает мой дорогой супруг? Сколько людей работает под его началом?..

— Не знаю, сударыня, но когда солдат спит на посту...

— Да что вы заладили: спит да спит! Ведь вы фронтовые друзья! Так неужели?.. Ведь вы же тут всему голова!..

— Приезжайте через неделю, сударыня, и тогда можете говорить с вашим сыном, сколько вам будет угодно. Не забывайте: ваш сын — солдат. Таким, как он, доверена защита родины. И представьте себе: в решающий момент солдат засыпает на своем посту!..

У директора Энеди нервно передернулось лицо. Наклонившись вперед, он, не вставая, бросил:

— На вашем месте, товарищ Чисар, я бы подобных примеров не приводил!

— Это не пример, товарищ Энеди. Ваш сын действительно уснул на посту! Возле очень важного объекта...

— Засыпали и до него некоторые на посту. И тоже в очень ответственный момент! Не помните?

— Не помню. Вернее, не понимаю, что вы имеете в виду!

— Бой возле Фазаньего хутора!

— Что вы хотите этим сказать?

— Вспомните налет немцев на хутор и ледяную воду в реке Ипой! Вспомнили? Там тогда тоже один часовой уснул, хотя начальник разведки доверял ему как самому себе! И звали того часового Дюлой Чисаром!

— Да? А человека, который должен был принять сигнал тревоги от часового, звали Тибором Энеди! Если вы так хотите, товарищ Энеди, я могу более точно воскресить в вашей памяти ту ночь у Фазаньего хутора, во всех деталях!

— Мне ничего воскрешать не надо!

— И все-таки я это сделаю. Часовой, стоя на посту, заметил гитлеровцев и подал сигнал, а потом вынужден был открыть огонь по врагу. Вы же, товарищ Энеди, спали и проснулись, лишь когда немецкий автоматчик пустил очередь по окнам вашей опочивальни!..

— Ладно, оставим это! — буркнул директор. — Не при женщинах такие дела обсуждаются!

— Отчего же?

— Не прикидывайтесь, будто не понимаете! — поднимаясь, сказал директор Энеди.

— Я все понимаю и совершенно точно могу воспроиз-

вести все, что произошло в ту ночь на мельнице Иванчича. Четверо нас там было. Вы, русская радистка Наташа, Козма и я...

— Довольно об этом, товарищ Чисар. Как-нибудь в другой обстановке... Сядем, вспомним тот случай. А с сыном... Ну нельзя так нельзя... Работа у меня, конечно, трудная, дня от ночи не отличаю. Вот выбрался в воскресенье, приехал... А сын на губе! И командир его, коммунист, товарищ, отказывает в пустякой просьбе: не разрешает повидаться с сыном. И как мне теперь с таким настроением целую неделю работать?.. Ладно, переживем как-нибудь. Вот она — ваша линия! Называется: встретились старые фронтовые друзья! Что ж, примем к сведению, запомним... Пошли, мамочка! Пошли отсюда.

— А то останьтесь?! Я вам напомню, что тогда случилось на мельнице! — повторил подполковник.

— Что там случилось, я лучше вас знаю. Прощайте! — бросил директор и, волоча жену за руку, скрылся за дверью.

Молодой лейтенант изумленно уставился на командира. Он давно отодвинул бумаги в сторону и ждал, что подполковник вот-вот скажет что-то или отдаст вдруг совершенно неожиданное приказание...

Однако ничего этого не произошло. Седой командир долго смотрел на захлопнувшуюся дверь, потом медленно подошел к окну. «Мерседес» плавно отчалил от здания казармы, проплыл по дороге, через мост и скрылся за ракитами.

Через два часа после объявления учебной тревоги подполковник Чисар сел в машину и выехал с казарменного двора. Он был мрачен и неразговорчив. Лейтенант молча трясся на заднем сиденье. Дождь лил как из ведра. Штабной газик выехал на берег старицы и свернул направо. Их путь лежал не по дороге, через бревенчатый мост, куда два часа назад ушел батальон, а вдоль берега, через лес. Колеса буксовали, глубоко зарываясь в промокший песок. Машину заносило, и она то и дело моталась из стороны в сторону. А дождь упрямо хлестал по брезентовой крыше, и «дворники» едва успевали сгонять водяные струи с ветрового стекла. Свет фар время от времени вырывал из ночного мрака блеск чьих-то желтовато-зеленых глаз: промокшее зверье спасалось от ливня, забившись под кусты.

Через полчаса машина остановилась недалеко от мельницы на яру. Проселок, круто повернув к берегу, оборвался над рекой.

— Сколько на ваших? — спросил подполковник Чисар лейтенанта.

— Два тридцать...

— На какой час намечается переправа?

— На три ноль-ноль, — отчеканил лейтенант, вытягиваясь в струнку.

— Переправа — самый главный элемент учений, — заметил подполковник, выбираясь из газика. — Она меня больше всего интересует.

Лейтенант спрыгнул на песок следом за командиром. Скользя по мокрой траве, они спустились с крутояра к воде, осмотрелись. Ветер и дождь секли реку, согнутые плечи лозняка и берег, поросший осокой. Лейтенант, включив карманный фонарик, пошарил лучом вдоль берега.

— Здесь где-то должен быть катер, — сказал он, шагая в темноте вслед за световым снопиком. Они обогнули две небольшие заводи, пошли через кусты и дальше по лесу. В низкорослых прибрежных камышах нашли наконец катер. Наполовину он лежал на берегу, наполовину в воде, чем-то напоминая аллигатора. На дне катера, закутавшись в плащ-палатку, беззаботно похрапывал моторист. Ему, как видно, не мешал ни ливень, ни даже свет фонарика, направленного на него лейтенантом. Подполковник подскочил к спящему, потряс за плечо. Солдат, очнувшись, вскочил и что есть мочи заорал:

— Стой, кто идет?

— Почему вы спите во время боевой тревоги? — вместо отзыва строго спросил подполковник, смерив незадачливого солдата сердитым взглядом.

— Докладываю: приказано здесь ожидать товарища подполковника.

— Я спрашиваю, почему вы спите?

— Докладываю, было приказано...

— Спать во время тревоги?

— Виноват, товарищ подполковник, сам не заметил, как уснул.

— Завтра утром явитесь ко мне для объяснений. Поняли?

— Понял, товарищ подполковник.

— Запускайте мотор!

Солдат провозился минут десять, прежде чем ему удалось завести мотор. Затем они пересекли широкий рукав реки, причалили, вышли на берег. Моторист завел лодку под развесистую иву и заглушил мотор. Подполковник несколько раз проверил ногой, тверда ли почва. Вокруг стояла такая темень, хоть глаз коли. Ночная мгла поглотила и небо, и реку, и прибрежный лес. И в этой сплошной тьме руины старой мельницы казались самыми темными. Подполковник пошел к ним. Лейтенант, светя фонариком ему под ноги, заспешил следом.

— Вот сони! — сердито ворчал Чисар и, шагнув под уцелевший кирпичный свод мельничного здания, прислонился спиной к стене. — Вам когда-нибудь доводилось видеть такое, лейтенант Хорват?

— Мальчишки они еще, товарищ подполковник! Только-только по восемнадцати годков исполнилось...

— Какое-то сонное поколение! Дурацкая музыка, дурацкие космы до самых плеч и беспробудная спячка!..

— Дети они еще, товарищ подполковник. Беззаботные, игривые, как молодые тигрята. Для них жизнь еще только...

— Тигрята, говорите? Интересно. Они что же, считают, что мы здесь в салочки играем? А если в один прекрасный момент грянет? И придется драться, как в сорок четвертом? Дети? Да я в восемнадцать лет уже на заводе вкалывал, участвовал в профсоюзном движении. В четыре утра, бывало, встаешь и пешком топаешь на завод. Из Уйпешта на Андялфельд — десять километров в один конец. Нам некогда было дрыхнуть! Что вы на это скажете, Хорват? Почему мы не спали, когда шли в наступление, по горным лесам Бюкка?..

Где-то в развалинах ухнул филин-пугач, захлопал крыльями. Подполковник оборвал фразу на полуслове и прислушался.

— Филин, — заметил лейтенант.

— Сигнал...

— Нет, товарищ подполковник, такой сигнал планом учений не предусмотрен. Командиры подразделений знают, что мы будем наблюдать за ходом переправы, но им неизвестно, где и когда мы присоединимся к ним. А это просто птица кричала. Филин-пугач...

— Да я не о том, Хорват. Тогда, в сорок четвертом,

у нас был такой сигнал. Его-то Тибор Энеди и не услышал...

— Энеди? Директор завода?

— Да, директор.

— То-то я заметил, как этот Энеди сразу смутился. И не захотел...

— Энеди был тогда командиром разведроты. Мы вчетвером спустились к Ипою — Энеди, Янош Козма, я и Наташа, наша радистка. Нужно было разведать, где фашисты. А точнее, найти хоть один целый мост через Ипой, который бы не охранялся гитлеровцами. Зашли мы на мельницу Иванчича. В ту пору мельницу один словак арендовал. Работы у него не было: нечего было уже молоть, хлеба ни у кого в округе не было. Мельница та — с подливным колесом, вода снизу под колесо течет, жернова вертит. Половина мельницы — на берегу, половина — над водой. Метрах в тридцати — сорока от здания — дорога, а дальше — лес. Мы рассчитывали несколько дней на мельнице за немцами наблюдать, а они в первую же ночь к нам пожаловали. Кто-то, наверное, выдал им наше местонахождение, а может, они просто патрулировали берег реки и случайно на нас наткнулись... Хозяин нам глазунью на обед сварганил, вечером чаю согрел. Наташа успела два радиосеанса провести со штабом, передала наше разведдонесение. В ночь мне выпало идти в секрет. Условились, что сигналом тревоги у нас будет крик филина. Партизаны на втором этаже разместились, хозяин — внизу. Время уже было осеннее, Энеди приказал печку затопить, но окошко открытым оставить, чтобы в случае чего сигнал не прозевать. В десять вечера я отправился в дозор сменить Козму. В общем-то ночь обещала быть тихой, благо мы знали, что в двадцати километрах окрест ни одного немца и в помине нет. Однако часам эдак к одиннадцати какое-то беспокойство мною овладело. Непонятно, что вдруг со мною произошло, по сердце вдруг забилось, в висках застучало. Предчувствие, что ли, какое-то?.. Вы верите, лейтенант, в предчувствие?

— Я на хуторах вырос. Оттуда и служить пошел. А на хуторах люди во многое верят, товарищ подполковник.

— И я вот думаю, лейтенант, что человек может предчувствовать беду, хоть и непонятное это явление... Тогда, на мельнице Иванчича, меня вдруг такое охватило желание бежать к ребятам, поднять всех: беда, мол! И в то

же время думаю: «Ну, прибегу, разбужу, а что я им скажу? И пост оставить я не имею права!..» Стою, прислушиваюсь, вглядываюсь в темноту, волнуюсь. И вот что-то около полуночи слышу гул мотора. Где-то очень далеко. Наверное, за три села от меня. Подождал, усиливается ли гул. Однако гул совсем стих. Тогда я на всякий случай подал первый сигнал. Опасность далеко — один крик филина, опасность близко — два крика, тройной крик — опасность совсем рядом. Подал я одиночный сигнал, несколько раз его повторил. Постепенно опушка леса белеть начала: на траве, на кустах иней выпал. Стою я в дозоре, прислушиваюсь, принюхиваюсь. Сырой землей пахнет, травами прелыми, туман над рекой поднялся. Такой запах по весне бывает, а осенью он еще острее, горше. Примерно во втором часу пополуночи слышу: хрустнула ветка. Шагов за четыреста — пятьсот от меня. Мог, конечно, и зверь ветку задеть: олени к реке на водопой ходят. Однако не поверил я, что это олень. Подал опять сигнал — двумя криками филина, а потом, когда сильнее зашумело в лесу, и тройными криками принялся сигналить. А гитлеровцы тем временем совсем близко ко мне подошли. Я потихоньку отошел назад с опушки и, согнувшись, побежал проселком. У входа на мельницу подал сигнал еще два раза. А в доме — мертвая тишина. Я недоумевал: почему ребята не показываются? Начал было снова ухать филином, но в этот момент немцы с опушки как дадут очередью. По стене забарабанили пули. Я наугад ответил очередью и — в дом. Рванул дверь на себя, взбежал по лестнице, влетел в комнату Энеди, фонариком свечу. А Энеди в исподнем, штаны натягивает. Жарко, видно, натопили они комнату и окно закрыли, чтобы тепло не упускать. Энеди на меня как заорет:

— Проспал фашистов, раззява! Почему не сигналил?

От удивления я остановился перед ним как вкопанный. Однако что толку было говорить что-либо в этот момент? Козма к окну подскочил, стрелять начал. А внизу немцы уже дубовую дверь выломали. Я к лестнице: как кто-нибудь внизу шевельнется, я туда очередью. Немцы мне в ответ. Наконец Энеди оделся. Выскочили мы в соседнюю комнатушку и через окно вниз спрыгнули. Первым Энеди, за ним радистка Наташа, потом Козма, последним я. Бросились с берега в реку. А вода в Ипое ледяная. Вынырнул, слышу, пули над головой свистят и вода под

ними дзень-дзень. Минут через десять выбрались мы на другой берег. Гитлеровцы продолжали стрелять. Мы одного бойца не досчитались. Русской девушки, радистки. Пропала наша радистка вместе с передатчиком. То ли пулей ее фашисты зацепили, то ли ноги свело в ипойской ледяной воде. Целый час ждали мы ее. Козма ползком добрался назад, к берегу. Звал. Но тут гитлеровцы совсем осатанели. Вернулся Козма опечаленный, ни с чем. Через кукурузники мы вернулись к своим. Наутро, когда рассвело, выслали мы на мельницу, на поиски Наташи, группу солдат. Они нашли только труп старого мельника. Он лежал в сенях. А фашисты, видно, еще до рассвета назад смотались.

— Ну, а Энеди?

— Энеди доложил командованию, что нас атаковали превосходящие силы противника. В перестрелке погибла радистка. При мне он докладывал. А про сигнал промолчал. Промолчал и я. Война была. Каждый божий день дрались мы тогда с фашистами...

— И так больше вы ничего и не узнали о той девушке, товарищ подполковник?

— Нет, Хорват, ничего. Погибла она, видимо, там, возле мельницы Иванчича. Хорошая была девушка, красивая, милая. Лицо белое-белое, а на носу чуть заметные веснушки. Они только еще красивее ее делали. Она была из сельских, из центра России. Очень ласковая, сердечная, мечтательная. Лучшая радистка в нашей части. Курносенькая и с такими ласковыми добрыми веснушечками. Я их вовек не забуду. Губы полные, сочные, как у наших сельских девушек. Худенькая такая. Сами знаете, как мы тогда питались. Но вот совсем не помню, какие у нее были глаза. Знаю только, что красивые. Не курила, не пила. У нас в части почти все девушки курили. А она — нет. Необычная была Наташа.

— Извините, товарищ подполковник, за нескромный вопрос...

— Давайте, Хорват, спрашивайте. Вы, молодежь, мало что знаете о том времени.

— Вы женаты, товарищ подполковник?

— Нет, лейтенант. Я так и не женился.

Сыч истошно ухал за развалинами мельницы. Лейтенант щелкнул фонариком, взглянул на часы. Было пять минут четвертого.

— Пора начинать переправу. Уже подходят, — сказал подполковник.— Слышите?

Лейтенант прислушался. Где-то вдали гомонили птицы. Дождь яростно хлестал по стенам разрушенной мельницы.

«Чудится старику, что ли?» — подумал было лейтенант, но вдруг и сам уловил далекий, но грозный шум. Он взглянул на небо. Оно становилось серовато-сизым. Начинало светать.

ШАНДОР БЕКЕШ

С БЕЛОЙ ПАЛКОЙ СЛЕПОГО

Выписавшись из госпиталя, я и не представлял, какие тяжелые дни ожидают меня. Лечащий врач сказал на прощание, что я совершенно здоров, и посоветовал быть больше на людях. Однако в тот момент я не чувствовал никакого желания общаться с людьми.

Случившееся со мной несчастье несколько померкло в памяти, да я и сам старался не думать о нем.

Жили мы на окраине города, неподалеку от завода. Каждое утро меня будил заводской гудок. За день у нас дома бывало много людей: мои друзья, знакомые матери и даже совершенно чужие люди, которых я никогда не знал раньше. Они проходили ко мне в комнату, разговаривали о чем-то и как бы мимоходом интересовались моим здоровьем.

Ребята, с которыми я дружил до армии, иногда заводили разговор о девушках, рассказывали мне, кто за кем ухаживает, и у меня было такое впечатление, что за время моего отсутствия дома и в мире ничего существенного не произошло: люди любят меня, а я люблю их.

Домик у нас был старый, но в его стенах я чувствовал себя превосходно. Когда хотелось тишины и спокойствия, здесь было тихо; когда хотелось повеселиться с друзьями — все вокруг ходило ходуном.

Накануне моего возвращения из госпиталя мама купила радиоприемник, и теперь, когда я оставался один, любимым развлечением стало слушать его. От нечего делать я крутил ручку настройки, ловил то одну, то другую радиостанцию. Особой привязанности у меня ни к чему не было, интересовало все понемногу. Любая передача по

радио успокаивала меня: будь то музыка или просто речь на иностранном языке.

Когда лежал в госпитале, случившееся со мной несчастье казалось страшнее смерти, и я не раз думал о том, что лучше было бы умереть. Теперь такие мысли у меня уже не появлялись. Постепенно я заново открывал для себя мир. Сначала познакомился с нашим домом, потом с нашей улицей, а затем и с родным городом.

Ходить, ничего не видя, я научился еще в госпитале. Сначала ступал осторожно, вытянув вперед руки, как младенец, который делает свои первые в жизни самостоятельные шаги. Постепенно привык ходить и без помощи рук, маневрируя между койками в палате, затем начал выходить в коридор, а вскоре даже бродил по госпитальному саду.

Два месяца, проведенные в военном госпитале, показались мне долгими годами.

Первые дни я все время неподвижно лежал на своей койке. Сестры позже признались мне, что я тогда был похож скорее на мертвого, чем на живого: ни с кем не разговаривал, не отвечал на вопросы, несколько дней ничего не ел.

Мои соседи по палате думали, что я решил умереть. Я слышал их тихие разговоры обо мне, и действительно мысли о смерти часто приходили мне в голову.

Временами я пребывал в таком состоянии, какое бывает у человека, когда он смотрит фильм, который нисколько не трогает его. Он все видит и слышит, но прекрасно понимает, что это всего-навсего игра и к нему не имеет никакого отношения.

В такие моменты мне казалось, что со мной вовсе ничего не случилось. Однако у меня на глазах была повязка, и, осторожно притрагиваясь к ним, я чувствовал боль. И все-таки мне казалось, что это просто какое-то нелепое недоразумение, которое скоро пройдет.

Постепенно я стал привыкать к горькой правде. Часто ко мне в палату приходила пожилая женщина-врач. Придет, сядет на край кровати, положит руку мне на лоб и начнет что-нибудь рассказывать. О чем она только не рассказывала! О своем сыне, погибшем на войне, о доме, в котором она жила, об озерах, о больших белых пароходах. И хотя я не находил в ее рассказах никакой связи со своей судьбой и положением, в котором оказался, не скрою,

всегда с радостью прислушивался к ее шагам, когда она направлялась к моей кровати.

Вполне возможно, что именно ей я и обязан жизнью. Помню, однажды она сказала мне о том, что я после обеда могу встать с постели и спуститься в сад. Я даже не поверил ей и не пошевелился, но она не отходила от меня. Подождав немного, еще раз повторила свое предложение.

— Я же упаду! — сказал я со страхом.

— Не бойся, я здесь, рядом с тобой.

Ее тихий спокойный голос подбодрил меня.

Я встал. Лежащие на соседних койках больные подбадривали меня. Встав, я чуть было не заплакал от сознания своей беспомощности. Я стоял, чувствуя под ногами твердый пол, и не в состоянии был сделать и шага.

Врач свела меня в госпитальный парк. Повязку с моих глаз еще не сняли, но это была уже легкая, так сказать, символическая повязка, я даже чувствовал, как сквозь нее греет солнце.

С этого дня я ежедневно спускался в сад. Научился ориентироваться в нем среди деревьев, которые стал узнавать по запахам, научился чувствовать дорогу ногами.

За три дня до выписки из госпиталя ко мне в палату пришли посетители. Привела их моя докторша.

Остановившись возле кровати, они несколько секунд молчали, разглядывая меня и ничего не говоря. Видимо, полагали, что я сплю.

Они пришли, чтобы повидаться со мной, пожать мне руку. Я знал, что сейчас они начнут говорить. Скажут, что все очень гордятся мной. И в душе у меня возникло какое-то очень неприятное чувство к ним. Я почти ненавидел их. Все они казались мне трусами, не заслуживающими моего внимания.

Гостей было четверо — старший лейтенант и трое солдат из нашего взвода.

— Ну, как ты себя чувствуешь, товарищ Балог? — первым нарушил общее молчание старший лейтенант. Он по-дружески похлопал меня по плечу и сунул в руки какой-то сверток. — Это тебе от товарищей по роте.

Офицер говорил очень тихо, не говорил, а почти шептал.

«Как я себя чувствую? — повторил я мысленно вопрос

офицера. — Чего это он так тихо заговорил? Ведь голос у него довольно громкий».

Я уже не сердился ни на офицера, ни на ребят, однако считал, что их приход ко мне совершенно излишен.

«Мне они больше не нужны», — подумал я, и на душе стало как-то веселее.

Мои посетители уселись на край кровати и пробыли у меня довольно долго, хотя говорили мало.

Вскоре их присутствие уже начало меня раздражать, однако я не мог заставить себя сказать, чтобы они ушли.

Друзья принесли мне несколько плиток шоколада, фруктов, бутылку ликера и огромное количество сигарет.

— Через три дня меня выпишут домой, — сообщил я.

— Быстро ты поправился, — торопливо откликнулся старший лейтенант.

Мне стало как-то не по себе, но я сказал:

— Да, выздоровел, я совершенно здоров. Умею ходить без провожатого и ни в ком не нуждаюсь...

Почему я так сказал, и сам не знаю. В душе я не раз твердил себе о том, что мне никто не нужен. И действительно убедил себя в том, что так оно и есть.

Ребята время от времени что-то говорили мне. Причем голоса у них были испуганные и отрывистые, будто они забыли о чем-то, а теперь вдруг вспомнили.

— Каршал передает тебе привет...

— Локош заболел и потому не смог прийти к тебе...

— Неважно, через три дня выписываюсь, — повторил я.

— Мы тебе писать будем домой.

— Как хотите.

— И в гости будем приезжать.

— Приезжайте.

«И зачем только они пришли ко мне? — мысленно спрашивал я себя, слушая их разговоры. — Нечего им со мной возиться, и я к ним никакого отношения больше не имею. Им повезло, а мне вот нет...»

Когда они ушли, я долго не мог сосредоточиться. В палате стояла тишина; стены, казалось, раздвинулись, и вокруг меня образовалось большое безмолвное пространство. Шоколад, фрукты, ликер и сигареты я снова уложил в картонную коробку и убрал ее в тумбочку.

Найдя под кроватью ботинки, я надел их и стал медленно зашнуровывать, без страха и без особой печали.

Зашнуровывал так, как это делают слепые, которые обречены судьбой на вечную темноту.

Хотя мне вовсе не хотелось обижать маму, все же я почти не разговаривал с ней целую неделю. Когда она гладила мое лицо, я старался улыбаться; когда она ласково обращалась ко мне, я делал вид, что очень рад ей. Уже более полугода я жил дома и должен сказать, что все то, что раньше радовало меня, сейчас доставляло лишь огорчение. В глубине моей души произошел какой-то надлом, который причинял мне сильную боль.

Знакомые по-прежнему почти ежедневно заходили к нам, хотя им все трудней было находить темы для разговора со мной. Иногда они приносили мне какой-нибудь подарок. Но вместо радости это почему-то причиняло боль.

За эти семь месяцев очень многое изменилось: я стал совершенно другим.

Прогулки на свежем воздухе уже не доставляли мне никакого удовольствия, не развлекали и радиопередачи. Даже заботы матери не приносили облегчения. Мне чего-то не хватало, но чего именно, я не мог понять.

Ребята, вместе с которыми я служил в армии, часто писали мне письма, но и эта ниточка, связывавшая меня с ними, обрывалась: старослужащие демобилизовались, а молодые солдаты просто не знали обо мне.

Когда ребята приходили в госпиталь навестить меня, раздражало их внимание, их сочувствие и жалость. Теперь же мне очень не хватало их присутствия.

Просыпался я рано, почти на рассвете. Мама еще спала, в доме было тихо, а улица пустынна. Распахнув окошко, я подставлял лицо солнцу. Оно вставало как раз из-за дома напротив. Лицом, волосами, даже кончиками пальцев я чувствовал не только солнечную теплоту, но, казалось, и его цвет. В такие моменты все во мне как-то напрягалось, ждало каких-то изменений.

Чего я ждал, и сам не знаю. В то время я уже смирился со своим положением: я знал, что на всю жизнь останусь полностью слепым, никогда уже не подойду к машинам, к которым так тянуло с детства.

Эдит оставила меня, еще когда я лежал в госпитале. В душе я даже был рад, что именно так и случилось. Я смирился с мыслью, что Эдит нет со мной. Любовь из жалости была бы для меня еще мучительнее.

Она жила в этом же городе, однако я знал: теперь наши пути никогда не сойдутся...

Иногда с улицы доносился смех девушек, и тогда мне хотелось выйти им навстречу, остановиться перед ними, кончиками пальцев прикоснуться к их лицам, чтобы лучше представить себе, как они выглядят. Но поскольку все это было невозможно, невозможной стала для меня и сама мысль о любви. И все же каждое утро я чего-то ждал. Раскаленный диск солнца, встававший ежедневно из-за дома напротив, казалось, обещал мне что-то.

«Сегодня должно что-нибудь случиться, — лезла в голову назойливая мысль. — Не сегодня, так завтра жизнь моя снова обретет смысл...»

Однажды, под вечер, я прогуливался по парку, как вдруг передо мною остановилась собака. Это была, очевидно, большая собака, я ощущал это по тому, как она терлась о мою ногу. Лизнув мне несколько раз руку, она тихо тявкнула. И в тот же миг ко мне подошел какой-то мужчина.

— Меня зовут Габором Эрнеи, — представился он мне.

— А я Лукач Балог, — сказал я, не понимая, что этому человеку от меня надо.

Незнакомец подошел ко мне вплотную и кончиками пальцев стал ощупывать мое лицо.

— Я так и знал, — произнес он. — Сколько тебе лет?

— Двадцать четыре.

— А мне двадцать семь. Я уже двадцать лет слепой...

Как-то непроизвольно я одной рукой снял с незнакомца очки, а другой ощупал его глаза.

— В город я приехал недавно, — объяснил Эрнеи, — и в этом парке гуляю впервые. Каждый день я хожу куда-нибудь в новое место, знакомлюсь с городом...

На следующий день мы снова с ним встретились, потом еще и еще. Каждый день я гулял с Габором в течение нескольких часов, и эти встречи мне многое давали. До этого я, собственно, жил так, будто со мной ничего не случилось, вернее, я хотел убедить в этом самого себя и других. Теперь же окружающий мир стал для меня совершенно иным. Я понял, что если хочу жить спокойной жизнью, мне необходимо порвать все нити, связывающие меня с этим миром. И я решил уехать из города.

Мама разрыдалась, когда я сообщил ей об этом. Успокоившись, она обняла меня за плечи и сказала:

— Зачем ты меня обижаешь? Ведь я всю свою жизнь посвятила тебе. Не было ни одной минуты, чтобы я не думала о тебе, для меня ты всегда был маленьким...

«Быть может, все ей рассказать откровенно? — думал я. — Сесть рядом, взять ее руки в свои и объяснить, что и как, что никому сейчас до меня нет никакого дела и потому я в свою очередь тоже ни на кого не рассчитываю».

Хонец открыл дверь по первому звонку, принял меня дружелюбно. Он провел меня по квартире, рассказал, где что лежит, где находится умывальник. Особое внимание он обратил на электрические розетки. Я очень удивился, зачем он это делает, и хотел было спросить об этом. Но он, словно угадав мое недоумение, объяснил мне:

— Эрнеи сказал мне, что вы его друг. Он даже обрисовал вас, сказал, что вы ко мне придете и чтобы я вас хорошо принял... Эрнеи одно время жил у меня и был самым желанным жильцом. Может, вам радио захочется включить, так вы не стесняйтесь.

Поселился я в небольшой комнатке, окно которой выходило в парк. Когда-то здесь жил Эрнеи. У одной стены стояло два шкафа, зато другая стена не была ничем заставлена. В углу стоял стол, а напротив окна кровать. Пол в комнате был старый, и потому половицы скрипели при каждом моем шаге.

Из дому я, кроме необходимой одежды, ничего не взял. Все мои книги остались у матери. Зачем они мне теперь? Не нужны мне были ни картинки, которые висели дома в моей комнате на стенах, ни даже инструмент, которым я всегда что-то мастерил в свободное время.

Хонец целый день слонялся по комнатам, и его неторопливые шаги можно было слышать то тут, то там. На улицу он выходил только к вечеру. Мне нравилось, что он ни о чем не расспрашивал меня, я тоже ничего не знал о нем.

С тех пор как я уехал из дому, все чаще и чаще вспоминал т о т день. Я помнил все до мелочей и, как мне казалось, даже видел все: ребят из взвода, когда они уткнулись лицами в песок, нашего старшего лейтенанта и свои руки...

Случилось это четырнадцатого мая, в субботу. День был солнечный, над городом дул теплый весенний ветер.

В вездеходе нас сидело шестеро. Мы ехали впереди, за нами следовала мастерская.

Самым мучительным для меня было то, что я ничего не забыл, просто не мог забыть... Рядом со мной сидел Грегор, напротив Ковач, справа Анда, а позади, друг против друга, — Уйхеди и Пал. Старший лейтенант ехал в отдельной машине, которая подошла к месту назначения позднее нас на несколько минут.

Наша казарма располагалась километрах в пяти от города, на берегу реки. На территории нашего небольшого военного городка стояло всего четыре здания, образующие крохотную площадь, на которой возвышался мраморный обелиск с высеченными на нем фамилиями погибших саперов.

По дороге в город я почему-то вспомнил этот обелиск. Перед выездом на задание старший лейтенант собрал нас и сообщил, что в городе на детской площадке обнаружены в земле старые неразорвавшиеся снаряды.

Страха я не испытывал. В армии я к тому времени прослужил полтора года, несколько раз выполнял ответственные задания по разминированию — обезвредил не один десяток бомб и снарядов.

Перед выездом на задание мы сняли с вездехода брезент, и, когда ехали, ветер бил нам в лицо, так что если нужно было что-нибудь сказать друг другу, приходилось громко кричать.

За последние годы на восточной окраине города вырос новый микрорайон. На солнце дома были ослепительно белыми.

Время приближалось к полудню. Окна домов были настежь раскрыты, кое-где на балконах просушивались ковры. На детской площадке никого не было. Двое полицейских, охранявших площадку, никого туда не пускали.

Наш вездеход и мастерская-летучка подъехали к площадке. Мы остановились. Возле домов толпились жители, некоторые из них приветственно махали нам руками.

Внимательно осмотрев местность и снаряды, мы убедились, что это были противотанковые снаряды. Над каждым из них воткнули в песок небольшие красные флажки. Одиннадцать флажков.

Старший лейтенант сказал полицейским, чтобы они оцепили площадку и никого сюда не пускали. Дома были

расположены от нее довольно далеко и отделены от площадки ровными посадками деревьев.

Работа показалась нам несложной.

К двум часам дня мы обезвредили восемь снарядов. К половине третьего — десять. Последний, одиннадцатый снаряд лежал в земле глубже других.

Старший лейтенант руками осторожно отгребал от него песок.

Я подавал офицеру необходимый инструмент. Лежал на песке, на голове была каска. Движения спокойные и уверенные, как и полагается саперу.

Когда почти весь снаряд был откопан, мы осторожно начали поднимать его... и в этот момент из-под ржавого колпачка вырвался сноп зеленого пламени. Пламя полыхнуло мне прямо в лицо. Ощущение было такое, будто кто-то плеснул мне в лицо горячей водой. Но странно, сначала я не почувствовал ни малейшей боли. Я знал, что в тот момент мне нужно было быстро уткнуться лицом в песок, но я не успел. По каске забарабанили какие-то куски, все было так, как обычно бывает при взрыве старого снаряда. Нас буквально засыпало песком и землею.

Я хотел было подняться, чтобы посмотреть, что же стало со старшим лейтенантом, но в этот момент в моем мозгу, так мне, по крайней мере, казалось, произошел еще какой-то странный невидимый взрыв, перед глазами замелькали разноцветные круги, и я потерял сознание...

И вот я уже третью неделю живу в доме Хонеца. Живу один в комнате. Никто не высказывает мне своего сочувствия, и это для меня немало значит.

Эрнеи тогда в парке сказал, что мне необходимо порвать все нити с прошлым. Я послушался его совета, но от этого ничего не изменилось...

Вскоре я оставил дом Хонеца. Хотя город наш и не такой уж маленький, но все же это был мой родной город. Время от времени я натыкался на знакомых, которые по-дружески похлопывали меня по плечу, а на прощание говорили, чтобы я не вешал носа.

Мама, как я и просил ее, навещала меня лишь раз в неделю. Она приносила мне чистое белье, рассказывала домашние новости и даже что-нибудь смешное, но я инстинктивно чувствовал, что живет она в каком-то страхе.

Она до сих пор так и не поняла, почему я ушел из дому. Прощаясь со мной, обычно рыдала, умоляя меня вернуться.

Настала осень. Однажды я почти весь день просидел в парке, сидел и чувствовал себя старым, одиноким и совсем никому не нужным. Временами на меня находила такая тоска и печаль, что хотелось плакать. Я слышал, как падали с деревьев листья, и мне казалось, что я совсем беспомощен и даже не могу сделать самостоятельно ни шага. Временами, напротив, меня охватывало какое-то дикое чувство жестокости, и я безжалостно сбивал своей белой палкой цветы с клумб парка. В такие минуты мне казалось, что я ненавижу всех людей. Мне хотелось отомстить им за мое несчастье, хотя я прекрасно понимал, что они в этом нисколько не виновны.

Из полка мне все еще довольно часто приходили письма, и мама во время своих посещений всегда приносила их мне, читала каждое письмо по два-три раза. Однако все, что было в них написано, уже не волновало меня, и если в какой-то степени я радовался им, то в первую очередь из-за мамы, которой они приносили много радости.

Ребята, с которыми я служил, уже демобилизовались, старшего лейтенанта повысили в должности — он стал капитаном. И хотя я прекрасно понимал, что люди писали мне эти письма из добрых побуждений, они тем не менее больно бередили мою рану. Я чувствовал, что и без меня жизнь идет своим чередом — старослужащие демобилизовываются, новобранцы приходят в полк, а случившееся со мной служит для них лишь предупреждением: «Сапер должен быть предельно внимателен, так как старый снаряд и бомба всегда таят в себе опасность и может случиться такое, что было с Балогом, который более года тому назад...»

Когда я сказал Хонецу, что ухожу от него, он очень удивился.

— Куда ты пойдешь? — тихо спросил он.

— Есть одна деревушка в горах. Я как-то был в ней...

— Вы с Эрнеи были самыми желанными моими жильцами.

Мы пожали друг другу руки. Старик проводил меня до ворот. Я ничего не чувствовал: встречи и расставания с людьми меня не волновали.

Приехав в деревушку, я поселился в домике старого

рыбака. Селение стояло на самом берегу реки. Прямо со двора был слышен плеск воды и скрип весел и уключин. Чайки порой становились настолько смелыми, что залетали даже на скотный двор в надежде чем-нибудь поживиться.

Село стояло на открытом месте, и улицы всегда подметал свежий ветер.

Несколько дней у меня было такое ощущение, что я наконец нашел именно то, что мне надо. Здесь все предметы издавали свои, непохожие на другие, звуки, по которым я всегда знал, что где происходит: повозки скрипели как-то меланхолично, по-особому неповторимо скрипел журавль у колодца, ведро падало в колодец и то со своим звуком.

Окошко моей комнаты выходило в сад, который рос на склоне, кончавшемся у самой воды. Побродив между деревьями, я спускался к воде, где стояла сколоченная из грубых досок сторожка рыбака. В ней-то я и проводил большую часть дня. Друзей у меня в селе не было. Кроме домика, в котором я жил, я не представлял, как выглядят другие дома. Старое я стал постепенно забывать, а новое меня мало интересовало.

Дядюшка Адам, рыбак, у которого я жил, по вечерам допоздна пропадал на реке. Домой он возвращался, когда я уже спал. Когда же он просыпался, то меня, как правило, уже не было дома. Однако покоя я и здесь не нашел.

Однажды на рассвете я сидел у самой реки на своем обычном месте. Вдруг я почувствовал, что у меня за спиной кто-то стоит. Это был рыбак.

— Сегодня хороший клев будет, — сказал он. — У рыбок хорошее настроение.

— У рыбок всегда хорошее настроение, — буркнул я.

— Нет, далеко не всегда, — запротестовал старик.

— А с чего бы им грустить? — спросил я.

— А человек почему грустит? Ну, взять хотя бы меня. Летом мне стукнуло семьдесят лет. Жену я похоронил, сын погиб. Вот и остался я один как перст...

— Слышите, рыба всплеснула?..

— Да. Хороший клев будет, — повторил старик и пошел вдоль берега. Я чувствовал, что он прошел метров сто, затем остановился и крикнул:

— Пошли со мной!

— Зачем?

— Вдруг рыбы будет столько, что мне твоя помощь понадобится...

— Вам здорового парня надо, а не... — Голос мой осекся: мне вдруг стало стыдно, хотелось, чтобы старик не услышал моих слов.

Он же немного постоял молча, затем вернулся ко мне.

— Когда ты приехал в село, — начал он, — если ты помнишь, тебя никто не хотел пускать на квартиру. Приехал неизвестно кто, и кто знает, с какой целью. Таких людей люди не принимают у себя. Я же у тебя ничего не спросил. Дом у меня просторный, комнаты пустые, и тебе и мне места хватит.

Старик присел рядом со мной. От него пахло табачным дымом и рыбой.

Мне хотелось представить, какое у него лицо.

— Что с тобой случилось? — спросил он.

— В руках взорвался снаряд.

— А где ты нашел его?

— На детской площадке.

— А как он попал к тебе в руки?

— Я был сапером.

— Другой причины не было?

— А какая еще может быть причина?

— Человек иногда жертвует своей жизнью безо всякого приказа...

— Ни о чем таком я не думал.

— Не думал и о тех людях, которых ты спас?

— Ни о ком я не думал.

Мы долго сидели друг возле друга. Голос старика был похож на ручеек, который то тихо журчал, то вдруг начинал греметь.

— Пока мы с тобой тут разговариваем, заброшу-ка я удочки. Рыба наживку и здесь найдет.

Старик оказался прав: в то утро клев был действительно хорош. За какие-нибудь полчаса мы поймали две большие рыбины и много мелкой. Солнце уже стояло у нас над головой, когда старик встал.

— Пойду погляжу на бредень, а ты тут пока присматривай за удочками... — сказал он мне.

Голос у него был тихий, но строгий. Я невольно подумал о том, что он говорит со мной так, будто я был его

малолетним сыном. И хотя ничего особенного он мне не сказал, мне все же было приятно.

— Тут здоровый парень нужен... — пробормотал я, но старик молча сунул мне в руки удочки.

— Рыбы — существа хитрые и любят поиграть! — крикнул он мне уже на ходу.

Я слышал его удаляющиеся шаги. Шел он так, что мелкая галька выскакивала у него из-под ног.

Я остался один и, воткнув удочки в песок, взял лески в руки. За спиной у меня шумели листвой тополя. Передо мной плавно несла свои воды река, звуки которой я уже научился различать. Мне казалось, что я вижу голубую воду, вспененную легкой рябью.

Я крепко держал в руках лески.

Сколько я так просидел — несколько минут или часов, — я не знал. Все мое внимание было направлено на эти две ниточки.

«А вдруг я один поймаю рыбу? — мелькнула у меня мысль. — Один, без посторонней помощи!»

И как раз в этот момент леска, которую я держал в левой руке, дернулась. Сначала едва ощутимо, затем сильнее. Я дернул удочку и закричал:

— Дядюшка Адам, рыба! Поймалась рыба!

Мне никто не ответил. Лишь тополя продолжали шелестеть листвой.

Тогда я встал и стал тянуть леску. И вытащил ее из воды.

— Хороша рыбка! — раздался за моей спиной голос старика.

— Вот видите, дядюшка Адам, сам поймал!.. Сам!.. — радостно закричал я. — Правда, я ее сам поймал, а?!

— Правда, — хрипло и тихо проговорил старик и положил мне на плечо свою тяжелую руку.

«Я поймал рыбу! Сам поймал, без посторонней помощи!» — думал я растроганно.

Однажды дядюшка Адам решил повезти меня в какой-то город. Он настаивал на этом. Несколько недель перед отъездом мы со стариком здорово поработали: чинили сети, которые порвала рыба.

В дорогу мы взяли с собой жареной рыбы и бутылку легкого вина.

В поезде пассажиров было не так уж много. В город прибыли к полудню. И хотя шел октябрь, было по-летнему тепло. Дядюшка Адам должен был решить в городе какие-то свои дела. Он привел меня в какой-то парк и, усадив на скамейку, сказал, чтобы я ждал его.

В парке росли молодые деревца. По еле уловимому дуновению ветерка я предполагал, что вокруг площади стоят высокие дома. Посредине площади, очевидно, находилась детская площадка для игр.

Ждать пришлось долго. Когда мне надоело сидеть, я встал и прошелся по дорожке, усыпанной мелким гравием. Народу в парке было мало, в основном — старики.

Доставая носовой платок, я вынул из кармана письмо, которое мне прислали из полка на адрес матери. Я вертел его в руках, стараясь отгадать, кто его написал. Со временем я стал забывать фамилии солдат, но их лица я помнил хорошо, будто недавно расстался с ними. Совершенно неожиданно меня охватило страстное желание еще раз услышать содержание этого письма. Я вертел его в руках и так и этак. Письмо было большое, на четырех страницах. Я его то сворачивал, то разворачивал, с болью сознавая свою беспомощность.

И тут ко мне кто-то подошел.

— Вам помочь? — По голосу это была молодая девушка, подошла она ко мне легкими шагами, от нее пахло хвоей. — Я вам охотно помогу.

Я кивнул.

Она села и взяла у меня письмо.

— Зовут меня Ева, я живу здесь на Платановой аллее...

Девушка начала читать письмо. Дочитав примерно до середины, она вдруг запнулась, голос у нее задрожал, а лист заходил в руке.

Немного помолчав, она сказала:

— Я вас знаю.

— Меня? Откуда вы меня знаете? — удивился я.

— Вы же не всегда были слепым...

— Да, не всегда.

«Лицо у нее, наверное, правильного овала, — подумал я. — Ножки маленькие, она любит короткие широкие юбки, а когда смеется, то немного смущается».

— Я вас знаю, — упрямо повторила девушка. — Да, да, я вас знаю.

— Я вас тоже знаю, — сказал я под влиянием великолепного настроения, которое меня вдруг охватило. Неожиданно мне в голову пришла мысль, что на площади, где были обнаружены снаряды, жила девушка, блондинка, застенчивая такая, и звали ее Евой.

И хотя я уже давно не вспоминал ни того города, ни площади, сейчас почему-то вдруг вспомнил эту девушку. Видел я ее всего раза два, в первый раз мельком, когда мы прибыли в тот город, и во второй — в тот самый злополучный день.

Она стояла на перекрестке, как раз там, где наша машина сворачивала на площадку. Ее увидел сначала Анда, который обращал внимание на всех женщин, и, дернув меня за рукав, кивнул головой в сторону Евы:

— Посмотри-ка, вон стоит...

— Вижу, — буркнул я.

Ева стояла в нескольких шагах от нас.

— Вот бы с ней познакомиться! — мечтательно произнес Анда.

— Боже упаси! — одернул его Грегор. — Попробуй к ней прикоснись — взорвется не хуже снаряда!

Вездеход ехал медленно. Девушка смотрела нам вслед, и меня вдруг охватило раздражение.

Волосы у девушки были светлые, коротко постриженные, брюки техасы ладно обтягивали бедра. Выражение лица у нее было чуть-чуть озорное, рот полуоткрыт, так что видны были зубы, отчего казалось, что она смеется. Но в то же время было в ее лице и что-то серьезное, и я почему-то подумал тогда, что из нее вышла бы хорошая учительница.

Ребята, поймав мой взгляд, засмеялись:

— Понравилась крошка?

— Глупые вы, — ответил я им.

— А ты помаши ей... — посоветовали они мне хором.

Когда мы приступили к извлечению снарядов и я уже лежал на песке, то на миг вдруг снова вспомнил о девушке. В одной руке я держал ключ-отвертку, а другой сдвинул каску на затылок и улыбнулся собственным мыслям.

— Я вижу, у тебя хорошее настроение, — заметил старший лейтенант, беря у меня из рук ключ.

— Погода сегодня больно хорошая...

— Жаловаться не приходится, тепло...

Мы продолжали работать. На площадке, кроме нас, не

было ни одной души. Даже в раскрытых окнах домов не видно было ни одного лица. Я почему-то решил в свободное от службы время прийти сюда погулять.

Лица девушки я уже не помню, но ее улыбка как-то запечатлелась в моей памяти...

Я сидел на скамейке, и воспоминания вновь нахлынули на меня. Я уже пожалел, что пошутил с девушкой, сказав, что знаю ее. «Что мне до нее? Девчонка подсела из чистого любопытства к слепому, а вечером будет рассказывать об этом своим знакомым. А может, она меня и не помнит вовсе, просто так говорит?»

— Спасибо, что помогли,— поблагодарил я девушку, после того как она прочла мне письмо.

На меня вдруг напала усталость, и я уже начал сердиться на дядюшку Адама за то, что он так долго не возвращается. В этом городе я был первый раз и потому не знал, где его искать. Уходя, он сказал мне, что пошел в какое-то учреждение за каким-то разрешением. Я встал.

— Уходите? — испуганно спросила меня девушка.

— Нужно идти, — ответил я. — Ждут меня.

— Могу я проводить вас?

— А зачем?

Схватив свою белую палку и крепко сжав ее в руке, я пошел по дорожке, сбиваясь через два-три шага. Ноги мои скользили, и, когда я споткнулся еще раз, мои черные очки соскочили и упали на землю. Меня разозлила собственная неловкость. Мне стало стыдно. Я наклонился, чтобы поднять очки, пальцами ощупывал землю, сначала у своих ног, дальше я уже не доставал, и мне пришлось встать на колени.

— Вы не там ищете, — услышал я вдруг за спиной голос девушки.

— Вы еще здесь?

— Я провожу вас. — Она вложила мне в руку очки и, взяв меня под руку, сказала: — Пошли.

Она шла маленькими шажками.

Я не сопротивлялся.

После нескольких секунд молчания она спросила:

— Правда, вы не сердитесь на меня? — в голосе девушки звучала мольба.

Мне казалось, что просил не только ее голос, но и ее тонкие длинные пальцы, которыми она стиснула мою руку, и даже плечо, которым она касалась моего плеча.

— Почему вы сказали, что знаете меня? — спросил я ее.

— Потому, что это правда. Вас в нашем городе все знают...

— Меня?! — удивился я.

— Да. Вас кто-нибудь пригласил сюда?

Дорожка, усыпанная гравием, кончилась. Ноги мои ступали по сухому мягкому песку. В лицо дул легкий ветерок.

— Где мы? — спросил я вдруг, чувствуя, как в душе у меня растет какая-то тревога. — Где мы?!

— На детской площадке для игр... Вот тут рядом качели, а вон там — песочница. Разве вы не помните это место?.. А вам бы надо помнить...

Я рукой отстранил руку девушки. Снял очки. Моя белая палка упала на песок. Оказалось, что я стоял как раз на том самом месте, о котором и вспоминать-то даже не хотелось: я стоял посреди детской площадки для игр... Как раз напротив меня — детские качели, слева — песочница... Наш вездеход в тот день стоял позади нас, под деревьями... Первый красный флажок был где-то тут, возле моих ног, рядом с ним — второй... Это были маленькие, вылинявшие от дождей и солнца красные флажки...

Дядюшка Адам сказал, что мы едем в город, в котором я никогда не был, едем затем, чтобы зайти в какое-то учреждение...

— Ну, теперь вы верите, что я вас знаю?..

— Да, — тихо ответил я.

— Я так обрадовалась, когда увидела вас. Я ведь стояла на тротуаре в тот день и видела, как вас увезли на машине «скорой помощи». Я очень рада, что вы здесь, что я вас снова встретила. Не верите?

Возле меня прошел ребенок: я слышал его шаги. Прошел молча. И тут же мимо меня медленно прошагал еще один ребенок. Кто-то поднял мою палку. А ко мне все приближались и приближались чьи-то шаги. Мою руку пожал какой-то мужчина. Кто-то предложил мне пойти к нему домой пообедать. Со мной обращались так просто и непосредственно, как обращаются с человеком, который вернулся к себе домой.

Говорить я не мог и только кивал. Дети, собравшиеся вокруг меня, сначала стояли тихо, но потом я услышал какой-то шум и спросил:

— Что там у них случилось?

— Ничего, — ответила девушка.

— Нет, что-то случилось, — заметил я. — Я ведь слышу...

— Дети, известно...

— Что у них?

— Спорят, кому идти рядом с вами...

Со мною заговаривало много людей, и я чувствовал, что все они прониклись ко мне уважением и благодарностью. Несколько раз я ловил себя на мысли, что дядюшка Адам заблудился и теперь не найдет меня, но тут же улыбался этой наивной мысли.

«Надул меня старик», — подумал я, и мне захотелось, чтобы он оказался рядом и чтобы я мог обнять его.

По шелесту листвы я понял, что день клонится к вечеру. Детишки играли на площадке в свои шумные ребячьи игры. Какой-то мальчуган громко подавал военные команды.

Стоял удивительно теплый октябрь.

Я вспомнил своих товарищей по взводу: Анду, Ковача, Уйхеди, который в тот день работал, лежа рядом со мной, вспомнил нашего старшего лейтенанта, у которого никогда не дрожали руки...

— Скверно я себя вел, — проговорил я, и, хотя девушка не поняла, к чему я сказал эти слова, она все же ни о чем не спросила.

Она снова взяла меня под руку, и я почувствовал теплоту ее пальцев.

— Пойдем в казарму, — сказал я.

Мы вышли на дорогу, мимо нас с большой скоростью проносились автомобили. Белую палку я повесил на левую руку. Мы пошли быстрее.

«За полчаса дойдем, — подумал я. Усталости я не чувствовал. — Правда, Анда да и другие мои товарищи давно уже демобилизовались, но это не так уж и важно. Важно, что я все знаю в этом городе: и эту дорогу, обсаженную двумя рядами тополей, и побеленные известкой здания казармы. Все это мне знакомое, родное, да и я здесь не чужой, и те, кто сейчас служит в нашем полку, тоже мне не чужие».

Ева шла, напевая какую-то песенку.

— Знаешь ее? — спросила она.

— Нет, — ответил я.

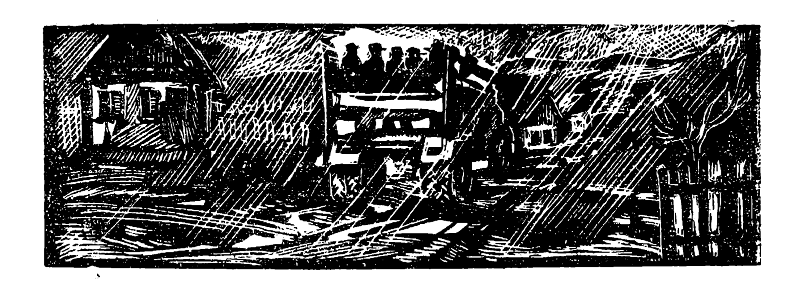
— Но нравится, да?

— Я хотел бы ее выучить, — сказал я.

До казармы рукой подать, настроение у меня было хорошее, какое бывает у людей, которые после долгого отсутствия и нелегкого пути возвращаются домой. Я чувствовал себя абсолютно здоровым и даже не думал о том, что на руке у меня висит белая палка слепого.

ШАНДОР БЕКЕШ

НАВОДНЕНИЕ

1

Что бы со мной ни случилось, мама всегда плакала. Раньше я сердился на нее за это, мне не нравилась ее чрезмерная чувствительность, но шло время, и я стал больше понимать ее. Плакала она и тогда, когда меня отдавали в ученики. Слезы навернулись ей на глаза, когда я принес ей мою первую в жизни получку. И конечно, сейчас она тоже плачет...

Вчера утром почтальон принес мне повестку. Я как раз стоял у колодца.

— Ну, Арпи, вот ты и стал взрослым: тебя забирают в армию. Рад, наверное, а?

Наш почтальон — человек пожилой, ему уже за шестьдесят. Вдруг мне пришло в голову, что в свое время, наверное, он же приносил повестку и моему отцу. Мне хотелось спросить об этом маму, но она так разрыдалась, что спрашивать ее сейчас не имело смысла.

Отец погиб в сорок четвертом году.

Я не помню его лица. Но стоит мне только закрыть глаза, как мне кажется, что я чувствую теплоту его рук. Вспоминаю нашу последнюю встречу. Он тогда был уже солдатом, и его отпустили домой на несколько часов, чтобы повидать родных перед отправкой на фронт. Он посадил меня к себе на колени, взял в руки мою голову и сказал, что у меня голубые глаза, и тут же начал рассказывать сказку о каком-то голубоглазом мальчике, но что именно, я уже не помню, зато я очень хорошо запомнил, какие теплые руки были у отца.

Я сказал об этом матери, зная, что это будет ей приятно. Она с улыбкой слушала меня, и, как мне показалось, воспоминание об отце как-то отвлекло ее. Она достала лист бумаги и стала искать карандаш, чтобы записать все, что надо будет собрать солдату в дорогу. Через несколько минут весь лист был исписан, а на ум ей приходили все новые и новые вещи. Тут были бритва, мыльница с мылом, зубная щетка, лезвия для бритья, расческа, зеркало, щетка для чистки обуви, бумага для писем, конверты с марками (не менее пятидесяти штук, чтобы я мог писать ей каждый день). Я пробовал возражать, но напрасно. Мама сказала, что она лучше меня знает, что в таких случаях может понадобиться. Она в свое время видела, как бабушка собирала в армию моего отца...

Узнав о том, что меня призывают в армию, Анна тоже немного всплакнула, но потом успокоилась и весь вечер вела себя так, как будто ничего не случилось. И хотя мне хотелось остаться с ней вдвоем и поговорить, она упорно тянула меня на танцы. А так как танцор из меня не ахти какой, то почти весь вечер ее приглашали танцевать другие парни. На одном из вечеров, организованном для строителей, дядюшка Карой, посмотрев, как я танцую, сказал, что когда я кладу стену на уровне третьего этажа, то двигаюсь гораздо живее, чем в танце.

Старик меня любит. Он взял меня к себе, когда я был еще совсем мальчишкой. Остальные члены бригады тогда даже ворчали на него.

— И из этого пацана ты надеешься сделать каменщика, дядюшка Карой? — спрашивали его.

— Поживем — увидим.

— Да он же совсем желторотый.

— Ничего. Я и сам таким же был. Худой, но крепкий. Вот увидите, года через два он вас всех за пояс заткнет. Правда, сынок?

Я люблю свою профессию, хотя сейчас она и не самая модная. Большинство моих друзей стали металлистами: кто токарем, кто фрезеровщиком, а кто механиком по сборке моторов. Они и меня соблазняли, но я не стал обижать старика и остался у него. Мне хотелось доказать, что он во мне не ошибся.

Мы хорошо понимали друг друга. Я и сейчас пишу ему письма раз в две недели. И заранее знаю, что он чи-

тает их вслух всей бригаде, а когда к нему заходит главный инженер, то показывает и ему.

Переписываюсь я и с Йоцо, как-никак мы не один год вместе ходили в школу. Ну и, само собой разумеется, пишу маме — каждую неделю длинное письмо на четырех листах, пишу крупными разборчивыми буквами, чтобы ей было нетрудно читать. Особенно подробным было первое письмо. Я описал ей всю свою теперешнюю жизнь... Время сейчас совсем другое, чем то, когда отца брали в армию...

Через день у нас несение караульной службы.

Человеку, который не испытал всего этого, приходится не сладко. Ну и что? Надо делать что положено, и все. После обеда сборы в караул: нужно уложить в вещмешок бритву, мыло и прочие необходимые вещи, сделать скатку, а там уж и пора строиться на развод.

В караульном помещении говорят мало: все уже давно знают друг друга, о многом переговорили раньше. Отпуск был давно, так что особых тем для разговора нет. Хорошо тем, кто попадет в одну смену с Хоманом: он мастер рассказывать интересные истории. Войдет в караульное помещение, поставит оружие в пирамиду и, бросившись на топчан, словно заправский вратарь на ворота, продолжает свой рассказ, который он недосказал два часа назад, когда уходил на пост.

Его рассказы охотно слушает даже сам начальник караула.

— Хоман, откуда у тебя берутся все эти россказни?

— А так, сами собой, товарищ младший сержант. Я вырос на воде, а не ковырялся в земле. Баржа — вот моя родина. С девяти лет я плавал на ней. Когда отец впервые взял меня с собой, я ревел: так мне не хотелось расставаться со своими товарищами. Мать вступилась за меня, но отец сказал: «Хватит, наигрался, пора его приучать к воде». Я ведь и море повидал.

— Море!..

А Хоман уже рассказывает о девушках, самых красивых на свете, и все они любили только его одного. Но Арпад Таши уже не слушает его. Он вспоминает здание, которое их бригада строила в прошлом году. Вот с высоты этого здания он и увидел впервые море. Было это рано утром. Арпад стоял на только что выложенной стене седь-

мого этажа, свежий ветер обдувал лицо. А когда он встал на край стены, то замер от изумления: пейзаж открывался такой, словно кругом было безбрежное море. К нему подошел бригадир, и они вместе любовались, как по долине плыл утренний туман.

Арпад вспомнил сейчас и о письме матери, которое он получил вчера. Она давно не писала ему и на сей раз прислала письмо на трех листах, исписанных крупными продолговатыми буквами. Когда Арпад читал это письмо, ему казалось, что мать здесь, рядом. Он слышал ее голос.

«Сынок, тебе нужно приехать домой. Побыть немного... Есть ли у тебя деньги? Если нет, напиши мне — пришлю, а пока посылаю тебе пятьдесят форинтов (лишь бы не пронюхали почтальоны)».

Арпаду хотелось, конечно, побывать дома, увидеть мать, Анну...

Этот Хоман умеет рассказывать. Младший сержант внимательно слушает его и даже трясет Таши за плечо: мол, послушай, о каких чудесах говорит Хоман, такого и от Мати Лудаша не услышишь.

«Хороший парень наш сержант,— думает Арпад.— Симпатичный. Эти маленькие усики придают его лицу задорное выражение. Посмотришь на него и невольно улыбнешься, зато уж если нахмурится, то и у тебя дух захватит. Прошлый раз он здорово рассердился, по всему его виду заметно было». Были они на стрельбище, отрабатывали упражнение «Стрельба по появляющейся цели». Первым отстрелялся Тратнер, которому сержант и поручил отмечать попадания. А он начал хитрить. Уж больно ему хотелось, чтобы его собственный результат был лучше всех...

Неудобные эти топчаны, но Арпад Таши не обращал внимания на боль в пояснице от долгого лежания на боку. Он слышал равномерное дыхание спящих товарищей, тихие смешки разговаривающих, и это наполняло его спокойствием.

Когда пришло время снова идти на пост, на улице уже смеркалось.

Арпад настолько хорошо знал путь на пост, что мог бы дойти до него с закрытыми глазами. Когда часовой окликнул его, Арпад невольно улыбнулся.

— Ну что ж, пост принял. Можешь идти спать.

Повесив автомат на грудь, Арпад прошел вдоль забора по хорошо утоптанной тропинке и невольно подумал о том, сколько же солдат стояло вот на этом самом посту за двадцать лет.

2

Последнее письмо от отца пришло из Галиции.

Когда я подрос и стал ходить в школу, мне в руки попала географическая карта, на которой я пытался найти это место, но Галицию, кажется, к тому времени переименовали, и я ее не нашел. Письмо было коротким. Отец писал, что он жив-здоров, что их все время перебрасывают с одного места на другое, поэтому посылок присылать не надо. А в конце письма вместо города, откуда он нам писал, стояло: «Галиция».

Мама по нескольку раз в день доставала это письмо и перечитывала его снова и снова, словно только что получила его. Читала строчки: «Я жив-здоров...» — и успокаивалась.

Потом, когда нам уже стало известно о том, что отца нет в живых, я подолгу рассматривал это письмо. Как мы обрадовались, когда получили его! А может быть, отец как раз и погиб в тот момент, когда мы чувствовали себя счастливыми.

Интересно, как это произошло? Может, отец тогда тоже стоял в карауле?

Когда я первый раз очутился на посту, меня охватило такое чувство, будто отовсюду за мной кто-то следит. Мне казалось, что глаза есть и у каждого дерева, и у каждого камня, и у каждого куста, а каждая ветка казалась мне заряженным стволом оружия, направленным прямо на меня.

И меня обуял страх.

Я знаю, отец, что тебе тоже знаком страх. А о чем ты думал в последний момент?

Я тогда смотрел на село, на мерцающие в долине огоньки, а когда раздавался какой-то шум, вздрагивал, руки мои дрожали. Я пытался думать о том, что делается за каждым окном, в котором горит свет. Воображения у меня хватало. Мне казалось, что я вижу, как жители села собираются спать, а один железнодорожник, напротив, собирается на работу, на ночное дежурство. Жена его и дети уже в постели, и, чтобы не разбудить их, он прощается

с женой только взглядом и выходит, ступая на цыпочки, чтобы половицы не скрипели.

Потом я представлял маму.

Она как раз что-то гладила. Днем все дела да дела, а до утюга и очередь не дошла. Твои рубашки, отец, стали теперь моими, и совсем не потому, что я не мог купить себе новых. Просто когда мама увидела меня в твоей рубашке, она словно помолодела, и с тех пор я стал их носить. Она их подсинит, подкрахмалит, и они прямо как новые.

Часов в одиннадцать вечера она покончила с глажкой, но, прежде чем лечь спать, достала и еще раз прочла мое письмо, которое я написал ей в начале недели. Потом она завела будильник, не старый дребезжащий, а новый, который мы купили, когда я стал работать.

Видел я и дядюшку Кароя. Правда, ты его, отец, не знаешь. Это мой мастер, каменщик, но он такой замечательный человек, что с ним советуются даже инженеры.

А минуты идут и идут. Поговорил я мысленно с этими людьми и почувствовал, что уже ничего не боюсь.

Когда ты стоял в карауле, отец, тебя мог выдать любой лишний звук, любой шаг, потому что ты был окружен врагами. А вокруг меня здесь только друзья. И все-таки служба есть служба.

На часах девять часов десять минут.

По долине, громко отдуваясь, промчался скорый поезд, направляющийся в Будапешт.

«Еще пять раз...» — решил Арпад. Он ходил от одного конца поста до другого. На это уходило ровно десять минут. И теперь, по его расчетам, ему нужно было пройти это расстояние пять раз до смены поста. Около дуба, к которому была подведена связь сигнализации, он на миг остановился. Если нажать пальцем на кнопку сигнализации, в караульном помещении сразу же будет объявлена тревога.

Младший сержант сейчас, видимо, читает. Вот бы удивился! Тратнер, заслышав звонок, ни секунды не колеблясь, крикнет: «Караул, тревога! В ружье!» — и станет деловито, словно полководец на поле боя, отдавать дальнейшие распоряжения. Ребята, конечно, будут недовольны, за исключением Даради, который всегда первым поднимается по тревоге.

Арпад улыбнулся своим мыслям и, подняв голову, прислушался. Ему показалось, что он слышит звуки шагов.

«Проверка постов!» — мелькнула мысль, и он тут же спрятался за дерево, решив пошутить с проверяющими. Однако, сколько он ни вертел головой и ни прислушивался, никто не шел. Кругом было тихо. «Мышь, наверное, пробежала или что-нибудь такое...»

Арпад снова превратился в слух. Он сразу же почувствовал усталость, патронная сумка с магазинами стала казаться чересчур тяжелой.

В этот миг он заметил в кустах крошечную вспышку света.

Арпад замер на месте, затаив дыхание, потом на цыпочках сделал несколько шагов. Под ногой хрустнула сухая ветка. Наклонившись, Арпад осторожно разгреб сухие опавшие листья и тут только заметил несколько светлячков. В памяти почему-то всплыл разговор с Анной.

— Я красивая? — спросила она.

— Очень.

— Ты рад этому?

— Да.

— Что с тобой?

— Я боюсь.

— Сейчас?

— Всегда боюсь.

— Но чего?

— Боюсь потерять тебя. Ты слишком красива для меня.

Впервые они встретились прошлой весной.

Была суббота. Арпад возвращался вечерним рабочим поездом домой после работы. В желудке было неприятное ощущение от выкуренных сигарет. От несвежего белья пахло потом, и больше всего ему хотелось поскорее доехать до дому и, сбросив с себя все пыльное, вымыться и лечь в постель.

Мать уже нагрела ему воды для умывания, приготовила ароматный гуляш и стояла с той самой улыбкой на лице, от которой Арпаду всегда почему-то становилось стыдно.

«Надо бы купить новую скатерть», — подумал он.

Мать очень любила сидеть в старом удобном кресле и,

не зажигая огня, разговаривать с ним в полутьме, и еще она любила вязать кружева.

Правда, сейчас она уже не вяжет, но все равно всегда вырезает из газет рисунки с кружевами. Осторожно складывает их и убирает. Иногда она даже начинает вязать тот или иной рисунок, но, связав несколько рядов, откладывает рукоделие, так как ей утром нужно рано вставать.

Арпаду было стыдно, если он приносил домой мало денег. Он ел гуляш, хвалил его и рассказывал матери про новости на работе. Заметив радостные огоньки в глазах матери, Арпад не ложился спать, а, пододвинув свой стул к креслу, где она сидела, рассказывал ей все, что приходило на ум.

— А ты знаешь, Габор женился. Тот, вместе с которым я учился...

Мать слушала его, слегка склонив голову набок. Иногда она кивала, а когда он умолкал, спрашивала:

— Ну, а ты, сынок, выбрал себе суженую?

— Успею еще! — Он энергично крутил головой, потом спрашивал: — А здесь у вас какие новости? Расскажи.

— Сегодня вечером будет бал. Ребята приходили, тебя приглашали.

— Хорошо.

— Пойдешь?

— Конечно.

Мать вставала и шла кипятить воду. Приносила новое лезвие и свежую сорочку. Начинала суетиться, подавая ему то одно, то другое. А когда он уже был одет, любовалась им со слезами на глазах.

Около полуночи он решился подойти к девушке. До этого он только с любопытством разглядывал девушку в белом платье, которую заметил сразу же, как только она вошла в зал. «Похожа на белый цветок», — отметил он про себя.

Девушку наперебой приглашали танцевать. Парни подвыпили, и Арпад заметил, что девушке это было неприятно. Наконец он тоже решился пригласить ее.

— Меня зовут Анной, — представилась девушка.

Арпад кивнул и сказал, словно они были давно знакомы:

— Пойдем.

После танцев он пошел ее провожать. Они вышли на улицу и направились к реке, держась за руки.

— Ты мне даже не сказал, как тебя зовут, — сказала она.

— Это неважно.

— Тогда как же я буду тебя называть?

— Как хочешь.

— Парисом, ладно?

— А кто это такой?

— Соблазнитель женщин, сын троянского царя. Из-за него и война началась.

— А ты умница. Но меня лучше называй Арпадом, Арпи... Так меня зовут...

Ты давно не писала мне, Анна. Последнее письмо от тебя было двадцать дней назад, да и то очень коротенькое. Я знаю, что ты очень занята: днем работаешь, а по вечерам учишься. Большое тебе спасибо за фотографию, которую ты мне прислала. Я часто мысленно разговариваю с ней. Мне нравится эта фотография. Она принимает меня таким, каков я есть: простым и сереньким. Ничего героического здесь не происходит, так что и героям неоткуда браться. Служба — это та же работа, которая требует терпения, воли. Я боюсь за тебя. Ты не такая, как все: тебе нравятся такие вещи, которые непонятны другим. Ты пишешь, что чувствуешь себя одинокой и часто скучаешь. Но можешь мне поверить, Анна, что одинокий человек — это не тот, возле которого в данный момент никого нет...

Внизу на дороге послышался скрип повозки.

«Это молочник дядюшка Пишта едет в село...»

До смены осталось десять минут.

Арпад уже слышит, как на первом посту часовой кричит: «Стой!»

Потом смена подходит ко второму посту.

Вот она, смена.

3

Деревушка расположилась у самой кромки леса. Когда-то в ней жили лесорубы и крестьяне. На склоне Голой горы и до сих пор стоит старая овчарня. Правда, она теперь пустует, а под прогнившей соломенной крышей нашли убежище вездесущие воробьи. Соборную площадь

окружают добротные дома с высоким фронтоном. Таких не увидишь в районе железнодорожной станции, где ютятся низенькие домики с подслеповатыми окнами. А на развилке дорог, где стоит облупленное распятие Христа, вырос совсем новый жилой район с красивыми кирпичными домами.

Краснеют на солнце крыши домов, крытые черепицей. Глядя на разрастающееся с каждым годом село, Адам Лукач как-то сказал:

— Этак мы доживем до того, что церковь окажется на самом краю села. Ждать осталось недолго.

Адам Лукач любит новые дома, и, когда односельчане назвали место, где они были построены, Новым районом, Адам от души радовался, как радуется отец успехам своего сына. И все потому, что первые дома строил он сам, своими руками.

С тех пор прошло уже шесть лет. Потом он вступил в кооператив. Когда он, получив свою трудовую книжку, зашел к ребятам прощаться, многие смеялись ему в глаза: «Тоже нашел себе дело — работать шофером в селе!»

Быть может, новые дома для того и строили, чтобы не правы оказались те, кто в свое время говорил: «Не успеет твоя машина прийти из капитального ремонта, как ты снова к нам вернешься...»

К тому же дом — это не только помещение, в котором люди укрываются от холода и ветра, но это прежде всего — корни жизни. У Адама были кое-какие сбережения, и многие ему советовали, чтобы он купил готовый дом, а он только головой качал.

И летом того же года построил себе дом возле ручья.

Золика родился уже в новом доме. Красивый, смышленый такой мальчишка.

Адам с любовью смотрит на сына, заговорщицки подмигивает жене. Вспомнил он об этом вовсе не потому, что чувствовал себя старым, — ему и сейчас шел только тридцать второй год, но детские годы, казалось, канули в далекое-далекое прошлое.

Отец посмотрел на сына, который что-то рисовал, погладил его по голове и спросил:

— Что ты рисуешь, Золика?

— Это? Я еще не знаю...

— Но вот ты нарисовал колесо? Может, это будет автомобиль?

— Да, автомобиль. И летать он тоже будет.

— Ага, понимаю. Но что за руль ты нарисовал? Такие только у пароходов.

— А это и пароход.

— Ты же сказал — автомобиль!

— Да, на земле — это автомобиль, а на воде — пароход...

— Понятно. — Адам кивнул и улыбнулся. Вот он и дожил до того, что его сын сам что-то объясняет ему.

Вечером, улегшись в кровать, Адам долго не мог уснуть. Распахнул настежь окно, чувствуя, как свежий ветерок ласкает лицо. Временами занавесь на окне, натянутая ветром, отодвигалась в сторону, и тогда в комнату падал желтый свет фонаря, висевшего перед домом.

— Ты помнишь дядюшку Полони? — спросил вдруг Адам у жены.

— Да, конечно, а что с ним?

— Не знаю.

— Тогда почему же спрашиваешь?

— Вспомнил одну старую историю. Давно это было, несколько месяцев спустя после нашей свадьбы. Я тебе об этом давно хотел рассказать, чтобы ты это от меня услышала, а не от кого-нибудь другого, да вот все как-то не получалось. Смелости не хватало. Как я тебе мог об этом рассказать, когда каждый раз, когда ты прощалась и уходила, я видел в твоих глазах беспокойство и испуг. Да ты тогда, наверно, и не поняла бы меня.

Сопливость как рукой сняло с женщины. Она с любопытством слушала мужа.

— Ты помнишь, как неожиданно началась в том году зима: выпало так много снегу, что его не успевали убирать с дорог, а потом пошли проливные дожди. Мы еще тогда радовались неожиданному потеплению.

— А потом пришли морозы,— сказала жена.

— Да. Дороги стали похожи на катки. Я помню, наш шеф даже запретил выезжать в дальние рейсы. Вся наша работа тогда заключалась в разбрасывании шлака на улицах и дорогах. Я решил проверить всю электропроводку в машине.

Однажды, когда мы собирались домой и я уже повязывал галстук, к нам вбежал начальник. Лица на нем не было. Он не говорил, а заикался. После каждого слова хватался за очки и смотрел на нас такими глазами, будто мы

должны были досказать за него то, что он никак не мог вымолвить.

— Там, в горах... мне только что звонили... Наш товарищ, Байко... «Скорая помощь» в лучшем случае доедет только до развилки... Каждая минута дорога, а до шахты оттуда еще тринадцать километров...

Старина Полони, который, нагнувшись, смазывал свои ботинки тавотом, выпрямился.

— Байко?!

Начальник молча кивнул.

— А что с ним?

— Что-то с желудком, прободение или что-то в этом роде...

Полони молча разглядывал свои ботинки, а затем решительным тоном сказал:

— Понимаю.

— Скорая помощь — не вездеход...

— Понимаю.

Начальник еще что-то продолжал говорить, но старик посмотрел прямо на меня, хотя в раздевалке было шесть человек.

— Ну, кто поедет со мной? — спросил он.

— Я поеду, — ответил я.

Мне было хорошо известно, что начиная от развилки вверх действительно нет дороги. Летом там вырубили просеку, и к шахте проехала первая машина. А поселок построили уже осенью. Тогда же построили сарай, в который мы на ночь загоняли машины. Тут же находилось и жилище Байко с семьей.

Дорога была узкой и сильно петляла. Ехать по этому серпантину даже летом было небезопасно.

Мысленно я представил себе Байко: худой, с впалой грудью, с подстриженными усиками. Байко постоянно сквернословил. Мы его все недолюбливали.

И вот теперь за ним нужно было ехать. А дядюшке Полони захотелось, чтобы с ним поехал я.

Когда я согласился, старик Полони и начальник с облегчением вздохнули.

— На какой машине поедем?

— На «летучке».

— Хорошо.

Все наши ребята провожали нас до ворот, махали руками.

Машину вел я.

Пока ехали по городу, дорога была вполне сносной, но я все равно ехал осторожно, так как было уже совсем темно.

Когда мы выехали на базарную площадь, старина Полони сказал мне:

— Побыстрее, сынок.

Я даже не взглянул на него, так как все мое внимание было приковано к дороге.

Когда мы стали подниматься в гору, темнота сгустилась, хоть глаз коли. Задние колеса начали ходить из стороны в сторону, но я не сбавлял скорости. Полони молчал. Пока доехали до развилки, я весь взмок от пота. Я решил было снизить скорость, но старик, ни к кому не обращаясь, произнес:

— Прободение желудка.

Мотор надрывно завывал, фары выхватывали из темноты деревья, похожие на мраморные колонны. Медленно, но упорно мы поднимались все выше и выше.

Я уже думал, что машина пойдет хорошо, как вдруг баранку чуть не вырвало у меня из рук: машину бросило сначала вправо, потом влево, а совсем рядом — зияющая пропасть.

Я и до сих пор не знаю, как это могло случиться. Я машинально схватился за тормоз. Машина остановилась. Старик как ни в чем не бывало сосал свою сигарету, но только тут я заметил, что она у него не горит. Несколько секунд мы оба молчали, потом он сказал:

— Ну, нужно посмотреть, что тут у нас. — Он вылез из машины, я — за ним.

Машина прижалась к дубу, задние колеса повисли над пропастью.

— Внизу обрыв метров в двадцать, — проговорил я с дрожью в голосе.

Старик как-то по-особому взглянул на меня и, махнув рукой, сказал:

— Пошли.

Старик сел за баранку, а я подкладывал под колеса ветки. Он так умело маневрировал, что довольно быстро выехал на дорогу и, проехав некоторое расстояние, остановился. Я догнал его и хотел сесть справа, но он кивнул, указывая влево, и сказал:

— Туда.

Несколько сот метров я не ехал, а мучился: меня охватил страх, руки дрожали, я даже перестал верить своим глазам. Только что совершенная ошибка лишила меня всякой уверенности. Но напрасно я бросал на старика взгляды, полные мольбы, — он смотрел на дорогу, а на меня взглянул только тогда, когда мы были уже у цели.

Открыв дверцу машины, он соскочил на землю и, выплюнув сигарету, обнял меня за плечи.

— Ну вот мы и приехали, сынок!..

— А как же вниз? — испуганно поинтересовалась жена Адама.

Но Адам, казалось, даже не расслышал ее вопроса: мысленно он был где-то далеко, рядом со старым Полони.

— Что ты спросила?

— А как же обратный путь?

— Нормально. Обратно машину вел сам старик.

— А больной?

— Живет и по сей день. Только товарищи говорят, что после операции он перестал ругаться...

Адам чувствует, как жена ближе придвигается к нему, обдает его теплым дыханием, обнимает за плечи.

— Ну, давай спать, — говорит он и закрывает глаза.

4

Капитан Коложне любил смотреться в зеркало. Даже когда брился, он смотрел в зеркало только тогда, когда доходил до подбородка. Если же он, идя по улице, замечал в витрине свое изображение, то смотрел только на то, как сидит на нем форма. Фотографироваться он тоже не любил. Солдаты ухитрились-таки его сфотографировать и подарили ему снимок ко дню рождения.

Когда он впервые увидел этот портрет у себя на письменном столе, он прямо-таки обмер. Потом прочел надпись к портрету, долго смотрел на фотографию и на надпись. Ему хотелось показать фото капитану Болгару, но он почему-то не решился.

Часы показывали половину четвертого, взвод уже ушел в караул. Капитан заглянул в казарму, но не вошел: не хотелось бродить по пустой и тихой комнате. До обеда капитан был на занятиях по командирской подготовке и потому не смог проверить готовность к наряду. И теперь это несколько беспокоило его.

Он вошел в канцелярию, и ему сразу бросилось в глаза множество плакатов. Он не знал, куда себя деть, чем заняться, а заняться чем-то надо было. Он присел на край стола у окна. Во дворе казармы было тихо. Смеркалось.

Он повертел в руке небольшую, величиной с визитную карточку, открытку с поздравлением по случаю дня рождения. Улыбнулся, поняв, что писал ее Баги, у которого такой красивый почерк.

«Интересно, откуда они узнали, что у меня день рождения? Я никому об этом не говорил». Капитан несколько раз перечитал слова поздравления, потом опять стал рассматривать фотографию. Он заметил под глазами паутину морщин.

«Вот я и состарился. Сорок лет — не шутка».

В памяти всплыли события прошлого. Шахта. Огоньки шахтерских лампочек, движущиеся по склону горы. Башня подъемника у ствола шахты и неустанное тарахтение дизеля.

В семье у них было четверо детей. И на всех была одна шапка. Поэтому тот, кто раньше просыпался и первым вставал, хватал прежде всего шапку. Зима была холодной, ветреной. Полушубки у всех были хорошие, теплые, а вот шапка одна. Каждый раз она доставалась тому, кто не поленился в этот день раньше встать, а трое остальных должны были идти в женских платках. Эти трое бежали в школу наперегонки, идти медленно в платке было стыдно.

Началась война.

Бедный Пали Багоши... Ведь они были с ним друзьями. Пали шел тогда впереди, а он на несколько шагов за ним. И вдруг раздался выстрел. Пали повалился на землю.

Они прятались на винограднике в подвале, где давят виноград. Набралось их там много. Старший лейтенант Каршаи послал их, как старших, в дозор. Они брели по дороге, разговаривали о том о сем, смотрели на огоньки приютившейся в долине деревушки. В голову невольно приходили вопросы: «Зачем? Кому нужна эта проклятая война, этот страх и эта деревянная винтовка?» За неимением настоящих призывникам давали деревянные. Но они вспомнили старшего лейтенанта Каршаи с пистолетом на ремне и поплелись дальше. Посмотрели на деревушку. И вдруг этот выстрел.

Как жаль, что не осталось фотографии Пали! Если закрыть глаза, можно вспомнить, каким он был, но многие мелочи уже размыло время. Пали погиб двадцать лет назад.

Иногда вечером, когда капитан особенно остро чувствовал одиночество, ему казалось, что он слышит звук этого проклятого выстрела, и тогда ему хотелось кричать, чтобы его услышали все люди, кричать о том, что нет на свете ничего страшнее, чем бессмысленная смерть.

Капитан еще раз взглянул на свое фото и почувствовал, как внутри у него разливается какое-то странное тепло. Вспомнил, что сегодня у него день рождения. Посмотрев на часы, быстро спрятал фотографию в портфель, закрыл ящики стола и вышел из канцелярии во двор. Было уже темно.

«Жена, наверное, уже беспокоится», — подумал он и ускорил шаги. Подойдя к помещению, где сидел дежурный, он остановился и, заглянув в окошко, помахал ему рукой.

Он шел, напевая вполголоса какую-то песенку, а когда подошел к воротам, часовой щелкнул каблуками. «Хороший солдат получился из этого Шомфаи», — подумал капитан, глядя на часового. Ему было жаль, что всех своих чувств и переживаний, касающихся службы, он не мог рассказать жене...

5

Около полуночи пошел дождь. Тучи на небе появились еще с вечера, но сильный ветер разогнал их. И хотя ураганные порывы ветра гнули деревья и даже ломали ветки, приближающаяся буря страха не вызывала: казалось, все это происходит на бутафорской сцене.

Сначала на землю упали первые редкие капли, затем сильно загремело, после чего дождь пошел как из ведра. Вмиг на земле образовались лужи, а дождь все хлестал и хлестал.

Начальник караула выругался и, обращаясь к Игноцу Хоману, сказал:

— Ну и погодка...

— А что в ней плохого?

— Ничего плохого в ней нет, если закрыть окна, чтобы не слышать дождя, и лечь под одеяло. В такую погоду хорошо спится.

Закрыв окно, младший сержант бросился на топчан и, закрыв глаза, подумал о том, как хорошо, когда человек может поспать, если ему хочется спать, да еще увидеть приятный сон. В детстве он ухитрялся видеть сны с продолжением. Теперь такого не было.

«А ведь ребята на постах, — думал младший сержант, — наверняка промокнут». Посмотрев на часы, он решил будить смену, хотя оставалось еще минут десять...

Внимательно осмотрев смену, младший сержант вдруг обнаружил, что Тратнер забыл взять противогаз.

«Ну и хитрец этот Тратнер», — подумал начальник караула и сделал солдату замечание.

Как только открыли дверь, в караульное помещение ворвалась волна холодного влажного воздуха.

Сев к столу, младший сержант достал наполовину исписанный лист бумаги, который лежал между газетами. И прежде чем продолжать писать, прочел написанное. Писать письма он не очень любил, однако в две недели раз регулярно сообщал о себе домой. Сейчас же письмо как-то не получалось, хотя он три раза принимался за одно и то же предложение.

Младший сержант встал, открыл окно. В комнату ворвалась струя свежего воздуха. Сна как не бывало. И тут начальника караула охватило какое-то беспокойство.

«Нужно будет пойти проверить посты», — подумал он и, подойдя к пирамиде с оружием, взял свой автомат. Вдруг ему пришло в голову, что солдаты из готовящейся заступать на посты смены могут подумать, что он решил проверить их. Сержант задумался, холодок от ствола автомата медленно пополз по руке. Он позвал разводящего Арпада Таши. Тот повесил на плечо автомат дулом вниз и накинул на плечи плащ-палатку.

Оба вышли из караульного помещения под дождь. Арпаду хотелось, чтобы карнач что-нибудь сказал, но тот шел молча. Они приблизились к часовому. Раздался окрик: «Стой! Кто идет?!»

Довольно скоро они обошли все посты. На обратном пути в караульное помещение Арпад думал о том, как хорошо было бы встретиться с младшим сержантом после демобилизации, посидеть где-нибудь в корчме, спросить его, что он в свое время думал о них, солдатах, о взводе.

Когда они после проверки постов вернулись в караульное помещение, весь состав караула, включая и отдыхаю-

щую смену, которой разрешалось спать, были на ногах. Арпад чувствовал, что все уставились на начальника караула, словно хотели спросить его: «Ну что? Правда, все в порядке?»

Начальник караула резким движением сбросил с плеч плащ-палатку, носовым платком вытер лицо и с улыбкой сказал:

— Хоман так громко нас окрикнул, что я чуть было язык не прикусил.

Ребята рассмеялись, а затем те, кому разрешалось спать, отвернулись к стене, другие же тихо разговаривали.

Бела Шомфаи энергично закрутил головой и, призвав всех к тишине, сказал:

— Слушайте...

— Только о Шари не рассказывай!..

— Шомфаи, а ты уверен, что не рассказывал нам об этом раньше?..

Бела придал своему лицу обиженное выражение, хотя все прекрасно знали, что он вовсе не собирается сердиться.

— Я же вам говорю, послушайте. Случилось это давным-давно...

— Смотри-ка, а он уже стариком себя считает!

— Словом, случилось это вскоре после того, как мы сюда приехали. Было это на рассвете. Пока оделись, стало светло. Я же решил еще поспать, даже одеяло натянул себе на голову. Вдруг чувствую — кто-то дергает меня за ногу. Я, не высовывая головы из-под одеяла, говорю: «Нельзя ли поспокойнее?» И слышу в ответ, что здесь, мол, не девичий пансион, а воинская часть. Тут я потянулся. Я всегда потягиваюсь, перед тем как встать. После физзарядки мне снова захотелось лечь на койку, но дежурный по казарме крикнул, чтобы мы выходили на построение. Ну, собрали нас, новичков, с горем пополам. Я встал в конце строя и решил, что обязательно напишу домой обо всех страстях, которые мне здесь пришлось пережить за несколько часов. Вдруг слышу, как дежурный просит двух человек выйти из строя.

Я, недолго раздумывая, вышел из строя, так как вспомнил совет дядюшки Жиги, который говорил мне перед отправкой в армию: «Если куда-нибудь потребуются добровольцы, ты сразу же соглашайся, так как тот, кто

отлынивает, все равно попадет...» Вызвался я и еще один парень. Дежурный оглядел нас, и я заметил, как он хитро, еле заметно улыбнулся.

«Ну, — подумал я в тот момент, — сейчас он заметит лодыря и заставит его работать».

— Наведите порядок в этом коридоре! Тряпки возьмите в умывальнике. Приступайте! Остальные — разойдись! — скомандовал дежурный.

Меня словно лошадь копытом по голове стукнула. Я посмотрел в глубь коридора, а он был длинный-предлинный. «Ну ладно, докажем дежурному, что справимся с этой работой за несколько минут», — подумал я.

Работали мы как заведенные. Вымыли больше половины коридора, как вдруг чувствую, как кто-то трогает меня за плечо. Я оглядываюсь и вижу: офицер. Капитан! А он все держит меня за плечо.

«Ну, думаю, не упускай, Бела, своего счастья!»

Я улыбнулся капитану, а он спросил:

— Вы моете весь коридор?

— Так точно! Нам на это дело дали пять минут, а мы даже раньше управимся.

— Молодцы! А теперь пойдемте со мной!

Капитан показал нам стену в начале коридора:

— Видите стену? Она белая, не так ли?

— Так точно!

— А вот здесь какая? — спросил офицер, нагибаясь к полу.

— Серая.

— А почему? — В его голосе послышались строгие нотки.

— Причины разные...

— Причина одна: такие, как вы, не соблюдают чистоту... А ведь эту стену только-только побелили. Приведите ее в порядок, а потом доложите о выполнении приказа!

Капитан ушел.

— Так что же нам делать? — спросил меня парень.

— Сам не знаю, — ответил я. — Ух, показал бы я сейчас дядюшке Жиге!

Солдаты, слушавшие эту историю, весело рассмеялись.

— Ну, так что же было потом? Все убрали?

— Пока мы стояли, не зная, что же нам, собственно, делать, появился ефрейтор. Когда мы рассказали ему о своем горе, он сунул нам в руки по куску мела и сказал:

— Этим мелом замажьте грязные пятна на стенах, только как следует! Сделаете — доложите мне... Вот какая история.

Все засмеялись. У Шомфаи такие рассказы всегда получались очень смешные. Незаметно подошло время вести смену на посты.

Начальник караула снова сел дописывать письмо, красиво выводя буквы, а потом рассматривал их со стороны.

Дежурный по гарнизону перед рассветом проверил караул, но там все было в порядке.

Ливень все не прекращался. Из-за дождя рассвет был поздним, все небо было затянуто свинцовыми тучами.

6

Иногда сутки в карауле тянутся удивительно долго. Но когда пройдет три часа, уже не чувствуешь усталости и глаза не наливаются свинцом.

До самого обеда без передышки лил дождь. На дворе многочисленные лужи.

Здание казармы похоже на загадочный объект. Деревни не видно, не слышно колокольного звона.

После того как караул сменили, младший сержант почувствовал облегчение.

В казарме взвод собрался в полном составе. Такое за последнее время случалось не так уж часто, так как, с тех пор как батальон переместился на новое место, их взвод по отделениям выполнял самые различные задания.

Младший сержант пошел умываться и чистить обувь. Приведя себя в полный порядок, он постучал в дверь канцелярии к капитану Коложу. Получив разрешение, он вошел и отдал честь.

Капитан встал из-за стола и, протянув сержанту руку, спросил:

— Ну, что нового, товарищ Халаши?

— Докладываю — караул сдал, все в порядке.

— Новости есть?

— Никаких.

— Устали?

— Пожалуй.

Капитан посмотрел на уставшее, осунувшееся лицо младшего сержанта и предложил:

— Садитесь.

Младший сержант отодвинул от стены стул и сел. Положив фуражку себе на колени, он уставился прямо перед собой.

— Ребята меня очень удивили и обрадовали. — Капитан пододвинул себе стул и сел. — Скажите, кто вам сказал, что у меня день рождения?

— Это наша тайна, товарищ капитан...

— Спасибо...

— Мы хотели еще...

— Понимаю, но так лучше...

— Мы сами и рамку сделали...

— Красивая рамка.

— Хорбаи вышил для вас скатерку. Красивая получилась. Хотел ее вам подарить, да его отговорил ефрейтор Майор. Сказал, ты, мол, ее лучше своей девушке подари, той она больше по душе придется...

Сидели они друг против друга. Капитан хотел объяснить, какие задания ждут взвод на следующей неделе помимо несения караульной службы, но, вспомнив о том, что сегодня воскресенье, решил сейчас об этом не говорить.

Капитан, собственно, вовсе не за этим пришел сегодня в казарму: просто ему захотелось увидеть своих солдат. Достав из кармана блокнот, капитан полистал его и сказал:

— Завтра я сам заступаю на дежурство.

— Разводящим идет Куруц.

— А начальником караула? — спросил капитан.

— Опять я.

— А не стоит ли вам отдохнуть немного? Ведь у вас три сержанта...

— Какой отдых без взвода. Я не люблю оставаться один в казарме...

Капитан понимающе улыбнулся.

— Хорошо, мы с вами еще поговорим, а сейчас пойдемте посмотрим, что делается вокруг.

Младший сержант встал, поставил стул на место. Так и не надев фуражки, он вышел из канцелярии.

В казарме уже не было прежнего порядка: одни чистили оружие, другие, кто уже успел поставить его в пирамиду, отдыхали на койках.

Капитан молча прошелся мимо выстроившихся рядом коек. Присел на табуретку. Его тут же окружили солдаты.

— Завтра вместе заступим в наряд... — проговорил он и замолчал, хотя его так и подмывало сделать замечание относительно царившего в помещении беспорядка. Он встал и, сделав несколько шагов, добавил: — Завтра вместе заступаем в наряд, а сейчас быстро приведите помещение в порядок и отдыхайте. Как-никак сегодня воскресенье.— И, делая большие шаги, он направился к выходу.

Дневальный прокричал команду «Взвод, смирно!».

— Вольно! — приказал капитан и стал спускаться по лестнице.

Солдаты же все не расходились.

— Правда, он обрадовался нашему подарку? — спросил Шомош, обращаясь к младшему сержанту.

— Да.

— Он сам сказал?

— Да, сказал.

Тратнер подошел к сержанту и спросил:

— Товарищ младший сержант, как вы думаете, он рассердился за то, что у нас тут беспорядок?

— Наверное, да.

Все молчали. Младший сержант, взяв свой автомат, пошел к столу для чистки оружия.

Через полчаса все оружие должно быть в пирамиде! А через час — отбой!

Солдаты молча чистили оружие, потом приводили себя в порядок.

И вдруг в помещение вбежал дежурный по роте и громко крикнул:

— Взвод! Тревога!

На какой-то миг все остолбенели, с удивлением уставившись на дежурного, который еще раз громко выкрикнул:

— Тревога!

— Кто приказал? — спросил у дежурного младший сержант.

— Только что звонил дежурный офицер.

В этот момент в казарму вошел дневальный и крикнул:

— Строиться в плащ-палатках! Всем взять малый шанцевый инструмент!

Все в казарме забурлило. Солдаты, которые еще не успели раздеться, захватив плащ-палатки и лопатки, побежали в коридор, где обычно проходили все построения.

— Командирам отделений получить на складе большие лопаты! — приказал младший сержант.

На дворе все еще шел дождь, хотя и не лил, как прежде, но все еще был сильным. Все мокрое. Кругом лужи. К зданию подъехали два грузовика, крытые брезентом. Через минуту появился дежурный по части.

— Товарищ младший сержант, сажайте людей на машины и выезжайте в село! Там наводнение. Вода заливает дома! Оставьте одного человека получить на складе канаты. Капитана Коложа я уже известил. Он будет ждать вас на дороге! И побыстрее: вас в селе очень ждут!

— Слушаюсь! Хоман, на склад за канатами!

— Сколько человек в строю? — спросил дежурный.

— Двадцать четыре!

— По машинам и в путь!

Через минуту грузовик уже мчался по улице, разбрызгивая грязь и воду.

7

Капитан Колож уже ждал их, стоя под дождем на дороге.

— Инструмент взяли? — крикнул он.

— Так точно!

— В селе наводнение... — Он полез в кабину и, усевшись рядом с водителем, приказал: — Поехали!

В село вела дорога, выложенная булыжником. Когда выехали из зарослей акации, стали видны крайние домики. Машина ехала уже по воде, которая доходила порой до радиатора. Пришлось сбавить скорость, чтобы волна, образовавшаяся перед машиной, не залила свечи.

Водитель чертыхнулся, бросив:

— Где-то здесь должен быть мост.

Капитан зна́ком приказал остановить машину. Открыв дверцу, он крикнул, обращаясь к солдатам в кузове:

— Посмотрите-ка, не видно моста?

Сидевшие у заднего борта солдаты встали, чтобы лучше видеть местность.

Вся долина была залита водой. Никакого моста не было видно.

Водитель отворил дверцу машины со своей стороны и, обращаясь к капитану, спросил:

— Попробуем проехать?

— Безнадежное дело. Если моста отсюда не видно, то его и ближе не увидишь. Мост деревянный, наверняка вода снесла его.

— Что же делать?

— Попытаться развернуться и выехать на холм по полевой дороге.

Шофер захлопнул дверцу и дал задний ход.

К счастью, полевая дорога оказалась песчаной.

— Если заедем на холм, тогда попадем в село, переехав через каменный мост, — проговорил капитан.

Шофер сначала молча кивнул, а затем заметил:

— Ребята в кузове присмирели.

— Устали они после караула.

— Я один тридцать часов без отдыха просидел за баранкой, — тихо, словно ни к кому не обращаясь, сказал шофер, потом добавил: — Товарищ капитан...

— Да?

— Вам уже приходилось попадать в сложную обстановку, когда вы не знали своей конечной цели, а опасность была такова, что и смертью попахивало?

— Чего это тебе в голову взбрело?

— Да так просто.

— Приходилось.

— Расскажите.

— Таких случаев много было.

— Я об этом тоже не раз думал, особенно на учениях.

— Ну и как?

— Один раз мы ехали в колонне вечером. Чтобы не демаскировать себя, включили подфарники. И вот тогда-то мне подумалось, что мы не настоящие солдаты.

— Как так?

— А вот так. Боимся мы все.

— Чего боитесь?

— Смерти. Вот взять хотя бы меня. Я ни разу в жизни не видел мертвого.

— На войне все станет другим, и ты тоже другим...

— Я в это не верю. Я только то знаю, что все мы трусы. Среди нас героев нет. Разве что кое-кто только разыгрывает из себя героя, но и такие тоже боятся...

Капитан впился взглядом в ветровое стекло. Иногда он делал шоферу знак ехать медленнее, иногда поторапливал. Временами он посматривал на часы.

— Что будем делать, товарищ капитан? — спросил офицера шофер.

— Все, что сможем. Председатель сельсовета звонил, просил вывезти из села женщин и детей.

Теперь село было видно как на ладони. К югу от церкви все улицы были затоплены водой.

Открыв дверцу, капитан крикнул солдатам:

— Видите, что творится?

— Да, — нестройно ответили солдаты.

Шоссе, подобно плотине, делило село на две части, которые были залиты водой. По шоссе еще можно было спокойно ездить. Небольшая речка превратилась теперь в мощный поток, который грозно ворчал под каменным мостом.

С этой стороны села было тихо. По улице потоки воды несли глину и камни. Машина шла с трудом. Временами она буксовала в грязи, и колеса беспомощно крутились на одном месте. Перед зданием сельсовета стоял какой-то мужчина и делал нам знаки остановиться.

Шоферу уже надоело слушать надрывные завывания мотора и скупые фразы сидевшего рядом с ним капитана.

Он смотрел на побеленные известкой домики, и вдруг в голову пришла мысль, что сейчас они выглядят совсем по-иному, чем в дни увольнения.

Сейчас они казались какими-то испуганными, тесно жались друг к другу, словно ожидали, что кто-то подойдет к ним и приободрит. Вспомнил он и о том, что в детстве ему казалось, что у каждого дома, как и у человека, свое, отличное от других лицо. По соседству с их домом жил один старый шваб. Все его боялись. Если случалось, что во двор к нему случайно залетал мячик, он со злостью разрубал его топором. Лицо у шваба было лоснящееся, красное; точно так же выглядел и его дом — злым и красным. Но не только дом шваба был похож на своего владельца. Другие дома тоже были чем-то похожи на своих хозяев. У тихого и доброго хозяина таким же тихим и добрым казался дом. А, например, дом господина Гриши, как и его хозяин, был холодным и заносчивым.

Шофер отогнал от себя навязчивые мысли. Вокруг машины собрались женщины и дети.

Говорил крестьянин в высоких болотных сапогах:

— Здесь, товарищ капитан, уже никакой опасности нет. Мы все сделали уже, что нужно. Слабенькие дома

подперли стойками, мебель вынесли. А вот в Новом поселке — там беда...

Капитана за руку схватила какая-то крестьянка.

— А у вас есть лодки? — испуганным голосом спросила она.

— Нет.

— О боже!

— А что случилось в Новом поселке? — спросил капитан.

— Железнодорожное полотно не дало воде растечься, и там образовалось целое море.

— ...Адам Лукач с женой и ребенок... — бормотала женщина.

— Что с ними? — спросил капитан.

— Они там остались. Вода так неожиданно разлилась...

Крестьянин в болотных сапогах с готовностью показывал дорогу:

— Вот сюда! Это самый ближний путь, но без лодок туда не доберешься.

Новый поселок начинался сразу же за развилкой, у которой стояло изваяние Христа. Несколько лет назад здесь была околица села. Теперь же дома карабкались по склону Голой горы.

И хотя капитан неплохо знал это село, он сейчас стоял в растерянности, словно впервые видел эту местность: от подножия холма и до самой железнодорожной насыпи разлилось целое море.

— Море, настоящее море, — бормотал крестьянин в болотных сапогах, топчась на одном месте.

Женщины и дети окружили солдат.

Вода все прибывала. Нужно было немедленно вывозить жителей из затопленных домов, но своих мужчин в селе было мало; требовалась помощь извне. В первую очередь надлежало эвакуировать женщин и детей...

Капитан повернулся в сторону, откуда шла большая вода. Посмотрел на лицо женщины. Она уже несколько оправилась от первого испуга. Это была красивая женщина.

Капитан поднял руку и сказал, обращаясь к солдатам:

— Требуется четверо добровольцев.

Стало совсем тихо. Все солдаты смотрели на воду, а женщины и дети не спускали взгляда с солдат.

— Ждать, когда подойдут лодки, мы не можем. Дорога́ каждая минута. Нужно плыть.

Никто не шелохнулся.

Младший сержант оглядел напряженные лица солдат. «Глубина метра два», — подумал он, отводя взгляд в сторону.

Капитан только сейчас заметил, какая мертвая тишина царит вокруг. «Боятся, видимо. А может, ждут моего распоряжения?»

— Ну? — Капитан повернулся лицом к солдатам.

На какое-то мгновение офицер почувствовал себя одиноким. В голову невольно пришла мысль о шофере, с которым он только что ехал. Неужели трусят? Неужели все, что он делал до этого, воспитывая и обучая солдат, — напрасный труд?

— Товарищ младший сержант, — тихо позвал капитан.

Сержант вздрогнул. По его лицу разлился румянец.

— Я бы хоть сейчас, товарищ капитан. Но я не умею плавать...

Не умеет плавать... Капитан понимающе кивнул. Глазами офицер искал среди солдат Хомана. Уж этот-то в воде чувствует себя как рыба.

— Хоман, где вы?

Оказалось, что он остался за канатами и еще не прибыл...

Крестьянин в болотных сапогах крякнул и, ни к кому не обращаясь, проговорил:

— Вода поднимается. То по щиколотку была, теперь уже по пояс... — и неожиданно замолчал, хотя чувствовалось, что он еще что-то хотел сказать.

Из строя вышел один солдат:

— Я пойду!

Капитан смерил взглядом солдата. «Таши! Почему именно он?» И спросил:

— Плавать умеете?

— Так точно.

— Хорошо, пойдете!

И в тот же момент из строя вышло полвзвода.

Капитан уже не видел лиц солдат, все они сейчас казались ему чем-то похожими на лицо Таши, а в ушах раздавалось один за другим: «Я пойду!..»

— Мне нужны только трое, — сказал капитан и рукой показал на троих солдат: — Раздевайтесь!

И сам офицер начал раздеваться: снял шинель, ремень с портупеей, повесил то и другое на ветку дерева. От плохого настроения у него не осталось и следа. Жалел он только о том, что шофер машины не видел всего этого.

— Быстро раздевайтесь! — повторил он еще раз.

Прошло не больше минуты. «Это был и для меня, и для них экзамен». Офицер от души был рад, что его подчиненные с честью выдержали этот экзамен.

С каждой минутой вокруг солдат собиралось все больше и больше жителей.

— Не бойтесь, солдаты уже идут! — крикнул какой-то паренек, показав в сторону затопленных домов.

Капитан огляделся. Отыскав глазами Арпада Таши, сказал:

— Ну, пошли?

— Да, вот только часы сниму.

Расстегнув ремешок, Арпад снял с руки часы, подумал: «Сегодня воскресенье. Дома меня небось ждут». И пошел в воду.

8

Мать Арпада посмотрела на часы. Половина пятого, а сына все нет. Весь день она с нетерпением ждала его, а теперь вдруг почувствовала, что ждет напрасно. Не придет сегодня Арпи, не придет.

Сев к столу, она взяла в руку ложку и рассеянно начала вертеть ее. В душе росло беспокойство. Мать пыталась убедить себя в том, что сегодня точно такой же день, как и все остальные, и не могла. Такой же, разве только дождь льет как из ведра, и все. Сегодня воскресенье, а в воскресенье всегда бывает тише и спокойнее, чем в другие дни недели.

Она уже трижды подогревала суп для сына. С самого утра готовила, варила, пекла для него, старалась все время что-то делать, чтобы скорее прошло время. То и дело она поглядывала на окно и с неудовольствием думала: «Проклятый дождь, все льет и льет, хоть бы перестал немного!»

В начале первого она управилась с готовкой и поставила кастрюли на небольшой огонь, чтобы обед не остыл.

Дождь тем временем несколько поутих. Вдова вышла во двор на свежий воздух. Настроение у нее было хоро-

шее. Она еще не потеряла надежды на приезд сына, который прошлый раз тоже заявился домой не раньше половины четвертого.

В саду она встретилась с соседкой, поздоровалась. Та, ответив на приветствие, сказала:

— Не дождь, а божье наказание...

Вдова Таши не поняла слов соседки и спросила:

— А что такое?

— И вы еще спрашиваете? Вы что, не видели, как дождь лил?

— Видела... — ответила вдова Таши и тут же, словно в свое оправдание, добавила: — Жду сына на побывку, все утро хлопочу на кухне.

Соседка улыбнулась и, вытерев передником руки, подошла к разделявшей их участки изгороди и спросила с участием:

— Написал, что приедет?

— Нет, писать не писал, — ответила Таши.

— Мой сынок тоже писать не любит, а возьмет да и заявится нежданно-негаданно: когда — на рассвете, когда — ночью.

Таши понимающе кивнула и заметила, что у солдат всегда так, ведь служба есть служба. Когда ее муж служил в армии, и тогда было то же.

Соседка кивала ей в знак согласия, а заметив тревогу в глазах Таши, опять принялась ругать этот бесконечный ливень:

— Вот и опять припустил! — и направилась к своему дому, заметив на ходу: — Настоящий потоп! Весь сад залило водой!

Таши решила сходить посмотреть, что делается в саду. Сад находился на пологом склоне невысокого холма. Участок был небольшой, да и место было не ахти какое. Однако Таши любила свой сад, особенно небольшие островки сирени.

Соседки подсмеивались над ее любовью к цветам. Она действительно так любила их, что порой даже разговаривала с ними, словно они были живыми существами.

Сейчас сад выглядел жалким: мощные потоки воды прорыли в земле глубокие борозды, смыв начисто все цветочные клумбы и кусты роз, оставив, словно в насмешку, на их месте безобразные вымоины.

Женщина несколько минут глядела на изуродованную стихией землю, на вывороченные кусты, не замечая даже того, что платье на ней все промокло. «Вот уж действительно наказание», — подумала она.

Подобрав с земли несколько цветков, которые еще не потеряли своей красоты и прелести, она, спотыкаясь и скользя по мокрой земле, пошла в дом. Вошла в кухню, посмотрела на кастрюлю, затем взглянула на часы. «Четвертый час пошел. Уж если заявится, то вот-вот, с минуты на минуту».

Подойдя к посудному шкафчику, она достала из него две самые красивые тарелки, которые получила в подарок, когда выходила замуж. Вынув белоснежную скатерть, она застлала ею стол. Затем принесла из кладовки хлеб, отрезала от него несколько кусков, но потом, словно передумав, принесла новую, более свежую буханку. Дважды перетерла ножи и вилки, попробовала еду: не остыла ли?

Когда все приготовления были закончены, Таши вдруг почувствовала, как сердце у нее в груди больно сжалось. Она знала, что через несколько минут приходит последний поезд, на котором может приехать ее сын. До сих пор надежда не покидала ее, а сейчас ей почему-то стало страшно. «Неужели не приедет?..»

Она подошла к окну, но, не увидев на дороге ни души, стала утешать себя мыслью о том, что поезд, возможно, несколько запоздал сегодня. Вспомнив о цветах, которые принесла из сада, она поставила их в вазу на середину стола.

Села на стул и, сложив руки на коленях, уставилась взглядом прямо перед собой, стараясь не смотреть на окно.

В таком положении она сидела долго, а когда поняла, что Арпи сегодня не приедет, встала... Посмотрела на часы. Поправила головешку в печке и включила радио.

«Не надо так волноваться, — подумала она. — Не стоит».

Когда лампы в приемнике нагрелись, в комнате послышалась музыка. Таши поставила кастрюлю с супом на стол и, помешав его ложкой, налила себе в тарелку. Она поймала себя на мысли о собственном одиночестве.

В пять часов по радио передавали последние известия, но она не слушала их, до ее сознания долетали лишь обрывки фраз: «Южновьетнамские войска понесли новое крупное поражение... Сбит один вражеский бомбардиров-

щик... Казнены двенадцать вьетнамских патриотов... Советское правительство заявило решительный протест...»

Таши нравился голос диктора, она не раз слышала его по радио. Голос был звучный и мягкий, хотя иногда ему приходилось передавать суровые сообщения: «сбит... казнены... взорваны... погиб...»

Таши принялась за суп. К радио она прислушалась, только когда диктор заговорил о погоде и дожде. «А ливень-то смыл все цветы в саду», — подумала она, положив ложку на стол.

«По сведениям метеорологического института, такого ливня на территории Венгрии не наблюдалось в течение последних пятидесяти лет... От большого притока дождевой воды многие реки вышли из берегов... причинили огромный материальный ущерб... Во многих районах страны, подвергшихся угрозе наводнения, действуют специально созданные отряды, наряду с которыми большую помощь населению оказывают воинские части венгерской Народной армии...»

«Не зря, видно, перед дождем стояла такая страшная жара, — подумала Таши. — Несколько дней подряд палило солнце».

Выключив радио, она принялась за мытье посуды. Мыла, а из головы не выходили слова диктора: «...большую помощь населению оказывают воинские части венгерской Народной армии...»

За окном тем временем немного посветлело, дождь шел уже не такой сильный.

«Жаль цветы, — подумала она. — Но ведь могут быть и покрупнее беды. Наводнение...»

Она вспомнила, что ее сын всегда боялся воды. «Моряком одно время хотел стать, — она улыбнулась, — а сам так боялся воды...»

Перед мысленным ее взором снова появились залитые наводнением дома, постройки. И сразу же исчезло то приподнятое настроение, с которым она ждала приезда сына.

«Арпи боится воды...» — снова мелькнула у нее мысль, а перед глазами стояли мокрые, насмерть перепуганные люди, пострадавшие от наводнения — они взывали о помощи...

9

Анна пришла на свидание к половине пятого. Договорились встретиться в четыре часа, и, хотя она целый день готовилась к этому свиданию, все-таки опоздала: выйти вовремя из дому помешал дождь. В нарядном платье, с сумочкой в руках, она стояла у окна, смотрела на дождь и чуть не плакала от досады. По мощенной булыжником улице быстрым потоком бежала вода. Время от времени Анна смотрела на часы, а ее подружка и соседка по комнате с усмешкой поглядывала на нее.

— Опаздываешь... — тихо проговорила подружка.

Анна уловила легкую насмешку. Ей хотелось чем-нибудь запустить в подругу, но она, конечно, не сделала этого.

— У меня тут есть один родственник...

— О! Наверняка он привез тебе посылку.

— Нет, ничего не привез, просто приехал по делу.

Подружка удивилась и, подойдя к Анне поближе, спросила:

— Из министерства?

— Да, он писал, что освободится к четырем часам.

Подружка громко рассмеялась:

— Врать тебе нужно еще научиться. Сегодня же воскресенье.

Анна почувствовала, что краснеет, и ей расхотелось обманывать соседку.

Она познакомилась с нею две недели назад. Эта девушка была для нее единственным близким человеком в городе, хотя Анна и обращалась с нею, как с младшей.

Обе они ходили по городу в поисках комнаты, обошли десятки домов, поднимались на все этажи. Хозяйкам, которые сдавали комнаты, они говорили, что знают друг друга давно.

По вечерам они подолгу разговаривали. Подружка оказалась очень откровенной и, ничего не скрывая, поведала Анне все о своей жизни, чем и покорила ее.

Анна рассказывала ей об Арпи. Часто она придумывала то, чего никогда не было в действительности, однако все это отнюдь не звучало как ложь и обман.

В такие минуты Анна вся преображалась: она и сама верила в то, о чем говорила, не чувствуя за собой ни капли вины. Однажды ночью, глядя в потолок, на котором метались световые блики от уличных фонарей, Анна решила,

что завтра же напишет Арпи. Фразы складывались сами собой: «Ты должен понять меня... Деревня не для меня. В городе я выучусь на бухгалтера или стану секретаршей. Ведь ты сам говорил, что я красивая... Руки у меня подвижные, пальцы проворные. В школе мне говорили, что из меня получится отличная машинистка...»

Анна дважды повторила про себя весь текст письма и заснула. Однако на следующее утро она даже не вспомнила об этом и никакого письма, разумеется, не написала.

Подружка Анны никогда не спрашивала ее о том, когда у нее будет свадьба, молча слушала рассказы Анны о ее любви и о верности. Возможно, она в душе завидовала Анне, а возможно, не верила ей.

Сейчас же они обе стояли у окошка и смотрели на потоки воды, которые неслись по мостовой.

Дождь начал понемногу утихать. Подружка придирчивым взглядом осмотрела Анну, нашла, что все в порядке, и улыбнулась.

— Красивая я? — спросила Анна.

— Да. Очень. Ну, желаю успеха!

— Спасибо! — Анна побежала по лестнице вниз.

Подружка из окошка смотрела на нее, провожая взглядом.

Анна на миг остановилась и, обернувшись, помахала рукой.

— Привет! — крикнула она.

— Привет! — ответила ей подружка.

Анна не чувствовала под собой ног от радости. Она обегала лужицы, что-то напевая себе под нос.

Когда она подбежала к эспрессо, то на миг вспомнила об Арпи, но лишь на миг, а потом стала думать о том, кто ее здесь ждал.

От люстры замысловатой формы на стены падал сложный узор, пахло горьковатым запахом хорошо поджаренного кофе, и Анна вдруг почувствовала некоторую растерянность.

Парень ждал ее у столика в углу. На столике перед ним лежали книги и тетради, стояли пустая кофейная чашечка и коньяк в рюмке. И хотя он видел, как Анна направлялась к нему, на лице его не дрогнул ни один мускул.

— Привет!

— Привет!

— Дождь-то какой...

— Дождь...

— А, пускай... — И парень пододвинул Анне стул. — Через десять минут я бы уже ушел...

— Но такой ливень...

Анне хотелось рассказать, с каким нетерпением она ждала этой встречи, но парень остановил ее жестом.

Анна стала смотреть на то, как ловко лавирует между тесно стоявшими столиками официантка, расставляя заученными движениями кофейные чашечки. Смотрела и думала о том, что бы такое сделать, отчего лицо юноши смягчилось бы. Любила ли она его? Или же он только нравился ей? Ответить на этот вопрос она не могла. Самое главное для нее сейчас заключалось в том, чтобы не быть одной.

Познакомились они несколько дней назад, совершенно случайно. Она ничего не знала о парне, кроме его имени. Однако неожиданное знакомство взволновало ее.

— Давай выпьем, — предложил юноша и, не дожидаясь ответа, поднял свою рюмку. — И поедем ко мне.

Предложение было совершенно неожиданным. Она поднесла рюмку к губам, словно в раздумье: пить или не пить? Выпила.

— А теперь пошли, — сказал юноша, небрежно бросив на столик деньги. — Тут недалеко. Или у тебя нет желания?..

Вопрос этот прозвучал насмешливо и зло.

— Почему же? — ответила Анна. — Пойдем.

Они шли взявшись за руки.

По улице все еще текли ручейки.

— Ты водку пьешь? — спросил ее юноша.

Анна молча кивнула.

— Коньяк тоже есть. И магнитофон.

Начало смеркаться. Солнце садилось.

— А погода разгулялась, — заметил парень. — Посмотри, как полыхает огнем край неба!

— Мне страшно.

— Почему? Чепуха какая-то! Ты говорила, что любишь джаз. Послушаешь, какие у меня есть записи!

10

Они шли рядышком: слева — капитан, посредине — Тратнер, правее — Даради и Таши. На сухом месте соб-

ралась небольшая группа людей. Лавина воды смела плотину и хлынула на деревню, некоторые дома стояли уже наполовину в воде. Солдаты шли молча. Местные крестьянки с тревогой смотрели на солдат, которые удалялись от них с каждым шагом.

Когда вода стала доходить до пояса, капитан сказал:

— Возьмемся за руки.

Тратнеру такое указание показалось совершенно лишним. Более того, он даже подумал о том, что капитан, повидимому, струсил. Тратнер улыбнулся и сказал, обращаясь к Даради:

— Держись, старина, за мою руку.

Даради кивнул. Он молча взял друга за руку, а другую протянул Арпаду Таши.

— Держи руку.

— Чувствуешь, с какой силой прет вода?

— Чувствую.

— А как ты думаешь, почему?

— А черт ее знает!

— Так и поднимает...

— Мы идем в низину, в ней и стоит дом.

— Как ты думаешь, чей этот дом?

— А мне все равно, чей бы ни был.

— Ну, а все-таки?

— Дом новый, значит, и живет в нем новый в этих местах человек.

— У других тоже есть новые дома. Например, у дядюшки Пишты, молочника, тоже новый дом.

— Но его дом стоит в деревне, на старом месте.

— Наверное, хозяин дома не здешний, а женился на здешней девушке.

— Нет, это не тот случай.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Не здешняя у него жена.

Вода доходила солдатам уже до плеч, причем напор ее стал сильнее. Капитан, который до этого молча слушал разговор солдат, вдруг сказал:

— Что-то случилось. Посмотрите внимательно на дом, на окна.

Все посмотрели, но ничего особенного не заметили. Мальчик махал солдатам рукой. Возможно, что он даже кричал о чем-то, но голоса его не было слышно из-за шума воды.

«Лет пять ему»,— подумал Таши и, подняв свободную правую руку, помахал мальчику в ответ и крикнул:

— Не бойся, малыш, не бойся!

— А вы, Таши, ничего не видите? — спросил капитан.

— Ничего особенного я не замечаю.

— Посмотрите внимательно на окна.

— Смотрю.

— До сих пор вода где была?

— До половины окон доходила.

— А теперь?

— Вода прибывает, и притом очень быстро.

Теперь вода доходила солдатам до подбородка.

Они находились как раз на полпути к дому, к которому направлялись.

— Тратнер! — позвал капитан.

— Да.

— Плавать умеете?

— Да.

— А не хотите вернуться обратно?

— Нет.

— Ну, как хотите, а то можете вернуться. Любой из вас может вернуться, если захочет...

11

Оставшиеся на сухом месте у дороги люди сначала внимательно следили за отважной четверкой, а потом пустились в разговоры. Больше всего разглагольствовал крестьянин в болотных сапогах.

— Я еще тогда предупреждал, говорил, что на этом месте нельзя строить. Наши старики знали, что можно, а чего нельзя делать. Земля неподходящая, луг заливной. Во всем виноват тот, кто выдал разрешение на строительство в этом месте.

Младший сержант внимательно следил за отважной четверкой, которая удалялась от него все дальше и дальше. Смотрел и жалел, что не пошел с ними.

Неожиданно кто-то взял его за руку. Это оказалась крестьянка в платке. Взгляд у нее был испуганный.

— Вы тоже за ними наблюдаете?

— Да.

— Скажите, а с ними ничего не случится?

— Что именно?

— Смотрите, вода поднимается!

Сержант только сейчас заметил, что вода подошла к самым его ногам, а еще совсем недавно до нее было метра четыре.

Все замолкли, глядя на подступающую к ним воду. Вдруг со стороны села раздался крик:

— Плотину прорвало! Недалеко от моста!

— Быстрее туда!

Все бросились к месту прорыва плотины.

— Водитель! — крикнул младший сержант.

— Я здесь.

— Поехали!

Солдаты полезли в кузов.

Машина дернулась и, набирая скорость, помчалась по дороге.

Сержант стоял в кузове и смотрел на расстилавшуюся перед ним водную гладь. Капитана и ушедших с ним троих солдат уже не было видно.

— Товарищ младший сержант! А правильно мы сделали, что оставили наших тут одних?

— Вода прорвала плотину у железнодорожного полотна. Сейчас она растечется еще дальше. Если удастся ликвидировать прорыв, это будет для них лучшей помощью.

Машина свернула с дороги и направилась к железнодорожному полотну, где уже собралась половина села. Люди носили землю — кто ведром, кто корзиной, а кто тащил ветки кустарника, куски кирпича, песок. Заслышав шум машины, несколько человек замахали руками. Стоило только младшему сержанту увидеть эти жесты, и от сомнения в правильности собственных действий не осталось и следа.

Он первым спрыгнул с машины на землю, за ним — солдаты. Расхватав лопаты, все тут же принялись за дело, хотя никакой команды никто не подавал. Машина с четырьмя солдатами сразу же направилась в село за песком и камнями.

Кому-то пришла в голову мысль привезти балласт для заделывания места прорыва на вагонетке, которая стояла недалеко от сторожки стрелочника.

Ширина прорыва была не более шести метров. В этом месте вода подмыла железнодорожное полотно и рельсы нависли над образовавшейся пустотой.

Несмотря на то что все — и жители села, и солдаты — работали не жалея сил, дыра прорыва почти не умень-

шилась. Пройти к месту прорыва можно было только по шпалам. Время бежало так быстро, что никто не мог с точностью сказать, сколько они тут уже работают.

И вдруг снова пошел дождь.

Вернулась машина, груженная камнями. Все бросились ее разгружать.

На вагонетке подвезли песок и шпалы. Некоторые работали по пояс в воде. И хотя напор воды был силен, вскоре людям все же удалось уложить на месте прорыва большие камни, на них камни помельче, и все это засыпать песком и землей.

12

Плыть было гораздо легче, чем идти, хотя вода все еще позволяла идти.

Оглянувшись, Тратнер не увидел на берегу ни людей, ни машины.

— Товарищ капитан! — испуганно позвал он, захлебываясь. Выплевывая неприятно пахнущую воду, солдат рукой махнул в сторону берега: — Посмотрите, они уехали...

Капитан дал знак остановиться. Действительно, у кромки воды, кроме нескольких женщин с детишками, никого не было. Да и они смотрели не в их сторону, а в противоположную.

— Что случилось? — спросил Даради.

— Может, какой дом завалился?— неуверенно заметил Таши, подгребая руками воду, так как он уже не доставал дна ногами.

— Не думаю, — сказал капитан. — Быть может, вода где-нибудь прорвалась.

Какое-то время он смотрел назад, а потом, не говоря ни слова, широко размахивая руками, поплыл к дому. За ним поплыл Тратнер; вскоре он догнал офицера, так как был великолепным пловцом.

Даради и Таши плыли в нескольких метрах сзади: Даради — размеренно, но сильно загребая, Таши — делая частые и мелкие гребки.

— Эй, браток, не горячись, а то скоро из сил выбьешься, — предупредил Арпада Даради.

— Не беспокойся, дружище...

Арпад хотел еще что-то добавить, но, сделав рукой неверный гребок, захлебнулся и закашлялся.

До дома оставалось метров сорок, как вдруг Даради обернулся и, не увидев Арпада, крикнул:

— Братишка?!

Даради, набрав в легкие побольше воздуха, нырнул, но вскоре вынырнул и снова крикнул:

— Братишка! Таши!

Капитан, услышав крик, тоже поплыл назад.

— Что случилось? — спросил он.

Даради не ответил. Он плыл изо всех сил назад, крича время от времени:

— Братишка!.. Братишка!..

Капитану показалось, что он проваливается в глубокий колодец. «Таши! Утонул Таши!» — обожгла сознание мысль.

Офицер быстро поплыл назад, поднимая вокруг себя мириады водяных брызг. Вскоре он оказался в нескольких метрах от Даради, и тут до его слуха донесся истошный крик Тратнера:

— На помощь! Тону! На помощь!

Ничего, я выдержу. Правда, мне еще ни разу в жизни не приходилось плыть так долго, но сейчас ведь особый случай, сейчас не время рассуждать об этом.

Я выдержу. Попытаюсь плыть медленнее, попытаюсь поглубже и поспокойнее дышать. Не знаю почему, но у меня, как ни странно, устали не руки, а легкие, сердце и вообще все внутри. Сердце стучит, как молоток.

Мальчик там, наверху, уже не боится. Он же знает, что его сейчас спасут.

Помню, когда я был еще маленьким, я ужасно боялся солдат. Стоило мне увидеть солдата, как я сразу же думал о смерти: ведь солдаты, по моему тогдашнему представлению, убивали людей... Позже, когда моего отца забрали в солдаты, я уже перестал бояться солдат, скорее жалел их, так как мама рассказала мне о том, что солдат тоже убивают...

Бедная мама! Если бы она увидела меня сейчас... Она считает, что я боюсь воды. Когда я вернусь домой и расскажу ей эту историю, она наверняка будет ругать и стыдить меня. Разумеется, в душе она не будет на меня сердиться. Сегодня она, наверное, горюет — напрасно прождала меня. Каждое воскресенье она ждет меня, надеется,

что я приеду. Весь день что-то варит, печет. В кухне такие вкусные запахи. А когда поезд уйдет, она немного поплачет, решит, что больше не будет так волноваться и так ждать меня, но через несколько дней забудет о собственном обещании и в следующее воскресенье будет ждать так же...

Я, видно, немного отстал от других. Но, наверное, на какие-нибудь несколько метров, еще догоню...

Силы у меня пока есть... Руками шевелить могу... Если бы вот только не сжимало все в груди. И глазам почему-то больно... Словно меня растворили в этой воде... Грязная она какая-то, взбаламученная... Нужно будет протереть глаза, а то я и ребенка не вижу, и матери его не вижу...

А тут еще эти волны. Интересно, откуда тут такие волны? Иногда мне кажется, что меня поднимает до небес. А потом вдруг опускает вниз...

Как неожиданно разразилась эта буря...

Несколько минут назад я все отчетливо видел, теперь же все во мне гудит... В воде какие-то ямы...

Все кружится... И облака на небе... Почему именно сейчас облака садятся на землю?.. Какие они тяжелые. Так и втискивают меня в воду.

Неужели и Даради чувствует то же самое? И капитан?..

Закричать бы надо... позвать...

Еще спросить нужно их, видят ли они дом, женщину, ребенка... Я вижу что-то разноцветное. Где-то горит огонь... А какая горячая вода!

Стреляют? Но кто? Неужели война?..

Хорошо. Теперь мне лучше, да и облака стали не такими тяжелыми и черными.

Вот и дом видно, и женщину. Я даже вижу, что у нее голубые глаза. Она улыбается. Она не одна, их много-много, и все они голубоглазые, и все улыбаются... И среди них мама...

Услышав крик, капитан повернулся и увидел, как голова Тратнера скрылась под водой, потом вынырнула.

Офицер подплыл к нему, спросил:

— Что случилось?

— Не знаю...

— Почему кричали, ведь вы же отличный пловец?

— Я больше не могу... Нет сил... — И солдат ухватился за плечо капитана. — Бедный Таши, — пробормотал он. Лицо его исказила гримаса.

Капитан ничего не сказал, он и по этим двум словам сразу же все понял. Он понимал, что не имеет права сердиться на Тратнера, напротив, он должен сейчас подбодрить его.

— Плывите к дому! Я подплыву к Даради. И думайте о тех, кто ждет нас в доме. — Капитан махнул рукой в сторону дома.— Только о них, и ни о чем другом, понятно? Они ждут нас, мы им нужны... Понятно?..

13

Жители села стояли на берегу, у самой кромки воды. Опять пошел дождь, но никто не уходил. Тут же была и спасенная солдатами женщина с ребенком.

Многие пришли с железнодорожного полотна, где недавно заделали промоину.

Поверхность воды вся была в точках от дождевых капель.

Лучшие пловцы из солдат все время ныряли, разыскивая тело Таши. Под вечер на место происшествия прибыл Адам Лукач. Он растолкал людей и по колено вошел в воду. Пристальным взглядом посмотрел на дом, на спасенную солдатами женщину с ребенком, на крестьян. По виду людей сразу же понял, что здесь произошло.

— Кто он? — спросил Адам.

— Солдат.

— Как его звали?

Все посмотрели на капитана.

— Арпад Таши...

— Поздно я пришел,— заметил Адам Лукач.— Поспешить бы мне...

Ребенок прильнул к Адаму, обхватив ручонками его колени.

— Напугался, бедняжка... — произнес кто-то.

Мальчик посмотрел на отца и сказал:

— Я и не боялся вовсе.

— Вот и молодец.

— Я и маме говорил, чтобы она не боялась.

— Ты смелый парень.
— И они тоже не боялись, — объяснил мальчик, показывая рукой в сторону солдат. — Они нас спасли. А один все рукой нам махал. Это мы его сейчас ждем, да?..
— Да.
— А где он?
— Там. — И отец показал на воду.
— А долго его нужно ждать?
— Не знаю.
— Он утонул, да?
— Да.
— И не боялся.
— Нет.
— А умереть легко?
— Нет, малыш, нелегко. Ну пойдемте, вам нужно переодеться...
Все видели, что Адам плачет. Его жена тоже плакала. Люди расступились, пропуская их, провожали взглядом. Стояла мертвая тишина.

РЕКВИЕМ

Он был моим другом

Это правда. Они были друзьями. Познакомились они в тот самый день, когда сняли с себя гражданскую одежду, положив ее в бумажный мешок, и надели солдатскую форму. Их было человек десять, они стояли под развесистым каштаном и, разглядывая друг друга в новом одеянии, посмеивались.
Арпад стоял недалеко от них и поправлял френч, который как-то нескладно сидел на нем. Он надел на плечи вещмешок, а в руке держал каску, размахивая ею. Издалека его можно было принять за студента, который собрался на экскурсию.
Я еще тогда повернулся к нему и крикнул:
— Ну, братишка, пошли?!
Он обернулся и, немного склонив голову набок, ответил:
— Пошли, дружище!
Сказал и улыбнулся. И вмиг мне стало весело и хорошо, и я подумал, а почему бы нам и на самом деле не

подружиться, не стать братьями. Я буду старшим, а он младшим, ведь он такой маленький, а я вон какой вымахал! Я подошел к нему и представился:

— Даради.

— А я — Арпад Таши.

Мы подали друг другу руки. Я так сжал ему руку, что у него косточки хрустнули. Уж такая у меня привычка. Арпад, однако, выдержал, посмотрел на меня и тоже стиснул мне руку, да еще как!

— Ты кто по профессии, братишка? — сразу же спросил я его.

— Каменщик.

— А я — столяр.

И мы похлопали друг друга по плечу...

Он спал рядом со мной

Наше место самое плохое — рядом с дверью. Каждый, кто заглянет в комнату, сразу же видит наши койки. Лучше, чем Арпад, у нас во взводе никто свою койку не заправлял. Я завидовал тому, что у него такие ловкие руки. А я сколько ни старался, все у меня ничего не получалось! В школе я был первым учеником, а здесь отставал от других...

По вечерам я присаживался на край его койки и разговаривал с ним... Нам никто не мешал.

Я оказался трусом, не помог ему. Страх меня охватил...

Младший сержант

Я его сразу же заметил, когда новобранцев распределяли по отделениям. Мы их тогда построили в одну шеренгу. Я еще тогда подумал: «Лишь бы мне этого малыша не дали, а то придется с ним повозиться».

А позже я уже не жалел, что он попал ко мне: такой он был добросовестный.

Даради прозвал его братишкой, так эта кличка и осталась за ним.

Странный он был парень. Часто писал длинные письма, а сам письма получал очень редко. Изредка ему писала мать. Ее каракули я сразу узнавал. Еще писал ему какой-то мужчина, но кто именно — не знаю, так как отец

Арпада погиб в сорок четвертом году. Когда раздавали письма и ему ничего не было, он не привязывался к почтальону, молча отходил, только лицо у него становилось грустное... Я нисколько не удивился, когда Арпи добровольно вызвался идти спасать женщину с ребенком. Вот уже сколько времени прошло с тех пор, а я никак не могу забыть его. Он умер. Нет его. Неужели это правда? Все мы со дня его гибели стали совершенно другими людьми...

Подполковник

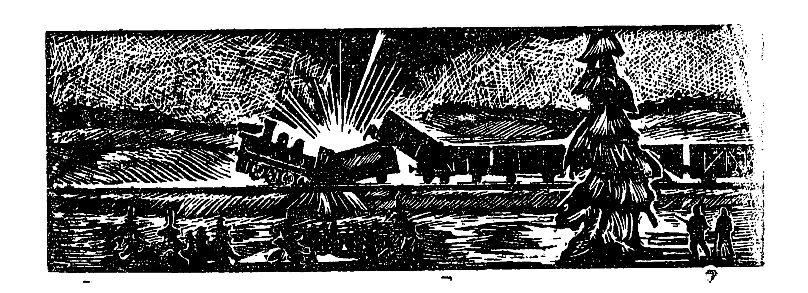
К сожалению, мне чаще приходится иметь дело с теми, на кого поступают жалобы, кто совершает ЧП. Он не был в их числе, и потому я никак не могу вспомнить его лица.

Жители села называют его своим сыном.

А солдаты взвода обратились ко мне с просьбой не занимать его койку. Пожалуй, они правы, хотя в уставе такое не предусмотрено. Пусть он останется среди них...

ЗОЛТАН ФАБИАН

КАПИТАН

Капитан встал коленями на низенькую скамеечку. Прямо перед ним на скрипучем стуле сидел молодой священник. Прикрыв глаза ладонью с растопыренными пальцами, священник внимательно слушал исповедь офицера, лицо которого выражало и раздражение, и горечь.

— Бога нет, святой отец.

— Не пытайся умышленно скрыть свои грехи, сын мой.

— Если даже когда-нибудь бог и существовал, то теперь его уже нет в живых. Его только похоронить забыли, а он, между прочим, заслуживает пышного погребения.

— Отрицание господа — самый тяжкий грех.

— Если бы он действительно существовал, то не потерпел бы, чтобы на земле творились такие мерзости. Он устроил бы новый всемирный потоп.

— Истинный католик не перестает верить в бога и тогда, когда господь скрывает от него свой лик.

— Никакой я не истинный католик, да и не хочу им быть.

— Тогда зачем же ты обращаешься к его слуге? Зачем ты, сын мой, пришел ко мне на исповедь?

Капитан развел руками, но ничего не ответил.

Сквозь толстые стены собора со стрельчатыми окнами доносился глухой шум дальнего боя. Каменные плиты пола слегка вздрагивали от неясного грохота артиллерийской канонады, а металлические трубы органа между каменными колоннами издавали своеобразные звуки, которые быстро таяли в полумраке собора.

— Так почему же ты каждую неделю приходишь ко мне исповедоваться?

— Поймите меня правильно, святой отец. Ни раньше, ни теперь я не ищу в вас священника. Я вижу в вас просто поляка, перед которым могу излить душу, из уст которого могу услышать слова утешения.

— А что, разве, кроме меня, здесь нет больше ни одного поляка?

— Который мог бы выслушать меня?

— Есть, и больше чем вы думаете!

— Который мог бы мне поверить?

— Только поступками можно доказать справедливость своих слов.

— Поступками? Хорошо сказано, святой отец, но на поступки еще нужно решиться, а это трудно, точнее, это — самое трудное!

— Поэтому ты ищешь поддержки у веры, не так ли?

— Нет, я не ищу поддержки у веры. Да я ведь, собственно, и не католик.

Молодой священник буквально остолбенел и, отняв ладонь от лица, удивленно спросил:

— Ты не католик?!

— Меня крестили в реформатском соборе.

— И ты исповедуешься?!

Капитан скорчил кислую гримасу и сказал:

— Я слабый человек, святой отец. Несчастный, трусливый человек.

— Ты?! Это ты-то трусливый?!

— Я искал человека, перед которым мог бы излить душу. Вы для этого — самый надежный человек, святой отец.

Священник, как ужаленный, вскочил со скрипучего стула и прерывающимся от волнения голосом воскликнул:

— Ты надсмеялся надо мной и моей верой!

— Но не над твоей нацией!

— Знаешь, как это называется?!

— Знаю. Кощунством, — ответил капитан, не поднимаясь с колен и сжав голову руками. — Скажи, святой отец, как искупить мне свою вину перед тобой? Хочешь, я прочту тебе все молитвы подряд?

— Это без веры-то?! — Священник дернул офицера за руку. — Немедленно встань! И больше никогда ты не преклонишь колени пред этим алтарем!

— Хорошо-хорошо, святой отец, не дергай меня, я и сам встану.

Капитан медленно поднялся на ноги и, сделав шаг, присел на ступеньки, ведущие к алтарю.

— Может, и здесь сидеть мне нельзя? — спросил он.

Священник, шурша сутаной, заходил взад-вперед перед алтарем.

Его возбужденное, почти юношеское лицо то исчезало в темноте, то выплывало в красном свете. Шагов его слышно не было. Казалось, он шел не по земле, а по воде, так как его подбитая мехом обувь совсем не стучала.

— Какая гнусность!.. Какая подлость!.. Какая ложь!

— Я не лгал, святой отец! Я никогда тебе не лгал! Я говорил только правду, ничего не скрывая. Я хотел, чтобы ты поверил мне. Я принадлежу вам. — Офицер поднял глаза на расхаживающего взад-вперед священника.— Теперь ты иначе расцениваешь мое предложение?

— Тот, кто солжет в одном, может солгать и в другом.

— Не суди так строго. Это страх в тебе говорит, святой отец.

— Вот уж сколько месяцев я — жертва обмана! — проговорил священник.

— Меня ведь и иначе можно отсюда прогнать. Может, за провокатора меня принял? И заявишь на меня, а? Что же ты замолчал? Наберись храбрости и скажи все, что думаешь, святой отец!

— Как я могу доверять вам после такого?

— Не хочешь, не доверяй! — Капитан встал и подошел к священнику вплотную. — Называй меня, ради бога, на «ты»! На «ты»! — И он потряс священника за плечи.

Святой отец быстрым движением закрыл ладонью рот капитану и тихо сказал:

— Тот, кто хочет потерять для себя господа, тот его потеряет, однако благодать господня все равно будет на него нисходить!

— Какое безумие! Умереть можно от этого! — воскликнул капитан и, отпустив священника, сделал шаг назад. — Верь мне! Верь каждому моему слову!

— Слову венгерского офицера?

— Слово офицера и у нас свято!

— Это сейчас-то? В июле сорок четвертого?

Капитан выпрямился, будто собирался что-то сказать, но лишь махнул рукой.

— Страшный ты человек! Страшный! — прошептал священник. Встав коленями на скамеечку, он вынул из кармана сутаны розовую книжечку и, беззвучно шевеля губами, начал молиться. Затем упал ниц, так что в полумраке были видны лишь его русые волосы.

— Страшный... — спокойно повторил капитан и, повернувшись кругом, тяжело и громко ступая, вышел из собора.

Ночь была темной, хотя на небе и мерцали мириады звезд. Вне стен собора шум далекого боя слышался более явственно, иногда можно было различить даже стрельбу отдельного орудия.

Капитан не стал ждать, пока глаза привыкнут к темноте: он не раз уже ходил по этой дорожке. Миновав пьедесталы, на которых стояли изваяния святых, капитан обогнул груды развалин и вышел на широкую дорогу.

В штабе царили шум и неразбериха. В приемной полковника набилось полно офицеров. Все о чем-то говорили, что-то кричали. Сплошной нестройный шум смешивался с густым табачным дымом. В комнате, похожей своими размерами на зал, стоял письменный стол с лампой под голубым абажуром. Все помещение освещалось лишь одной этой лампой, которая отбрасывала причудливые тени на стены и на лепной, с позолотой потолок.

— Хорошо, что вы зашли, господин капитан, — проговорил офицер-порученец и встал из-за стола. — Господин полковник давно ждет вас. Я доложу ему о вашем приходе. — Быстрой походкой офицер-порученец скрылся за большой двустворчатой дверью с резьбой на сюжеты из Библии или греческой мифологии.

Собравшиеся в приемной неожиданно замолкли. Все ждали, с какой вестью порученец выйдет из кабинета полковника. Офицер появился в приемной с той же проворностью, с какою исчез за дверью. Оставив дверь полуоткрытой, он галантно наклонился и произнес:

— Прошу вас, господин капитан. — Глаза у офицера-порученца воспалились от недосыпания и густого табачного дыма, однако он был чисто выбрит и лицо его не выражало ни тени усталости или тревоги. Повернувшись

к офицерам, он продолжал: — Господа! Господин полковник просил вас всех набраться терпения. Положение действительно критическое, однако оно не дает повода для паники. — И, кивнув, добавил: — Благодарю вас!..

Полковник сидел в кресле с высокой спинкой за длинным столом, на котором была расстелена топографическая карта. Это был коренастый мужчина небольшого роста, а сейчас он так сгорбился, что стал похож на гнома или какого-то урода. Он разговаривал с кем-то по-немецки по телефону. Увидев вошедшего капитана, полковник жестом пригласил его сесть.

— Я... я... их ферштее... Я... я... данке!

Положив трубку, полковник долго молчал. Обхватив голову ладонями и облокотившись на стол, он уставился острыми маленькими глазками на карту, усеянную крошечными флажками.

— Положение безнадежное! Безнадежное! — Полковник бегло взглянул на капитана, который сидел на противоположном конце стола и тоже внимательно изучал карту.

— Я вижу, сведения, полученные нами, были отнюдь не ложными. У Брест-Литовска мы отбили наступление русских, — заметил капитан.

— Поздно. Под Барановичами они перебили треть нашей артиллерийской дивизии.

— А это точно?

— Точно. Русские несколько раз и не в одном месте вбивали танковые клинья в боевые порядки дивизии, точно так же, как два года назад на Дону.

— Но, по-моему, и сами русские уже выдохлись, а?

— Это только так кажется. Они сильно продвинулись, километров этак на сто пятьдесят. В тылу у них Припятские болота, так что им необходимо быть особенно осторожными. Наше энергичное контрнаступление может поставить их в трудное положение. Сейчас они приостановили свое наступление, чтобы немного передохнуть и подготовиться к новым сражениям.

— Но тогда стратегическая инициатива из наших рук перейдет в руки немецкого командования?

— Где ты увидел у нас инициативу? Мы даже для ведения обороны не располагаем достаточными средствами. Хорошо, если нам удастся закрепиться на берегах Вислы. — Полковник закивал сам себе и тихо забормо-

тал: — Да-да. Мы допустили ту же самую роковую ошибку, что и поляки в начале войны. Они пустили тогда свою кавалерию против танков. Это было безумие! Свинство!

— Это хуже, чем свинство. — Капитан многозначительно взглянул на полковника.

— Ты прав. Нужно перелопатить весь генштаб.

— Не думаю, чтобы все наши беды проистекали только от генштаба!

— Ну вот, видишь! — Полковник вскочил с кресла. От его апатии не осталось и следа. — Здесь, на польской равнине, истекает кровью единственная венгерская кавалерийская дивизия, и это в то время, когда ее следовало бы держать в Карпатах в качестве резерва, чтобы ввести в бой в решающий момент. Я не хочу сказать, что нам необходимо отозвать свои части, которые сражаются с большевиками. Бороться против них — наша святая обязанность! Однако мы должны считаться со своими силами и состоянием вооружения! Вводить в дело наши части и соединения нужно там, где мы в состоянии добиться успеха!

— Я слышал, что в горах наши неплохо сражаются?

— Да, там мы с честью держим оборону. Там это нам по силам. Русские танки с трудом передвигаются по узким и глубоким ущельям, их атаки можно легко отбить средствами противотанковой обороны. Самое же главное — там наши ребята чувствуют, что за их спиной Карпаты, а еще дальше — родина. — Полковник, как оратор на трибуне, красиво развел руки. — А здесь?!

— А здесь? — повторил капитан. — А здесь мы делаем своими врагами поляков! Нас бросили сюда как пушечное мясо! Как мясо! — Капитан на миг задумался, стоит ли ему продолжать, и тут же задал вопрос, который не раз задавал себе: — Если мы так хорошо сознаем, что это безумие, более того, что мы совершаем преступление против целой нации, тогда почему же мы это делаем?

— Потому, что не можем остановить то, что уже давно начато, — проговорил полковник и плюхнулся в кресло.

— А может, просто не хотим?

— Тебе легко говорить! Ты ведь запасник! Это все равно что штатский человек. А что говорить мне, кадровому офицеру?!

— Твоя профессия требует умения своевременно видеть опасность и быстро принимать решение.

— Однако существует и воинская дисциплина.

— Что, по-твоему, она избавляет тебя от угрызений совести?

Капитан встал и, опершись ладонями на разостланную на столе карту, подался всем туловищем вперед и бросил полковнику прямо в лицо:

— Значит, тебе самостоятельно, своей головой и думать уже не положено, а?

— Тс-с-с! — Полковник поднял к губам палец и, откинувшись на спинку резного кресла, прошептал: — Тихо! В штабе полно предателей!

— Тем бóльшая ответственность ложится на нас!

— Нами руководит прогитлеровская клика.

— Именно поэтому мы и не должны идти на сделку со своей совестью.

— Сложно, это очень сложно! Быстро тут ничего не сделаешь.

Капитан покачал головой, будто хотел стряхнуть с себя что-то, и тихо, но строго проговорил:

— Нам нужно или вообще прекратить борьбу против большевизма, или хотя бы попытаться действовать так, как подсказывает совесть.

— Ты говоришь глупости!

— Я говорю то, о чем ты и сам думаешь, но не смеешь сказать.

— Замолчи!

— Боишься, вот и кричишь! Ты не кричи, а действуй!

Полковник разозлился, его бледное лицо налилось кровью.

— По какому праву ты даешь мне уроки?! — заорал он и стукнул кулаком по столу. — По какому такому праву?!

— На твоем месте я бы не вопросы задавал, а думал.

— Наша старая дружба не дает тебе на это никакого права!

— И это ты называешь старой дружбой?! — выпалил капитан и так подался вперед, что своим лбом почти коснулся лба полковника. — Мы вместе проиграли первую мировую войну и теперь находимся на грани проигрыша второй мировой, а ты, кроме своего «замолчи», ничего сказать не можешь!

— Одно к другому не имеет никакого отношения!

— Так же как я к тебе. — Капитан поднял руки вверх и продолжал: — Я тебя раненого вот на этих самых руках вынес под Добердо!

— Что вспоминать об этом?

— Я имею полное право спросить тебя, что ты делаешь, какие отдаешь распоряжения...

— Господин капитан!..

— И не только право, но и обязанность!

Полковник стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Господин капитан!.. — и как ужаленный вскочил с кресла.

— Господин полковник! — Капитан щелкнул каблуками.

— Через тридцать минут... — Полковник бросил взгляд на стенные часы с маятником. — ...через пятьдесят минут, в двадцать два часа тридцать минут, вы отправитесь с карательным отрядом с задачей прочесать местность между железной дорогой и берегом реки. Сделайте все возможное, чтобы эшелон, который будет следовать в ноль часов двенадцать минут, был в безопасности.

— Слушаюсь, господин полковник.

— Из Силезии прибывает немецкий эшелон с очень важным грузом, и потому вдоль всего пути нужно обеспечить безопасность движения.

— Слушаюсь, господин полковник.

Проговорив все это, полковник смутился. Ему хотелось проститься с капитаном по-дружески, но он все же закончил разговор по-уставному, бросив коротко:

— Я кончил, господин капитан!

— Слушаюсь, господин полковник! — Капитан щелкнул каблуками, по всем правилам отдал честь и направился к двери.

— Но дружбу мы не рушим! — проговорил ему вслед полковник.

Капитан на миг остановился и, не оборачиваясь, бросил:

— Рядом будем болтаться на виселице.

— Ты понял меня, святой отец?

— Понял.

— Итак: в полночь вашим людям нужно переправить-

ся через реку, ровно в полночь — ни минутой раньше, ни минутой позже. Эшелон с грузом будет у излучины минут пять первого, но, может, придется и подождать...

— Это все я прекрасно понял, — перебил капитана священник, — вот только тебя самого никак не могу понять.

— А ты подумай!

— Вот уж несколько недель я только о тебе и думаю.

Капитан звонко рассмеялся. Эхо отозвалось во дворе.

— Сколько тебе лет, святой отец?

— Двадцать семь.

— А мне сорок пять. — Капитан обвел взглядом колонны и церковный двор, залитый лунным светом. — Об этом нам еще предстоит поговорить. Видишь? — И он кивнул в сторону двора.

— О луне, что ли?

— Нет, не о луне. О польской архитектуре, о готике. — И, взглянув на священника, добавил: — Знаешь, какой это шедевр, а?

— Знаю, мой отец — строитель.

— Раньше ты мне об этом не говорил, — удивился капитан.

— Мы с тобой о другом говорили.

— Могу я с ним увидеться?

— Он пропал.

— Угнали гитлеровцы?

— Нет, он со своей частью ушел в Венгрию... Он ведь оттуда. С тех пор от него нет никаких вестей. Летом тридцать девятого года я принял сан священника, и вот тогда я видел отца в последний раз в Кракове, в соборе Святого Андрея.

— Уж пять лет прошло, — заметил капитан.

— Как ты ведешь счет времени?

— Каждый помнит то, что ему дорого. — Капитан кротко улыбнулся и присел на парапет. Лицо его попало в тень. — Каждый из нас живет в своем мире. Моему сыну исполнилось уже восемнадцать, месяц назад он сдал экзамены на аттестат зрелости. Я надеюсь, война кончится раньше, чем его заберут в армию. Что ты удивляешься? Ты не ошибся, я именно так и сказал, я — офицер венгерской армии. Для меня это уже вторая война. Хватит с меня! И такой судьбы, как у меня, я своему сыну не желаю.

— А мой отец еще в русско-японской войне участвовал.

— Ну вот, видишь? Сколько войн за одну человеческую жизнь! Сколько бессмысленных убийств! Неплохие достижения, не так ли? — съязвил офицер и закрыл лицо руками. — Как я буду смотреть сыну в глаза, когда он меня об этом спросит? Пусть через год, через два, через пять лет, но ведь спросит! Он не будет произносить приговора мне, нет, а просто спокойно, тихо спросит, так как захочет понять все. И это будет ужасно для меня!

Священник подошел к капитану и дружески похлопал его по плечу.

— Почему ты не переходишь на нашу сторону? — спросил он.

— Это легче всего.

— Легче?

— Да, ведь, кроме собственной персоны, я ничего не могу предложить.

— Ты — прекрасный офицер и мог бы принести нам большую пользу.

— Я не хочу идти с голыми руками.

Священник, опустив голову, сказал:

— Боюсь я за тебя.

— Не такая уж я ценность.

— Не будь циником.

— Я говорю откровенно. Считай, что я исповедуюсь.

— Недооцениваешь ты себя, а это такой же недостаток, как и зазнайство.

О том, что произошло через несколько часов, мне мало известно. Польский священник рассказал о случившемся несколько иначе, чем полковник, под командованием которого находился капитан.

Священник сообщил мне следующее:

— Я лично ни разу не принимал непосредственного участия в операциях, а был лишь связным между капитаном и нашей партизанской группой. Я, собственно, поэтому-то и по-венгерски научился говорить... В тот же вечер я передал нашим сообщение об эшелоне с важным грузом. Нам в те дни позарез нужны были и оружие, и боеприпасы.

На следующее утро я уже знал, как прошла операция. Мне рассказал об этом один парень из партизанского отряда.

Партизаны переправились через реку ровно в полночь в указанном месте, там, где железнодорожное полотно ближе всего подходит к реке. Место это поросло ельником, я не раз ходил туда удить рыбу.

Прежде чем переправиться на противоположный берег, партизаны залегли недалеко от реки и, замаскировавшись, стали наблюдать. Незадолго до полуночи ельник прочесал венгерский разведывательный отряд, которым по указанию полковника командовал капитан.

Когда операция по прочесыванию закончилась, партизаны переправились на другой берег, уже не опасаясь неожиданного столкновения с противником. Подобрались к самой железной дороге и, укрывшись в тени деревьев, стали поджидать эшелон.

Однако состав почему-то задерживался. Прошло десять минут, пятнадцать — никаких признаков. Часы показывали уже половину первого ночи. Вдруг справа от партизан послышалась стрельба.

«Что бы это могло значить?» — ломал голову командир партизанского отряда. Ведь ни о какой стрельбе ему никто не говорил.

Сначала партизаны решили, что их заманили в ловушку, и уже хотели отойти на тот берег, однако стрельба стала удаляться от них в сторону железнодорожного моста. Раздумывать над тем, что же там происходит, не пришлось, так как на повороте показался железнодорожный состав.

Партизаны недоуменно переглянулись. Паровоз мчался на большой скорости, пуская к ночному небу клубы дыма с яркими искрами и давая длинные гудки. Зрелище было прекрасное и в то же время жуткое. Вдруг паровоз неожиданно вздрогнул, замер на мгновение и полетел под откос, увлекая за собой длинную цепочку вагонов.

Партизаны еще не успели прийти в себя от изумления, как масса самого разного оружия и боеприпасов буквально свалилась к ним под ноги. Ребята быстро собрали все необходимое, уже не обращая никакого внимания на усилившуюся пальбу в районе моста.

Трофеи оказались богатыми — от автоматов до противотанковых пушек, и все без единого выстрела!

Машинист паровоза и кочегар погибли. Их искалеченные тела были потом обнаружены. Гитлеровская охрана, по-видимому, спаслась бегством.

Я с нетерпением ждал капитана, чтобы услышать лично от него рассказ о том, как удалось пустить эшелон под откос. Мне хотелось поблагодарить его. Однако капитан не пришел ни в тот день, ни на следующий, ни на третий.

Через неделю мне удалось узнать, что капитана арестовали и он скоро предстанет перед судом военного трибунала.

Я не знал, что и думать. Проявить любопытство не смел, чтобы не вызвать подозрений.

Через несколько дней, после упорных боев, советские танковые части, прорвав фронт, освободили наш город. С тех пор все мои связи с венгерскими солдатами и офицерами прекратились. По сей день я так и не знаю, жив ли смельчак-капитан или погиб...

Бывший полковник, командир венгерского полка хортистской армии, а теперь ночной сторож, рассказал мне вот что:

— У меня нет особого желания вспоминать эту историю, — начал он. — Мне об этом тяжело говорить. Я чувствую себя виноватым и до сих пор не могу простить себе, что отдал капитану тот приказ. Нельзя было в ту ночь посылать его охранять железную дорогу. Конечно, я тогда и не предполагал, что на том участке настолько серьезное положение...

Мне известно точно только одно: когда разведотряд, прочесав местность между рекой и железной дорогой, возвращался обратно, у моста на него напали партизаны. Началась ожесточенная стрельба, в которой приняла участие и гитлеровская охрана. Все это, разумеется, стало известно позже, при расследовании обстоятельств дела.

Бой у моста был в самом разгаре, когда километрах в пяти от этого места полетел под откос эшелон с оружием и боеприпасами. Комиссии, занимавшейся расследованием инцидента, так и не удалось установить, был ли это заранее подготовленный акт саботажа или же случайное крушение. Железнодорожное полотно после взрывов вагонов оказалось настолько изуродованным, что найти

следы умышленного подрыва было просто невозможно. Ущерб был причинен огромный: одни вагоны дочиста сгорели, а из уцелевших все оружие и боеприпасы унесли партизаны.

Подразделение медслужбы, посланное на место крушения, прибыло туда с большим опозданием: бой у моста задержал его. Бой этот продолжался больше часа. Многие гитлеровцы и хортисты погибли там, и в их числе капитан. Его прошила автоматная очередь. На следующий день его труп нашли в ельнике, за одиноким гранитным валуном. Вот и все, что я знаю. Чтобы удовлетворить сполна ваше любопытство, скажу, что после боя партизаны подобрали всех своих убитых и раненых и унесли их с собой, так что прибывшая на место катастрофы комиссия нашла под откосом лишь трупы гитлеровцев и хортистов...

Сверх того, что рассказали мне эти два человека, я ничего добавить не могу.

10 Зак 785

ЗОЛТАН ФАБИАН

На рассвете

Каждый из нас хорошо запомнил события той ночи, но запомнил по-своему. И если спросить об этом меня, я расскажу одно, Ижак расскажет об этом иначе, а уж если послушать Болдижара, то мой рассказ покажется пустой выдумкой.

После отбоя, когда в казарме гасят свет, мы частенько вспоминаем события той ночи.

Нас собрали по тревоге перед самым отбоем. Об этом, кого ни спроси, все скажут одно и то же.

В тот день, сразу же после марш-броска, проводились боевые стрельбы. Солдаты так устали, что им даже на ужин идти не хотелось. Все мечтали поскорее попасть в душ, чтобы смыть с себя грязь и пот.

Как только солдаты очутились в ду́ше, от их усталости не осталось и следа. Не прошло и десяти минут, как в душевой от пара ничего не было видно даже в двух шагах, и тем, кто брился, то и дело приходилось протирать запотевшее зеркало.

Болдижар, стараясь перекричать шум воды из кранов и гам, громко рассказывал сальные анекдоты, которые все мы уже не раз слышали. И все же, несмотря на это, то тут, то там раздавался смех.

— Тревога! Тревога! — закричал вдруг кто-то и, стуча сапогами, побежал дальше по длинному коридору.

Сначала мы приняли это за розыгрыш, однако, когда дверь душевой распахнулась и на пороге показался веснушчатый дежурный по роте с серьезным лицом, все моментально поняли, что действительно случилось какое-то несчастье.

— Наводнение! Выезжаем в район Тисы — Самоша на спасательные работы.

Все это казалось неправдоподобным. Мы никогда и не подозревали, что области Сатмар угрожает наводнение. Правда, газеты писали о ливневых дождях в горах, однако никому из нас и в голову не могло прийти, что из-за этого нас вскоре поднимут по тревоге.

Весна в тот год стояла прекрасная. В Пилише, где находилось наше стрельбище, склоны гор покрылись свежей зеленью и цветами. Все это радовало глаз, и, казалось, ничто не предвещало, что в какой-нибудь сотне километров разбушевавшаяся природа готовит людям стихийное бедствие. В свободное от занятий время мы собирали грибы или бездумно валялись на зеленой траве, слушая щебетание птиц.

На рассвете прибыли в Матесалку. Было свежо. Невыспавшиеся, с затекшими от долгого сидения ногами, мы вылезали из грузовиков.

Нам казалось, что в районе бедствия царит паника, но мы ошиблись. Местные жители были возбуждены, как бывают возбуждены люди накануне большой ярмарки, однако никто в истерику не впадал. То тут, то там небольшими группами стояли мужчины и женщины, стараясь далеко не отходить от ворот собственного дома, но и ничего не пропустить мимо ушей.

По обе стороны шоссе, под деревьями, урчали грузовики, готовые в любую минуту тронуться в путь. Между ними виднелись мотоциклы и частные легковушки. И те и другие — с включенными фарами.

В предрассветном сумраке мы с трудом узнавали друг друга. Терли заспанные глаза, разминали затекшие руки и ноги, осматривались.

Быстрее всех сориентировался Ижак: он был родом из этих краев и сразу же нашел общий язык с местными жителями. Они мигом обступили его и внимательно слушали то, что он им говорил.

— Не прошло и двух часов, как уровень воды в Самоше поднялся на сто двадцать сантиметров, — тихо рассказывал один из местных жителей.

— В каком месте?

— Напротив Ченгера, у села Тоторалу.

— Знаю, знаю.

— Где теперь это Тоторалу? — тяжело вздохнув, сказала пожилая женщина.

— Где-то есть, — Ижак бросил суровый взгляд на женщину.

Женщина надвинула на глаза коричневый платок и заметила:

— Что-нибудь, может, и осталось от села, но об этом вы лучше вон их спросите! — и она кивнула в сторону двух женщин, которые молча стояли рядом с ней.

Одна из них, помоложе, сразу же сказала:

— Из вещей ничего не удалось спасти. Хорошо еще, успели одеться и убежать...

— А что случилось? Прорвало плотину?

— Большая вода пришла оттуда, откуда ее и не ждали, — из Румынии, — пояснила пожилая женщина, к которой боязливо жалась девочка лет десяти.

Молодая женщина причитала плача:

— Мы только что купили в рассрочку новую мебель. Все теперь пропало.

— Мы слышали, как вода шла, — проговорила вдруг девочка, — с таким шумом, будто самолет летел.

Солдаты переглянулись, чувствуя, что задача, поставленная перед ними, не похожа ни на обычный марш-бросок, ни на боевые стрельбы.

— А как в Фехердьярмате? — спросил Ижак, сердито пиная ногой колесоотбойный камень, будто именно он стал причиной бедствия.

— При нас там воды еще не было, — тихо ответил мужчина.

— Придет и туда, — заметила женщина в платке.

Все посмотрели на нее, однако на лице ее не было и тени злорадства, скорее сочувствие.

— А в Ланоше тоже наводнение. Когда я молодая была, из берегов не только Самош выходил, но и Тур. Каждую весну так было, — добавила женщина.

— Это — результат весенних дождей, — кивнул Болдижар. — За последние дни уровень воды в реках поднялся на семьдесят миллиметров.

— И вчера дождь лил, и позавчера, — поддакнула девочка.

— Циклон возник в Средней Европе, перевалил через Карпаты и вызвал там ливневые дожди. Они начались в тех краях еще в начале мая.

Мы с удивлением уставились на Болдижара. Всех немало удивило, что он так хорошо разбирается в метеорологии. Кто-то из нас даже попробовал сострить по этому поводу, но Болдижар, пропустив остроту мимо ушей, как ни в чем не бывало продолжал:

— До десятого мая почва уже так напиталась влагой, что больше уже не могла в себя принять ни капли. А тут еще эти ливни в Карпатах...

— По машинам! — крикнул командир, выходя из здания райсовета, и вскочил в «джип».

Когда мы прибыли в Фехердьярмат, вода в селе доходила до осей колес. Жителей спешно эвакуировали. Повсюду суета, беготня, погрузка. В первые минуты мы даже растерялись, не зная, с чего же нам, собственно, начать. И тут появился худощавый мужчина небольшого роста с загорелым лицом и стал говорить, что необходимо сделать в первую очередь.

Наш командир обрадовался, что наконец-то можно с кем-то посоветоваться, и мы стали выполнять все распоряжения незнакомца. Мы приняли его сначала за председателя сельсовета или же партийного секретаря, однако вскоре выяснилось, что это библиотекарь. «Библиотекарь?!» — удивились мы, глядя, как толково распоряжается он в сложной обстановке.

Ижак попросил у командира разрешения разыскать своих родственников, чтобы помочь им. Он довольно быстро узнал, что старики почему-то задержались на хуторе. Через полчаса за ними вылетел вертолет. Однако вернулся без них: от огромного винта пошли такие волны, что старики от страха спрятались на чердаке.

Чтобы снять их, нужна была лодка или же автомобиль-амфибия. В нашей части амфибий не было, а товарищи из советской воинской части двинулись в направлении Ноград, где прорвало плотину.

Нужно было принимать срочные меры. Вода, того и гляди, может смыть и хуторок, и стариков. Тем временем поднялся сильный ветер и опять заморосил дождь. Слабые духом люди в такие минуты или же ругаются почем зря, или же рыдают как сумасшедшие.

Ничего другого не оставалось, как отправиться в хутор на лодке. Ижак сидел на руле, я и Болдижар — на

веслах. Упершись ногами в дно лодки, мы старались грести в лад.

Вода была мутной и с неприятным болотным запахом. Поднявшийся ветер вздымал волны. Мы плыли навстречу ветру, и потому грести было нелегко.

Вскоре деревня осталась позади. Солнце, видимо, уже поднялось над горизонтом, хотя из-за тумана его и не было видно. Моросил мелкий нудный дождь.

То тут, то там торчали из воды деревья. Мы плыли вдоль аллеи высоких тополей, и это несколько облегчало нам труд: волны разбивались о стволы деревьев и уже не так сильно бросали лодку из стороны в сторону.

— А вон и хуторок, где живет мой дед, — ткнул пальцем Ижак.

Мы перестали грести и, обернувшись, посмотрели в том направлении.

— Вон тот? — спросил Болдижар.

— Нет, тот, что правее.

— Там, где одни крыши видны из воды?

— Он самый, вон, где виднеются кроны яблонь. Дед мой сажал эти яблони несколько лет назад. Я помогал ему, когда еще учился в гимназии.

Мы усиленно заработали веслами.

— В этом году они дали бы богатый урожай, однако, если вода долго не спадет, деревья пропадут ни за что ни про что... Два ряда «джонатана», два ряда «старкинга»...

Поскольку ни один из нас не жил у реки и не имел особого опыта в гребле, мы довольно быстро устали. Руки у нас так и горели. Казалось, что плывем мы уже не менее часа, а до хутора все еще далековато.

Искусно лавируя между стволами яблонь, мы медленно приближались к полузатопленному дому. Ижак начал кричать, звать старика, но никто не отзывался. Кругом только плеск воды да шелест веток, раскачиваемых порывами ветра.

Домишки на хуторе были невысокими, и вода подбиралась к основанию крыши.

— Дедушка! — время от времени громко звал Ижак. По тону его голоса чувствовалось, что с каждой минутой его все больше и больше охватывает тревога.

— Спят они, наверно, — робко заметил Болдижар. Он

понимал, что говорит глупость, но ему хотелось хоть как-то успокоить Ижака.

Мы описали круг около дома и остановились у двери, ведущей на сеновал.

— Дедушка! — громко крикнул Ижак в темное отверстие двери.

Через мгновение из темноты показалось перепуганное лицо старой женщины. Увидев нас, она разрыдалась.

— Вовремя приплыли, — степенно проговорил дед, выбираясь на свет.

— Мы прямо из Пилиша, — сказал Болдижар, — с двумя, так сказать, пересадками.

— Мы уж и не думали, что до нас доберутся. А домишко-то наш ветхий, того и гляди, завалится.

— Давайте быстрее барахло! — сказал Ижак и протянул руки. — Нам спешить надо, а то машины уйдут.

Старик и старуха стали подносить к двери набитые вещами мешки и узлы, завязанные в простыни.

Когда мы стали грузить узлы, я услышал какой-то непонятный шум. «Что бы это могло быть? — подумал я. — Ветер?» Я оглянулся. Кругом — только свинцово-серый цвет. Серое, свинцовое небо, казалось, слилось с морем такого же цвета воды.

— Вода идет! — охнула старуха.

— Да, вон она как шумит, — более спокойно подтвердил старик.

— Вон она волной надвигается! Вон!

Я тоже увидел серую, словно бетонную, стену воды. Она катилась к нам от самого горизонта.

— Значит, размыло плотину, — пояснил Болдижар.

Ижак молча подхватил старушку и усадил ее в лодку.

— Подай-ка мне наши ходики! — крикнула старуха мужу. — Я их возле трубы положила.

— Хватит! — ответил ей дед. — Надо уходить от волны, иначе она разнесет нас.

— Тогда бог с ними, с ходиками.

Нам действительно нужно было спешить.

Сначала мы отплыли от хутора, вернее, от того, что от него осталось, но потом решили, что, может, нам все-таки лучше остаться под защитой полузатопленных деревьев.

— Греби к яблоневому саду, — посоветовал старик.

Мы поплыли к саду. Действительно, между деревьями было значительно спокойнее.

— Какие из них «джонатан»-то? — поинтересовался Болдижар.

— А вот как раз эти и есть. — Старик ткнул пальцем в два ряда деревьев.

— Люблю я эти яблочки, особенно под рождество.

— Да, тогда у них какой-то особенный аромат.

Стена воды приближалась с молниеносной быстротой, неся с собой обломки деревьев, сучья и какой-то мусор.

— Ребята, — сказал вдруг Ижак, — беритесь-ка за весла! Вот так. Теперь упритесь ими в деревья с обеих сторон. А вы, бабуся, сидите и не шевелитесь, да держитесь крепче.

В этот момент крыша соседнего дома вздулась и с грохотом рухнула в воду.

Старуха закрыла лицо руками.

— Боже мой! Боже мой!

Вода заметно прибывала. Лодку бросало из стороны в сторону. Трудно сказать, сколько это продолжалось. Когда же вода наконец успокоилась, Ижак сказал мне:

— Вычерпай воду из лодки... И поплывем дальше.

Обратно мы плыли быстрее, так как нас несло течением. Ветер дул нам в борт.

— Ничего, не расстраивайтесь, — утешал стариков Болдижар. — Приедем сюда летом, построим вам новый хутор. Кирпичные дома поставим...

— А зачем нам такие?.. — махнула рукой старуха. — Нам и в старых будет хорошо.

— Государство вам окажет помощь, купите новую мебель, лучше прежней.

— Мне не мебель жалко, сынок, — и старуха бросила взгляд на Болдижара, — а труд человеческий.

Тем временем мы подплыли к новому зданию сельской больницы. Стены ее были укреплены мешками с песком.

Доктора сразу же забрали стариков и повели отдыхать, а мы пошли разыскивать свое подразделение.

Наши расположились в каменном здании школы.

— Идите на второй этаж. Там библиотекарь оставил для вас завтрак, — сказал нам командир взвода, выслушав доклад о том, что старики Ижака живы-здоровы и благополучно доставлены в больницу.

ЗОЛТАН ФАБИАН

ПРЕДАТЕЛЕМ Я НЕ СТАНУ

Я хорошо знаю эту гору. Правда, сначала я боялся подниматься на нее, а потом привык и даже полюбил ее. По склонам горы громоздились голые скалы, изрезанные глубокими трещинами. В расщелинах вили гнезда какие-то серые птицы с ужасно неприятными голосами. Там было мне все хорошо знакомо, так как я целых четыре года пас овец на этой горе.

Первый раз я поднялся на нее с отарой весной тысяча девятьсот пятнадцатого года, когда отца забрали в солдаты. А последний — в минувшее воскресенье. Наши заводские ребята упросили меня поехать с ними за город.

У самого подножия к отвесной скале прилепилась скромная хижина, срубленная еще моим дедом. Три стены ее были сложены из бревен, а четвертой служила скала, в которой была низкая, но широкая пещера. В нее я загонял овец, когда меня застигала в горах ранняя зима с сильными морозами.

Об этой пещере в нашем селе рассказывали всякие небылицы. Достоверно лишь то, что в ней когда-то действительно жили люди: скрывались разбойники и беглецы. Они повыдалбливали для себя укрытия, похожие на норы. Бабушка рассказывала, что из этой пещеры в крепость ведет потайной ход. Все четыре года я искал этот ход, но так и не нашел.

В тот год зима пришла рано. Уже в середине ноября выпало много снегу. Жизнь на горе затихла, лишь кое-где на склонах еще можно было увидеть мальчишек, пасущих скот. Однажды, когда перестал идти снег, одно-

сельчане решили, что, пожалуй, пора пастухам спускаться с овцами в село, пока не начались сильные ветры и не замело дорогу.

Наша хижина в горах была к селу ближе всех. От нее по лощинке до самой мельницы шла удобная тропинка. Здесь обычно собирались перед уходом пастухи. Договорились, что я им дам знак, когда буду спускаться.

Я забрался сначала на крышу нашей хибарки, а оттуда вскарабкался на вершину скалы и громко закричал:

— Ого-го-о-о! За-автра-а! — Это означало, что завтра я спущусь с отарой в село.

В ответ я услышал звонкое эхо — сначала от Льняной, а потом и от Черной горы: «...ооо-ааа... ооо-ааа».

Эхо отозвалось со всех сторон. Казалось, будто трезвонили колокола.

Но вот один за другим стали подавать голоса и другие пастухи. После полудня послышался последний крик от самого дальнего пастбища — от Красного камня. Там пас скот криворукий Яни. Он всегда отвечал криком, похожим на волчий вой. «Гу-ууу» — означало у него «да»; «ий-иййй» — «нет». Такой глупый был парнишка. Бедняга вскоре умер от испанки.

На закате сильно похолодало. Под вечер с гор спустился туман, но не густой, как сметана, когда ничего не видно, а такой жиденький серый туман, что ест глаза, словно пары соляной кислоты при пайке. Замерз не только я, но и овцы.

Я загнал дрожащих, блеющих овец в пещеру, а сам разложил костер у входа. Дождавшись, когда хворост хорошо разгорелся и языки пламени начали лизать серый закопченный свод пещеры, я принялся доить овец. Согревшись, овцы притихли, спокойно покорялись моим рукам.

Вечером я связал в узелок свои пожитки. А что же мне делать с пистолетом? Забрать в деревню или спрятать где-нибудь в пещере? Это был большой, тяжелый пистолет. Отец привез его с итальянского фронта, с берегов реки Пьяве, в первую зиму, когда ему дали отпуск после ранения. Этот пистолет он отнял у неприятельского офицера — выбил из рук штыком в рукопашной схватке. У нас в доме берегли отцовский трофей. Лежал он в верхнем ящике комода, под стопкой чистого белья. Его никому не разрешалось трогать. К нам в руки пистолет

попадал в те редкие дни, когда отец бывал дома на побывке. Как награду давал он одному из детей (а было нас семеро) подержать его.

— На, держи, посмотри! — говорил отец. — Вот из чего убивают простых людей.

Я очень удивился, когда однажды мать приказала отнести пистолет в горную хижину.

«Зачем она это сделала?» — думал я, разглядывая пистолет, который мать положила на дно корзины, под хлеб. Увидел я его только на следующее утро, когда невестка, провожавшая меня в горы, уже ушла обратно в село.

Странная женщина была эта Анча. Так звали у нас в семье жену моего старшего брата. Анчей, бывало, называл ее муж, когда хотел приласкать. Я еще никогда в жизни не видел такой великолепной наготы, как у этой женщины. Не возмущайтесь, пожалуйста! Я хорошо знаю, что взрослый мужчина редко говорит о таких вещах, но, если не упомянуть здесь об этом, вы просто не поймете, что же произошло там, на горе.

Я очень любил своего брата. Пожалуй, это была даже не любовь, а, скорее, какой-то восторг. Он старше меня на десять лет (я рос самым младшим ребенком в семье). Помню, как забирали его в солдаты. Эта картина врезалась мне в память. Брат стоял длинношеий, в сером френче и шапке с козырьком. Его лицо чем-то напоминало лик Иисуса Христа, каким его обычно рисуют на иконах. Не хватало только бороды. Правда, люди, которые вместе с братом были в плену, говорили, что там, в Сибири, брат отрастил себе такую же, как у Христа, бороду.

Как ни называй чувство, которое я испытывал к брату, но точно такое же чувство было у меня и к его жене. Я так привязался к Анче, что готов был ругаться из-за нее даже с матерью. Сейчас, когда я постарел, могу спокойно признаться, что с первой минуты был влюблен в круглолицую смуглянку Анчу и обожал ее со всей страстью подростка. Только долго не осмеливался, не хотел признаться в этом даже самому себе.

Недавно в одном иллюстрированном журнале я видел фотографию какой-то грузинской танцовщицы. Вы наверняка видели ее тоже. Так вот точно такой же была и Анча. По вечерам, когда она в кухне гребнем расчесывала

свои длинные густые черные волосы, которые доходили ей до бедер, воздух вокруг так и искрился.

Анча была невысокого роста, а походка у нее такая, что глаз не оторвешь. Каждую среду, когда невестка по обыкновению поднималась по тропинке в горы, я с раннего утра усаживался на вершине скалы, чтобы наблюдать за ней: одним глазом приглядывал за овцами, а другим косил на мельницу. Я всегда замечал ее у мельницы. Вот она обогнула озеро, переходит плотину, мостик и уже поднимается по тропке.

В ту среду, когда она принесла в корзине пистолет (о чем я еще не знал), Анча как-то очень странно вела себя со мной. Такой я еще никогда ее не видел! Она то подлизывалась ко мне, мурлыча всякий ласковый бред, то грубо огрызалась, ругая меня, словно сопливого мальчишку. Я молча терпел, пока мог, а потом резко встал и, не говоря ни слова, вышел из хижины. На горе паслись овцы. В тот день было ужасно жарко. Обе мои собаки, спасаясь от жары, растянулись под кустом, высунув языки. Я лег рядом с ними. Меня разморило, и я уснул. Обратно в хижину я вернулся только к вечерней дойке.

Сначала я не увидел Анчу и испугался, что она ушла домой. Это было бы скверно, хотя бы потому, что мне очень нравилось, как она готовила. А в среду она обычно варила что-нибудь вкусное: лапшу, рис с мясом или, как было в тот день, гуляш из баранины. Так что для меня среда была самым настоящим воскресеньем! Когда я подошел к хижине совсем близко, то заметил, что Анча здесь, что она никуда не ушла. «Готовит что-то!» В очаге горел огонь.

Я сдержался и не вошел в хижину. Набрав полный рот воды, вымыл руки, потом хорошенько ополоснул подойник. Можно приниматься и за дойку.

Пока я доил овец, Анча украдкой поглядывала на меня, а потом вышла из хижины и молча встала за моей спиной. Я сделал вид, будто не замечаю ее. Подоив овец, привел все в порядок и не спеша спустился в ложбинку к роднику. Помылся и только тогда вошел в хижину.

Анча стояла перед очагом в чем мать родила. Ее длинные черные волосы были распущены и прикрывали плечи и руки. Я заморгал, не веря своим глазам. Переводил взгляд то на ее полные груди с резко выступающими

сосками, то на толстые короткие ноги, то на выпуклый, как каравай, живот цвета свежеиспеченного хлеба.

Анча не произнесла ни слова, не прогнала меня, позволяя смотреть на нее. Она расчесывала волосы, которые слегка потрескивали и искрились. Мы так долго стояли друг перед другом, что дрова в очаге совсем догорели и в хижине стало темно. Но тело Анчи, слегка освещенное сбоку горящими углями, светилось, словно вся она была отлита из красного стекла.

Подняв руку, Анча жестом подозвала меня к себе.

Насколько смущенно и скованно стоял я перед ней, настолько я озверел от одного этого жеста. Я бросился на нее, как щенок. Обнимал, целовал, тискал ее тело. Я был неловок и жаден. Ведь до сих пор я не знал женщины. И она сразу же поняла это. Легонько оттолкнув, она как-то странно взглянула на меня своими черными чуть-чуть косящими глазами, будто что-то хотела сказать. Я слышал, как она шумно вздохнула, а затем молча схватила меня за руку и потащила к постели.

Заговорила она только перед рассветом.

— Ты! — сказала Анча, положив голову мне на грудь. — Теперь ты уже мужчина. Настоящий мужчина!

Больше она ничего не сказала, но этих слов я никогда не забуду.

С этого дня так было каждую среду, пока не наступили холода.

(История, рассказанная мне позже другими людьми о бородатом мужчине, похожем на Христа)

Пленный красноармеец стоял между окном и дверью, прислонившись широким плечом к стене. У него было скуластое татарское лицо и приветливые голубые глаза.

Два венгра вели меж собой разговор.

— Дурак я был, — сказал один из них, — что послушался тебя и пошел с тобой.

Он лежал в углу на полу, облокотившись на руку.

Второй венгр ничего ему не ответил. Он зашивал на шинели дыру, протягивая шпагат иглой, скрученной из проволоки. Его выцветшая борода делала его похожим на Христа. На ввалившихся висках проступали ниточки вен. Длинные узловатые пальцы то комкали, то разглаживали

старенькое серое шинельное сукно. Самодельная игла из проволоки сновала взад и вперед.

— Уж лучше бы я остался в лагере для пленных, прожил бы там еще года два, чем вот так, — продолжал лежавший на полу венгр. Он повернулся на другой бок, подперев кулаком круглое, приплюснутое спереди лицо, испещренное глубокими морщинами. — Так мы никогда не попадем домой: то красные, то белые на нашем пути. — И он ткнул большим пальцем в сторону окна.

— Красные отпустили бы нас домой.

— И эти отпустили бы.

Бородач посмотрел на своего товарища.

— Вот именно — бы! — Строгие серые глаза его как-то странно сверкнули.

— Ну что ты на меня так уставился? — Тот, кто лежал, быстро отвел глаза и проворчал: — Будто пророк какой.

Второй венгр запустил пальцы в вылинявшую бороду и почесал подбородок. Потом повернулся к пленному красноармейцу.

— Да сядь ты наконец! — сказал он по-русски, показывая красноармейцу место возле себя.

Русский не сел и ничего не сказал.

— Ты что, не слышишь? Оглох, что ли?! — закричал на него по-венгерски пленный с приплюснутым лицом.

Русский, похожий на татарина, все так же стоял, прислонившись к стене, и с равнодушным видом смотрел прямо перед собой.

Во дворе, перед самым окном, горел большой костер. Блики от него танцевали на противоположной стене, заливая комнату желтым светом. Вокруг костра сидели солдаты, молодые юнкера и казачьи офицеры. Они пели:

Волга, Волга, мать родная...

Некоторые играли в «угадайку». Под старой березой с ободранной корой на корточках сидела молодая цыганка в широченной зеленой шелковой юбке. Отгадывающий нагибался, пряча лицо в колени цыганки, а в это время по его заду, обтянутому суконными штанами, с шумом хлопали ладони. Вокруг раздавался громкий хохот.

Бородатый венгр, похожий на Христа, встал, поднял шинель и при свете, падающем через окно, начал разглядывать неровный шов. Своей работой он остался явно не-

доволен, но без настоящей иглы лучше ничего нельзя было сделать.

— Дома у нас тоже землю делят и заводы отбирают, — проговорил он, надевая шинель

— Все это сказки, дружище.

— Сказки?

— Конечно. Все это один обман.

— А я верю.

— Верь. Что тебе остается делать?

— Верю, так красные говорили.

— Один черт! — махнул рукой плосколицый. Только теперь стало видно, что его большая, круглая голова держится на тоненькой шее. — И красные, и белые — все они русские.

Бородатый не ответил. Он тянул и разглаживал серое сукно шинели. Красноармеец прижал голову к стене и закрыл глаза, его широкая спина как-то сгорбилась. Можно было подумать, что он спит, если бы не левая нога в огромном валенке, которой он слегка притопывал.

Вошел молодой офицер. Высокая казачья папаха лихо заломлена на затылок. Из-под нее выбиваются пряди русых волос. С лица еще не сошло веселое выражение. В комнату вместе с ним ворвались кровавые отблески костра, волна теплого воздуха, шум, смех и громкое пение.

Венгр, лежавший в углу, проворно вскочил.

— Добрый вечер, господин капитан! — путая русские и венгерские слова, сказал он.

Офицер слегка кивнул головой и по-русски спросил:

— Ну, что нового, мадьяры?

Венгр с приплюснутым лицом не понял офицера.

— Так точно, господин капитан! — щелкнул он каблуками.

Офицер скорчил недовольную гримасу и повернулся к другому венгру. Тонкая светлая бровь офицера вздернулась кверху.

— Ну?!

— Не встречались мы с красными, — ответил по-русски бородатый венгр. — В глаза их не видели.

— Точно?

— Точно, господин капитан.

— А вы все же еще подумайте.

Венгр с приплюснутым лицом спросил:

— Что он сказал?

— Чтобы ты заткнул рот!

— Я не хочу здесь погибать! Не хочу!

Офицер покачал головой и погрозил венграм пальцем, чтоб не шумели. Потом обратился к русскому:

— Пойдешь со мной!

Красноармеец взглянул на офицера своими кроткими голубыми глазами и, не говоря ни слова, направился к двери, заметно прихрамывая на левую ногу. Молодой офицер шел за ним. В дверях он остановился и бросил венграм:

— Не забудьте — до первых петухов! — и провел, как ножом, ребром тонкой ладони у горла.

Плосколицый вытянулся по стойке «смирно».

— Так точно, господин капитан! — И прищелкнул ботинками.

Офицер засмеялся и сдвинул папаху на лоб.

— Эх, мадьяр! — проговорил он и вышел, оставив после себя запах табака и бриолина.

В комнате снова стало темно. Лишь костер озарял окно. Тень от оконной рамы то дрожала на стене, то подпрыгивала вверх. Желтые отблески огня падали на лица венгров. Они стояли, в упор разглядывая друг друга.

Волга, Волга, мать родная...

Оба молчали, слушая пьяный рев офицеров, от которого порой дрожали стекла.

Со двора послышался чей-то крик:

— Уй-йй!

Это кричал красноармеец со скуластым татарским лицом, с добрыми голубыми глазами. Офицеры и юнкера привязали его к стволу старой березы и заставили цыганку жечь пленного раскаленными кузнечными щипцами. Зеленая шелковая юбка цыганки так и порхала, а сама цыганка смеялась, повизгивая, словно ее щекотали.

Молодой белокурый казачий офицер, скрестив руки на груди, сдвинув высокую папаху набок, пристально смотрел на пленного красноармейца.

— Уй-йй! — снова крикнул пленный. И ни слова.

— Видишь?! — прошептал венгр с приплюснутым лицом.

— Вижу.

— Так и нас будут терзать.

— Возможно.

— Ты этого хочешь?

— Предателем я все равно никогда не стану.

Плосколицый начал умолять:

— Ты всегда был мне верным другом, хорошим товарищем. Ты спас мне жизнь на фронте, — и он упал на колени перед бородачом,— так не желай мне смерти сейчас.

— Встань!

— У меня семья дома, двое детишек. Земля есть, свой дом...

— Предателем я не стану, — повторил бородач.

— Небольшой участок, но все-таки земля.

— Напрасно умоляешь. — Бородач рывком поднял товарища с пола.

Со двора снова донесся крик:

— Уй-йй!

Плосколицый венгр разрыдался.

— Я не хочу здесь околевать. Не хочу. — По его испещренному глубокими морщинами лицу текли слезы. Повернувшись к стене между окном и дверью, он продолжал причитать. Рыдания заглушали его голос. — Мне нет никакого дела до русских, я хочу вернуться домой.

Венгр, похожий на Христа, молча слушал, теребя длинными узловатыми пальцами выцветшую бороду, и задумчиво смотрел во двор, на пламя костра.

— Раз ты так любишь их, этих безумных красных, почему ты не остался с ними? Отпустил бы меня одного в дорогу.

— Я тоже хочу попасть на родину.

Плосколицый перестал рыдать, повернулся и, не глядя на товарища, спросил:

— Тогда чего ты тут геройствуешь?

— Я хочу вернуться домой,— ответил бородач.— И поделить там господскую землю.

— Глупый ты!

— Меня тоже ждут дома.

— Уй-йй! — раздался со двора крик красноармейца. Затем послышался визгливый смех цыганки.

— Кто, кто тебя ждет?! — закричал плосколицый. — Вшивые братишки? Сестренка? Кто? Или твоя бесплодная шлюха-жена?!

— Замолчи, ты!

— Мне замолчать, мне?! — Он подскочил к бородачу

и ударил его своим огромным кулаком в висок. — Прочь с дороги! — И, снова ударив бородача, побежал к двери.

Бородач схватил его:

— Ты останешься здесь!

— Господин капитан!..

— Замолчи, задушу! — Бородач схватил плосколицего за тонкую шею.

— Господин капита-аа...

— Замолчи!

— Капи-та-ааа...

Он оттащил плосколицего в угол и, сняв с себя серую шинель, накрыл ею труп. Бородач немного постоял над ним, сжав длинные узловатые пальцы.

Во дворе грянул выстрел.

Откуда-то сзади, из темноты, вышли белокурый молодой офицер и несколько юнкеров. Словно играючи, офицер легко подкинул вверх еще дымящийся револьвер и, поймав его рукой в элегантной перчатке, сунул в кобуру. Окружающие его юнкера восторженно прищелкнули языками и закричали: «Браво!».

Под березой, прислонясь спиной к ободранной коре, стояла теперь только цыганка и, разглядывая свою широкую шелковую юбку, пела

Волга, Волга, мать родная...

У нее был тоненький, будто хрустальный голосок.

Стоявшие вокруг костра вполголоса подпевали ей...

На рассвете, когда пропели первые петухи, бородатого венгры вывели во двор и тоже привязали к березе. Его пытали, как и русского. Цыганка, взвизгивая, жгла его тело раскаленными щипцами, а молодой казачий офицер в сдвинутой на затылок папахе молча стоял рядом, скрестив руки на груди.

Бородатого пытали, пока не взошло солнце. Он так ничего и не сказал.

(Рассказывающие мне эту историю утверждали, что когда молодой офицер выстрелил в бородатого, тот уже был мертв.)

В следующую среду я уже знал, почему мать отослала в хижину пистолет. Офицеры и вольноопределяющиеся ходили по домам, разыскивая скрывающихся красноар-

мейцев*. По словам Анчи, каждого, у кого находили оружие, сразу же ставили к стенке и расстреливали.

Как мне тогда было ни трудно разобраться во всем происходящем, но даже своим детским умишком я понимал, что случилось какое-то большое несчастье. Весной я часто видел красноармейцев. Они шли по долине, что была ниже крепости. Позже, в начале лета, видел я и то, как они на равнине рыли окопы, зигзагообразные такие окопы вдоль всей дороги. И вдруг в одно утро их нигде не стало. Следов боя не было видно, да и не было никакого боя, ведь тогда бы я слышал стрельбу. Значит, они ушли без единого выстрела.

Я долго думал, взвешивал и наконец решил: пусть пистолет остается на горе. В пещере есть хорошие тайники — сухие норы. В одну из них я и спрячу пистолет. Так и сделал. Завернув его хорошенько в какие-то тряпки, я пошел в самый конец пещеры и запихнул пистолет в одну из трещин. А чтобы не забыть это место, коптилкой сделал на скале отметку.

Устав и проголодавшись, решил чего-нибудь поесть.

Когда я жарил кусок баранины на углях, снаружи кто-то постучал.

— Кто там? — спросил я.

— Пропащая душа, — раздался чей-то голос. Мне было слышно, как зубы незнакомца выстукивают дробь: замерз.

— Чего тебе нужно здесь в такое время?

— Пусти меня, а то погибну.

— Если и пущу, то не ради денег, конечно, — ответил я, подойдя к двери, и отодвинул засов.

— Прости меня, братишка. Вижу, ты мужчина, настоящий человек. Спрячь меня, за мной гонятся, хотят меня убить.

Я подозвал незнакомца к огню. Это был высокий худощавый мужчина. Раньше я никогда его не видел. На голове порванная, промасленная бескозырка. Бекеша в нескольких местах разорвана, из дыр белеет курчавая овчина. Обмотки волочатся по земле.

— Спасибо, братишка, — протянул он мне руку.

---

* Здесь речь идет о бойцах венгерской Красной армии, которых преследовали контрреволюционные власти после ликвидации Советской Республики в Венгрии.

Мы ударили по рукам. Незнакомец присел на каменную плиту, поближе к огню. Долго он ничего не говорил, только вздыхал да свертывал свои обмотки. Ноги у бедняги, точно спички, и если б он не был в таком плачевном положении, я наверняка бы рассмеялся.

— Братишка, ты приютишь меня? — спросил он после молчания. — Меня только и ободрило, когда почуял дым твоего очага. А то бы лег в снег и замерз, чем опять к ним в лапы попадать.

— Вон там жареное мясо, — показал я. — Отрежь и ешь!

— Добрая у тебя душа, настоящий ты человек. — Вытащив из кармана штанов ножик с деревянной ручкой, он отрезал кусок зарумяненной на углях баранины и стал жадно есть.

Я отрезал краюху хлеба и подал незнакомцу:

— Ешь, ты мой гость.

— Ты угощаешь не так, как внизу.

— В селе?

— Да, там, в селе.

Я еще раз внимательно осмотрел этого дикого на вид незнакомца, но, сколько ни ломал голову, не мог вспомнить, чтобы я его когда-нибудь видел.

Я подсел к огню.

— Ты даже не спрашиваешь меня, кто я такой и почему меня разыскивают? — спросил незнакомец, продолжая есть.

Я пожал плечами и налил козьего молока.

— Свежее, еще пенится, — сказал я. — Только подоил. Попей и ты.

— Не хочешь знать?

— Потом скажешь, если захочешь.

— Ты прав, братишка, прав. Может быть, и мне было бы лучше, если бы я не хотел так много знать. Но уж такая у человека натура, что он все хочет знать, стремится к этому. За этим мы и на свет родились. Вот если бы я глаза да рот не открывал, тогда и сейчас мог бы преспокойно жить себе дома да работать в кузнице. А тут меня преследуют, гонят, как дикого зверя. А все почему? Да потому, что я ищу правду. Вся моя вина в том и заключается, что я хочу правды для себя и для других.

— Здесь можешь не бояться! — сказал я и, заметив, что незнакомец все еще дрожит, подбросил в огонь боль-

шую охапку валежника. Сначала сырые сучья не горели, от них шел лишь ядовитый дым, от которого мы прослезились и закашлялись. Но вот снова вспыхнул огонь.

Незнакомец опять заговорил:

— Был у нас комиссар. Ростом небольшой, а знал много, очень много: что где происходит и что нам нужно делать. Шли мы за ним, как ученики за Иисусом Христом. Думали, надеялись, что и другие тоже пойдут, что все будут за нас. И что же ты думаешь, браток? Попрятались люди кто куда — по углам да за печку — и слушают, где стреляют. Трусливая, собачья порода! И вот мы здесь: гонят нас, деньги за наши головы обещают. — Незнакомец вскочил на ноги. — За мою дают три тысячи крон. — И он похлопал себя по небритым впалым щекам. — Это вот за эту-то рожу! Три тысячи крон! Неплохие деньги, а?!

— Есть еще молоко, — сказал я. — Пей!

Незнакомец стих и сел у огня. Он пил молоко и приговаривал:

— Я это заслужил. Заслужил себе собачью смерть. Нужно было решительно действовать.

Он долго бормотал себе что-то под нос. Я уже не понимал ни слова.

(История брошенного на произвол судьбы комиссара, рассказанная мне позже его женой)

Повозка загромыхала железными шинами колес по дороге, усыпанной острыми неровными камнями. За ней в облачке пыли словно не ехали, а плыли два конника.

Поджав ноги и прислонившись к трясущейся спинке сиденья, на повозке сидела женщина. На коленях она держала голову мужчины, изо всех сил стараясь, чтобы его меньше трясло. Мужчина был без сознания.

Иногда женщина бросала умоляющий взгляд на сидящего на козлах бойца. И в эти минуты все ее лицо, и даже горькая складка рта, и испуганная полуулыбка — все, казалось, кричало о том, чтобы он ехал немного потише.

Закат был темно-багровым. Повеяло свежестью.

Сделав большой крюк, повозка съехала с дороги к реке, оставляя на мягком влажном песке глубокие следы колес. Возничий не спеша слез с козел и, отстегнув постромки, пустил лошадей пастись у костров. Они с хру-

стом поедали темно-зеленую траву и свежие молодые побеги.

Трое бойцов подняли мужчину, лежавшего без сознания в повозке, и уложили его на песок. Женщина присела на корточки у изголовья мужа, отгоняя от него злых комаров.

Возничий неуклюже стоял у повозки, теребя рукой бескозырку. Это был высокий, худой мужчина в бог весть какой свежести френче, который болтался на нем, как на вешалке. Он так часто переступал ногами, обутыми в солдатские ботинки с обмотками, что на песке быстро образовались маленькие ямки.

Два других бойца спустились к самой воде и возились у перевернутой вверх дном лодки.

— Надо же, чуть-чуть не убили человека! — сказал один из них, в матроске и в залихватски сдвинутой набок фуражке горного стрелка. Он штыком соскабливал смолу с бортов лодки и тут же замазывал ею трещины в днище.

— Что и говорить, неблагодарные люди! — произнес другой.

— Сзади ударили его, а ведь было их тьма-тьмущая.

— Вот и делай теперь для них что-нибудь! Не стоят они этого! — со злостью махнул рукой пожилой боец с порыжевшими усами. Одет он был строго по форме, за которой, видимо, тщательно следил.

Женщина, сидевшая возле раненого мужа, встала и направилась к красноармейцам, возившимся возле лодки, на ходу делая им знаки, чтобы они поскорее спускали лодку на воду.

Высокий боец в матроске недоверчиво покачал головой:

— До того берега, может, и выдержит.

— До того выдержит, — подтвердил, кивая, пожилой.

Лодку перевернули и столкнули в реку. На берегу остался один ее нос. Женщина не спеша села в лодку.

Боец в матроске и возничий, осторожно ступая по песку, несли раненого, который был все еще без сознания. Возничий шел вперед спиной. У него были длинные тонкие ноги. Когда вода дошла возничему до колен, они положили раненого на дно лодки.

— Подождите! Я мигом вернусь, — сказал пожилой

усатый боец. Он подбежал к повозке и взял из нее охапку соломы.

Красноармеец в матроске и фуражке горного стрелка легко приподнял за плечи худого невысокого раненого и застенчиво улыбнулся, словно стыдился собственной силы.

Женщина посмотрела на возничего, который все еще стоял в воде.

— А вы? — тихо спросила она, так тихо, что это скорее можно было понять по движению ее губ, чем услышать.

— Мы? — неуверенно переспросил боец и, ничего не ответив, зашагал к берегу. Подняв с земли два весла, он снова вошел в воду и по очереди вставил их в уключины.

Между тем подошел и боец с охапкой соломы. Медленно положил ее в лодку. Вытащив из охапки несколько клочков, он заботливо подсунул солому под голову раненого.

— Вот так! Вот так! — приговаривал он, точно мать, пеленающая своего младенца. — Теперь можешь опускать! — обратился он к молодому бойцу в матроске и начал нервно крутить свои порыжевшие усы, вытряхивая из них былинки.

— Спасибо, — сказала женщина и, сделав крохотную паузу, снова спросила: — А вы?

— Мы? — Рука, крутившая ус, замерла.

— Вы тоже поплывете на тот берег?

Возничий сунул под скамейку лодки ковшик:

— Наверняка пригодится.

— Или вы вернетесь?

— Мы и сами еще не знаем, — ответил пожилой боец.

Трое мужчин смотрели на маленькую, хрупкую женщину, испуганную и беспомощную. Она сидела скорчившись на скамейке лодки. На ней было легкое летнее платье в красный горошек и василькового цвета свитер. Густая светлая коса венцом уложена вокруг головы. От долгой тряски в повозке волосы женщины разлохматились, растрепались. Она была очень молода, почти совсем девочка.

— Да, не знаем, куда нам деваться, — дополнил пожилого бойца красноармеец в матроске.

Женщина понимающе кивнула.

Больше никто не проронил ни слова.

Худощавый возничий подошел к носу лодки и стал толкать. Потом сделал еще один шаг. Лодка лениво вздрогнула и закачалась на воде. Подавшись всем корпусом вперед, женщина занесла назад весла. Послышался всплеск воды — и опять длинный гребок.

После второго взмаха веслами река подхватила лодку и понесла ее вниз. Развернув лодку наискосок течению, женщина стала грести к противоположному берегу. Сначала ее движения были суетливыми, судорожными, но постепенно стали спокойными и ритмичными.

Всплеск весел, скрип несмазанных уключин да журчание воды у борта лодки, а кругом спускающиеся на землю сумерки. Над рекой медленно плыли рваные полосы тумана, плыли куда-то к югу. Весь мир вокруг казался лиловым и голубым.

— Боже мой! — воскликнула женщина, как только заметила, что в лодке по щиколотку набралось воды.

Голос ее разнесся далеко-далеко, и оба темных берега ответили ей эхом.

Схватив валявшийся под скамьей большой, выдолбленный из осины ковш, женщина стала быстро вычерпывать воду. Лежавший на дне лодки раненый застонал, зашевелился, затем поднял руку, будто хотел что-то объяснить, но рука тут же упала на промокшую солому.

Женщина оглянулась назад: течением реки лодку снесло, и трудно было понять, где они теперь находятся. Но она различала крутой, обрывистый берег. Выше рос кустарник, густой и плотный.

«Сейчас будет берег», — хотела было сказать женщина, но вспомнила, что говорить-то некому. Положив ковш, она снова начала грести частыми и сильными гребками.

Вот и берег. Он был здесь гладким, как раскрытая ладонь, чуть наклоненная к воде...

Мужчина лежал на песке вверх лицом. Около его головы начинался глинистый обрыв. Легкий, пахнущий рыбой ветерок топорщил темные кусты.

Женщина беспомощно хлопотала возле мужа, сжимая в руке лист подорожника. Казалось, она что-то искала, но сама не знала, что именно. Наконец она нагнулась, подняла подол белого платья в красный горошек и оторвала от него длинную полосу.

Затем присела на корточки и, положив голову мужа себе на колени, осторожными движениями стала расправ-

лять ему волосы, слипшиеся от крови. Показался кусок разорванной кожи и длинная глубокая рана на затылке.

Мужчина застонал и пришел в себя. Женщина старалась успокоить его, положила на рану прохладный гладкий лист подорожника и перевязала мужу голову.

— Где я?

— Здесь.

— Где?

— Здесь, со мной.

— Не знаю где. — Мужчина приподнял перевязанную голову, но тут же опустил ее, простонав: — Пить. Чего-нибудь...

— Сейчас принесу.

— Во-ды!

Женщина вскарабкалась на высокий глинистый обрыв. Раздвигая запутанные, перевитые вьюнком ветки ивы, колючие, царапающие лицо кусты терновника, она искала ежевику. Уже сильно стемнело, глаза с трудом различали ягоды. Она на ощупь старалась определить спелую ежевику. За ее спиной с шумом хлопали колючие ветки, острые лапы терновника рвали свитер.

Мужчина, лежавший на песке, продолжал стонать:

— Во-ды! Во-ды!

Женщина проворно, словно играючи, сбежала вниз. В левой ладони у нее была целая пригоршня ежевики. Осторожно раздавливая ягоду за ягодой, она капала в полуоткрытый рот мужчины красный, как вино, ежевичный сок. Ей хотелось сказать мужу несколько ласковых слов, но голос не подчинялся ей.

— Который теперь час? — спросил мужчина, приподнимаясь на локоть и ощупывая повязку на голове.

Женщина запустила руку в вырез платья на груди и, вытащив крошечные часики, висевшие на цепочке, открыла крышку:

— Четыре минуты девятого.

Мужчина усилием воли заставил себя сесть.

— Пошли! — вымолвил он и в ту же минуту повалился на землю.

— А куда ты хочешь идти? Куда?

— Обратно.

— Куда обратно? — наклонилась над ним жена.

— Обратно в село. — Мужчина перевернулся на живот и встал на четвереньки.

— Ты что, с ума сошел?

— Мне нужно туда вернуться.

— Ты туда не пойдешь!

Качнувшись из стороны в сторону, мужчина встал на колени и, словно взывая о помощи, протянул руки вперед.

— Я тебя никуда не пущу, — прижала его к себе жена.

— Нужно.

— Все равно не пущу.

— Тогда оставь меня! — Он попытался освободиться от ее объятий.

— Кто ты такой? Бог, что ли?

— Если бы я им был!

— Фанатик ты, настоящий безумец!

Мужчина кроткими глазами посмотрел на жену.

— Не будем сейчас ссориться. Очень тебя прошу, давай не будем мучать друг друга. — И он ухватился за плечо жены. — Лучше помоги мне!

— Нет, не буду тебе помогать умирать.

— Кто здесь собирается умирать?

— Ты.

— Глупости ты говоришь.

— Я знаю, что говорю.

Мужчина встал. Шатаясь из стороны в сторону, спотыкаясь, пошел по песку, сжимая обеими руками повязку на голове.

Жена бросилась перед ним на колени и обняла его ноги:

— Почему именно ты? Почему именно ты должен это делать?! Ты честно выполнил свой долг, остальное — не твое дело.

— Не мое дело?

— Они хотели тебя убить. Неужели ты не понимаешь?! Сзади ударили. Как бандиты, били тебя.

— Потому что не знали, чего мы хотим.

Женщина, словно обезумев, затрясла головой:

— Нет, я этого не позволю, нет и еще раз нет!

Мужчина наклонился и, запустив пальцы рук в растрепанные белокурые волосы жены, прижался к ее лицу ладонями:

— Пойми же ты наконец: мировая война закончилась, каждый народ начал новую жизнь. Тот, кто раньше одумается, тот большего добьется. Ты должна это помнить.

Нельзя допустить, чтобы здесь, именно здесь, в долине Тисы, нельзя было убедить людей. Просто уму непостижимо!

— А ты пойми другое. Они не хотят жить по твоей вере, не хотят — и все. Почему ты хочешь навязать им свою волю?

— Не я их насилую. Это собственная трусость тянет людей назад, а не что-нибудь.

— Поэтому они тебя и избили? Так?

— Зря ты смеешься. Меня-то они набрались смелости отколотить, а вот взглянуть в глаза собственным порокам не осмелились.

— И ты позволил избить себя?

— Пусть уж лучше они убьют меня, чем потом их растопчут другие.

— Все это высокие слова.

— Для тебя.

Женщина зарыдала.

Мужчина выпрямился. Он понимал, что это жестоко с его стороны, но эта жестокость несла спасение другим людям.

Вечер, впитавший в себя плач женщины, был тих и спокоен. Кусты молчали, и только внизу плескалась река, облизывая песчаный берег.

— Пошли, помоги мне!

Женщина ничего не ответила, она громко рыдала. Плечи ее вздрагивали.

— Хорошо, оставайся. Только покажи мне, где лодка. Покажи — и все.

Они пошли вниз к реке, ступая по песку. Первым шагал мужчина, за ним — женщина. Вышли из большой тени, спустились к самой воде. Здесь женщина обогнала мужа и показала ему лодку. Мужчина залез в нее, сел за весла. Женщина изо всех сил столкнула лодку в воду, потом неожиданно быстро вскочила в нее.

Река медленно катила свои волны, увлекая лодку по течению.

Кругом — слепая ночь да журчащая вода, похожая на черное стекло.

— Я не могу отказаться от тебя, — первой заговорила женщина.

— Я тоже не могу.

— Ты тоже? Потому что ты уже отказался?

Мужчина перестал грести:

— Думаешь?

— Знаю.

— Ничего ты не знаешь.

Женщина низко наклонила голову. Длинные белокурые волосы упали на ее узкий лоб, закрыв все лицо. В темноте казалось, светился каждый ее волосок.

— Ничего, ничего, — повторил мужчина.

— Все я знаю, — ответила женщина. — Уже все.

Мужчина вздохнул и закрыл глаза. У него не было сил отвечать. Крепко сжав рукоятки весел, он греб. Скрипели уключины. Женщина взяла в руки ковш и начала вычерпывать просочившуюся в лодку воду.

(Дальше жена комиссара не захотела рассказывать.)

Я уже думал, что мой странный незнакомец, сидевший скорчившись у огня, задремал, разморенный теплом, как вдруг он снова закричал:

— Я того заслужил, чтобы меня предали!

— Предали? — испуганно посмотрел я на него.

— Да.

— В селе?

— Тут, в селе. — И он беззлобно покачал головой. — А женщина красивая была! Я ей так поверил, как католики не верят святой Марии.

Я побледнел:

— Выдала?

— А почему бы ей и не выдать меня?

— А честь, а совесть?

— Ребенок ты еще, братишка! Настоящий ребенок. Где в наше время честь да совесть? Знаешь, какие деньги — три тысячи крон? — И он повторил по слогам: — Три-и ты-ся-чи крон!

Он что-то хотел еще сказать, но я шикнул на него. Откуда-то издалека в бревенчатую хижину донеслись чьи-то приглушенные голоса.

Мы переглянулись. С каждой минутой все отчетливее слышался скрип снега под ногами людей. Они приближались к нам.

Незнакомец вскочил.

— Офицеры. Я думал, что до утра они оставят меня

в покое, ан нет. Догнали. — Взгляд его лихорадочно перескакивал с одного предмета на другой. — Куда мне спрятаться, братишка, куда? Мне нужно как-то выбраться отсюда, а то они меня здесь схватят. Не хочу еще раз попадать к ним в лапы. Пусть уж лучше мною волки полакомятся.

Я сделал знак незнакомцу, чтоб он не волновался, и повел его в пещеру. По узкому извилистому ходу я привел его в подземный коридор, о котором говорили, что он ведет в крепость, и втолкнул незнакомца в темный закуток.

— Когда они уйдут, — шепнул я ему, — тогда выйдешь.

Я быстро вернулся в хижину и, сняв со стены шубу, бросил поближе к огню. Лег на нее.

Вскоре в дверь застучали.

— Не заперто, входите! — крикнул я, не вставая.

Вошли трое, похоже офицеры. Замерзшие. От холода стучат зубами. На меховых воротниках и бровях толстый слой сверкающего инея.

— Добрый вечер, господа офицеры! — поздоровался я, почтительно кланяясь.

— И тебе того же, дружок, — ответил тот, что вошел первым. Это был здоровенный мужчина, похожий на медведя, а голос его напоминал раскаты грома.

— Пожалуйста, господа офицеры, присаживайтесь, грейтесь, — вертелся я вьюном около них. — Я мигом подложу в огонь валежника. Жар есть, быстро разгорится.

— Умная речь, — кивнул офицер и, сняв перчатки, протянул окоченевшие руки к огню.

Я принес большую охапку хвороста и бросил около костра. Выбрав сухую сосновую ветку, я разломил ее о колено и, бросив в костер, раздул пламя. Я старался, чтобы костер не дымил, а то еще офицеры разозлятся на меня. Пусть лучше они уйдут спокойно...

— А я вижу, ты сегодня уже топил, — сказал тот, кто первым вошел в хижину. У этого офицера, похожего на медведя, была красивая густая борода, как у Лайоша Кошута на картинках. Иней на бороде растаял, и офицер вытирал ее рукой. — Похоже, что ты ради нас и топил. Уж не ждал ли ты нас, дружок?

— Я не ждал вас, господа офицеры.

— Другого кого-нибудь ждал? — И он подмигнул мне: — Солдатку какую или молодицу?

— Никого я не ждал.

— Грелся сам, и все, не так ли?

— Да, грелся.

Неожиданно лицо офицера стало строгим:

— Словом, этот негодяй был здесь!

— Какой негодяй?! — будто ничего не понимая, спросил я, а сам сильно перепугался. — Овец отогревал, господин офицер, чтоб не померзли.

Офицер недовольно кивнул и, поджав по-турецки ноги, сел на шубу — точь-в-точь так же, как до него сидел незнакомец. Двое других тоже подошли к огню. Я продолжал стоять, разглядывая оружие пришельцев. У первого офицера был только револьвер, зато двое других вооружены винтовками, вернее, короткоствольными карабинами. Офицеры сняли их с плеч и поставили, прислонив к стене пещеры.

— Хорошие ружья у господ офицеров! — сказал я и даже прищелкнул языком.

— Карабины это, — поправил меня самый молодой офицер.

Он был ненамного старше меня. Если бы я встретился с этим хилым юнцом где-нибудь один на один — справился бы с ним голыми руками.

— Мне всегда хотелось поближе посмотреть на настоящую винтовку или вот на такой карабин.

— Ну ты, не трогай, мотай отсюда! Это не для твоих лап! — грубо набросился на меня молодой офицер.

Офицер, похожий на медведя, спросил:

— Ну, дружок, как ты думаешь, зачем мы сюда пришли? Не угадал еще?

— Наверное, господа офицеры ищут кого-нибудь.

— Я же говорю, что ты умный парень, — потирая свои громадные ручища, сказал бородатый. — Может, ты даже знаешь, кого мы ищем?

— Этого я не могу знать. Если только господа офицеры скажут.

— Правильно. Вот я и скажу, чтобы ты знал. Мы ищем опасного человека, убийцу, большевика, который мутил народ. Он бежал сюда из села, от мельницы. — И громовым голосом вдруг закричал на меня: — Ну, говори, где этот человек?

— Я этого человека не видел, господин офицер.

— Не видел?!

— Нет.

Офицер поднял свою огромную красную ручищу и погрозил мне пальцем:

— Не устраивай комедии, дружок, а то придется расплачиваться. Этот человек здесь. От самого родника сюда ведут его следы.

Я очень перепугался, но у меня в запасе оставалась еще одна ложь.

— Эти следы мои, — ответил я, глядя прямо в глаза офицеру.

— Твои?

— Мои. Под вечер я спускался к ключу, свежей водицы принес. — И я поднял стоявший в углу кувшин с водой. — Боялся, что ночью ключ замерзнет и завтра я останусь без воды.

Офицер рассмеялся, но как-то сдержанно.

— Ну, хорошо, я тебя просто попугал. Я тебе все это рассказал, чтобы ты знал, что это за человек, если мороз загонит его сюда. — И, отстегнув от ремня фляжку, которая висела возле кобуры с револьвером, протянул ее мне: — Держи, дружок, глотни! Ты здесь хозяин — тебе первому и пить.

— Большое спасибо, господин офицер, я не пью.

— Не пьешь?!

— Живот от нее выворачивает.

— Жаль, очень жаль.

— Я привык молоко пить, свежее, парное.

— Верно, — кивнул офицер. — И, расправив рукой усы, сделал большой глоток из фляжки. Крякнул и передал ее своим спутникам. — Выпейте, в такую собачью стужу без палинки не обойдешься.

Военные выпили, офицер повесил фляжку на ремень.

Стало тихо. Только из глубины пещеры слышалось мерное сопение спящих овец да временами какой-нибудь ягненок шевелился во сне. Мы все четверо молча смотрели на угасающие языки пламени.

Вдруг бородатый офицер спросил меня:

— А как тебя зовут, дружок?

— Янош, Янош Мата.

— Как, как? — уколол он меня взглядом. — Скажи-ка еще раз.

— Я Янош Мата, господин офицер.

Офицер резко поднялся:

— Уж не сын ли того Гергея Мата, что живет у мельницы?

— От мельницы третий дом — наш.

— Твой брат был на итальянском фронте, не так ли?

— На Изонцо и на Пьяве, пока не попал в плен.

— Он служил у меня, дружок. Большую серебряную медаль я лично на грудь ему прикалывал.

— Да, у него есть награда, даже две. Отец рассказывал, что обе ему дали за то, что в рукопашной он всегда был впереди и первым колол итальянцев.

Офицер громко хлопнул ладонями:

— О, сынок, сынок! Тогда ты еще ничего не знаешь.

Я ужасно перепугался.

— Чего, чего я не знаю? — спросил я, запинаясь. — Господин офицер, пожалуйста, расскажите!

Сильный хлопок в ладоши и громкий разговор разбудили дремавших офицеров. Они с удивлением уставились на нас покрасневшими заспанными глазами.

— Эх, бедняга же ты, тихоня! — загрохотал офицер. — Этот проклятый негодяй ночью как раз у вас и бесчинствовал. Твоя бедная добрая мать приняла его, приютила. И знаешь, чем он за все это отплатил? Знаешь, что сделал этот мерзавец с черной душой? Он обесчестил жену твоего брата и сразу же, в теплой постели, задушил ее. А перед тем как сбежать, поджег ваш дом.

Я затряс головой, не веря сказанному.

— Все погибли, сгорели в огне. Смотреть страшно, — с сожалением закончил офицер и дал знак своим спутникам собираться.

Бряцая оружием, они вышли из хижины. Сквозь щели между бревнами еще долго слышался их разговор и скрип снега под тяжелыми шагами. Я стоял у очага. Меня бросило в жар. Ни вымолвить слова, ни пошевелиться я не мог.

— Не верь ни одному слову, братишка! — сказал незнакомец, выходя из темноты. — Наврал все этот пес, складно врал, словно по-писаному.

Я молча посмотрел на него такими глазами, что лицо его стало серым от испуга.

— Верь мне, браток, — начал объяснять незнакомец. — Когда я был на фронте, там убивал, много убил. Но после — ни одного. И дом я ни у кого не поджигал. А жен-

жина та сама зазвала меня в постель. Сказала, что вдова, муж давно умер и вот уж сколько лет она без мужчины.

— Замолчи! — заорал я как сумасшедший.

— Не хочу тебя злить, братишка, но эта женщина так меня ласкала-миловала, как никто никогда на свете.

Я готов был броситься на него и убить. Мне было нелегко сдержать себя, но я все же сдержался.

— Или это правда, или... — начал я, задыхаясь.

— Не понимаю тебя, братишка.

— Или ты и есть тот самый поджигатель и убийца, или же жена моего брата — продажная шлюха?..

— Если ты так думаешь, братишка, беги за жандармами. Ты их еще догонишь, и три тысячи крон — твои! Хорошая сумма, большие деньги! Можешь дом себе купить, хороший дом. И мне от этого лучше будет: хоть смерть моя кому-то пойдет на пользу.

— Предателем я не стану, — сказал я и пошел в глубину пещеры. Принес пистолет, завернутый в тряпки. — Видишь, я могу застрелить тебя сейчас, но делать этого не буду, — сказал я, показывая на пистолет. — Утром вытащим жребий. Кому повезет — тот будет стрелять первым.

— Но, сынок...

— Ты что, трус?

— Ты что, божьего суда хочешь?

— Называй как хочешь. Я хочу знать правду.

— Будь по-твоему. Мне не привыкать быть под пулями за правду.

На рассвете над плоскогорьем проплыла вереница густых облаков. Они грузно осели на скалы. Однако постепенно голые скалы освободились от них и заблестели на солнце. Из села донесся колокольный звон: звонили к заутрене.

Мы вышли из хижины на заснеженную полянку, утоптанную овцами. Отмерили двадцать пять шагов и бросили жребий. Ему выпал орел, мне — решка. Счастье мне улыбнулось — досталось право первого выстрела.

Мы стали на обозначенных местах. Я начал целиться. На фоне голубоватого снега четко вырисовывалась высокая худая черная фигура. Сначала я целился незнакомцу в грудь, затем приподнял дуло и прицелился в голову.

Он стоял спокойно, безразлично следя глазами за дулом пистолета.

Я нажал курок.

Руку мою сильно толкнуло. Раздался оглушительный грохот. Я закрыл глаза, не желая видеть случившегося. Выстрел вспугнул птиц, гнездившихся в расщелинах скал. Они со страшным криком взлетели в воздух и закружились надо мной.

Я открыл глаза. Живой и невредимый, незнакомец стоял на своем месте и так же безразлично смотрел на пистолет, из дула которого вился тонкий дымок.

Вытерев со лба холодный пот, я подошел к нему и подал пистолет.

— Пожалуйста, твоя очередь!

Незнакомец кивнул. Взял пистолет, осмотрел его и начал подбрасывать на ладони, будто определял, сколько он весит. Я вернулся на свое место и встал лицом к незнакомцу. Страха у меня не было. Я вообще ничего не чувствовал. Незнакомец продолжал играть пистолетом, потом вдруг неожиданно щелкнул чем-то (я хорошо слышал негромкий щелчок). В руку ему выскочил магазин с патронами.

Я с удивлением смотрел, как он переложил пистолет в левую руку, а пальцем правой начал выталкивать патроны из магазина. И вдруг бросил их в пропасть.

— Что ты делаешь? — закричал я.

Он не ответил.

— Почему ты не выстрелил?

— Теперь твоя совесть чиста, братишка.

— Убей меня!

Незнакомец вдруг начал смеяться, все громче и громче. Раскачиваясь из стороны в сторону, словно пьяный, он хохотал, задыхаясь и колотя себя кулаками по худым ляжкам и угловатым коленям.

Звук от моего выстрела разнесся далеко вокруг. Он отозвался эхом от окружавших плоскогорье приземистых скал и вспугнул не только птиц, но и трех жандармских офицеров. Не знаю, где они провели ночь, но, видимо, где-то поблизости, так как очень скоро оказались возле нас.

Их начальник, огромного роста бородатый офицер, похлопал меня по плечу и стал хвалить. Офицеры, вооруженные карабинами, схватили незнакомца.

— Не горюй, братишка!.. Подрастешь — поймешь! — сказал он мне, перед тем как его повели по тропинке вниз, к мельнице.

Три тысячи крон власти выплатили нам год спустя: половину получила моя мать, другую половину — жена брата, Анча. По этому случаю в селе был настоящий праздник. Сам староста выступил с речью. Даже из города кто-то приезжал и тоже выступал. Но в то время эти деньги уже почти ничего не стоили. Мать на свою половину хотела было купить поросенка, но ее засмеяли на базаре, когда она сказала, что у нее только полторы тысячи крон...

Я хорошо знаю эту гору. Там я познал правду жизни...

ЗОЛТАН ГАЛАБАРДИ

ДИКИЕ КАШТАНЫ

Солдаты ворчали: «Неужели так уж нужно каждый раз предупреждать о долге, напоминать об Уставе, о необходимости быстро и без колебаний выполнять приказ?.. Твердить о серьезности и важности задачи? Разве так уж надо повторять это?!» Разумеется, солдат должен знать свое дело, тем более если оно трудное и опасное.

Нужно признать, правда, что тревогу действительно объявили совсем не вовремя — в воскресенье утром, когда многие солдаты уже строили планы, как провести свободный день...

— Надо же, именно в воскресенье!.. — меланхолично сетовал один из солдат, словно продолжая свою мысль.

— Тревогу всегда дают «не вовремя», — философски заметил его сосед.

Такач сделал вид, будто ничего этого не слышит. Опершись спиной о борт грузовика, он смотрел по сторонам, любуясь яркой зеленью кустов и деревьев, мелькавших вдоль дороги. Запоздалая весна, казалось, торопила землю, призывая ее наверстать упущенное: на бескрайних полях буйно тянулись к солнцу зеленые всходы, а на темном фоне лесов ослепительно белыми пятнами выделялись соцветия боярышника.

Такач плотнее запахнул тужурку: солнце хотя и светило ярко, но особого тепла еще не чувствовалось, а ветер, усиливаемый скоростью мчащейся машины, пронизывал до костей.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите спросить! — обратился к Такачу командир отделения. Офицер

кивнул, и тот продолжал: — Может, прикажете, песню спеть?..

Старший лейтенант хотел было и на это утвердительно кивнуть, но передумал.

— Не стоит, — ответил он. — Подумайте лучше, что́ за задача нас ждет и в каких сложных условиях придется нам ее решать... Петь сейчас неуместно... Ясно?

— Так точно.

Такач прикусил губу. Он почувствовал, что говорил сейчас, как плохо вышколенный попугай: задача, сложные условия, неуместно... Какая глупость! К тому же эти солдаты совсем мало его знают, а ведь обычно он так и не разговаривает. Никто из них сейчас и не подозревает, какие мысли обуревают его в этот момент, что́ его мучит. Откуда им это знать?! Впрочем, их это и не касается. Их дело, да, собственно, сейчас и его — выполнить приказ и благополучно вернуться назад, по возможности в полном составе, целыми и невредимыми...

Старший лейтенант опять стал смотреть на открывавшийся из машины пейзаж. На память ему почему-то пришел давний спор... Десять... да нет, пожалуй, и все пятнадцать лет назад — время ведь не ждет... Да, вот уж пятнадцать лет, как завязался тот спор. Его собеседник выражал тогда опасения, что коллективизация искалечит крестьян, и прежде всего потому, что раньше земельные наделы принадлежали кому-то лично и каждый видел в них основу и смысл своего существования. Эти извечные отношения человека к собственной земле, наполненные благородным духовным содержанием, стали одним из важнейших факторов жизни крестьянина. А такая быстрая, безжалостная ломка должна, мол, наложить не на одно поколение крестьян тяжелое бремя страданий... Тогда Такачу не очень хотелось углубляться в спор, тем более что его оппоненту важнее были звонкие фразы, чем само содержание спора. За минувшие с тех пор годы эти звонкие фразы потеряли всякий смысл. Крестьянин душой прикипел к большим земельным угодьям, и если даже и ссылается на прошлое, то лишь тогда, когда недоволен либо руководством, либо результатами годового расчета...

Майор Мартинко, высунувшись из окошка кабины, спросил:

— Далеко еще?

— Шесть километров, — стараясь перекричать шум ветра, ответил Такач. — А может, семь...

— Так шесть или семь?

Охотнее всего Такач просто бы пожал плечами. И чего только прицепился этот Мартинко? Не все ли равно — шесть или семь километров?.. Даже если ответить точно, и то ошибешься: машина мчится и расстояние меняется... Однако в присутствии солдат нельзя пожимать плечами, когда спрашивает командир. К тому же Мартинко в общем-то прав: их послали на выполнение сложного и опасного задания, и тут не только метрами нельзя бросаться, но и каждый миллиметр придется учитывать...

— Если за деревней, то семь километров, а если по эту сторону, то и шести не будет.

Мартинко что-то ответил на это и засмеялся, но рев мотора, набирающего скорость, и свистящий ветер поглотили слова командира.

Кто-то из солдат тихо рассказывал анекдот. Слушатели громко рассмеялись. Наверное, анекдот был «соленым», это чувствовалось по лицам солдат.

«Что ж, хорошо, что у них хорошее настроение, — подумал старший лейтенант. — Петь нельзя, так они шутят. В общем-то, они правы. И они, и Мартинко, и крестьяне, и даже пробуждающаяся земля — все по-своему правы. Вопрос только в том, как все это сочетается, не противоречит ли одно другому...»

Машина остановилась у здания сельсовета. Их уже ждали председатель, секретарь и бухгалтер. Тут же толпилось еще человек двадцать крестьян в воскресных костюмах. Председатель, отвечая на вопросы Мартинко, все время выпячивал грудь. Казалось, он хотел стать по стойке «смирно».

Мартинко усадил председателя в кабину рядом с собой, чтобы тот показывал дорогу. Остальные, моргая глазами, разочарованно смотрели вслед удаляющейся машине. Может, они думали, что солдат с машины попросят, а они сядут вместо них? Ведь событие-то в первую очередь касается их деревни, а не какой-нибудь чужой...

Километра через полтора они увидели несколько бульдозеров и экскаваторов, маячивших посреди поля, заросшего полевыми цветами, бурьяном и кустарником.

— Слезай! — прозвучала команда. Солдаты спрыгнули

на землю. Старшина мгновенно построил их и стал в конце шеренги.

Председатель сельсовета направился было в сторону землеройных машин, но Мартинко остановил его:

— Спасибо. Тут уж мы сами найдем дорогу, а вы возвращайтесь в деревню.

Председатель опешил.

— Я думал, может, понадоблюсь вам...

— Нет, нет, спасибо. Вы можете спокойно возвращаться. И прошу вас: не пускайте любопытных. Особенно детей!

— Не беспокойтесь, товарищ майор... — закивал председатель. — Мы все сделаем... А потом — милости просим в Дом культуры, к накрытому столу... Надеемся...

Председатель сельсовета замолчал, веки его дрогнули, и он отвел взгляд. Все хорошо поняли, что он хотел сказать...

Председатель ушел. Мартинко приказал сгрузить с машины инструмент и оборудование, потом кивнул Такачу, и они вместе направились к стоявшим в поле бульдозерам и экскаваторам. Повинуясь многолетней привычке, Мартинко и Такач осторожно ступали по траве. Навстречу им шел полицейский. Они остановились, поджидая его.

— Товарищ майор, докладывает сержант Пал Миклоши...

Голос с хрипотцой, воспаленные веки и какая-то скованность в движениях — все говорило за то, что сержант провел ночь без сна.

То, что им доложил полицейский, в основном уже было известно. Рядом с деревней один из будапештских заводов начал строить свой филиал. Прислали землеройные машины, а когда стали копать землю, наткнулись на мину.

Отдав, как положено, рапорт, полицейский уже неофициальным тоном добавил:

— А вообще-то, скажу я вам, страшно все это. Эту штуку заметил один из экскаваторщиков. Сначала он шутя объявил, что нашел ежа. Все засмеялись, но когда посмотрели поближе... Хорошо еще, что землю они осторожно руками отгребали... Сейчас экскаваторщики сидят в деревне и дрожат от страха. Сельсовет устроил их на постой. Они теперь и нос из дома высунуть боятся: все

им кажется, вот-вот под ними взорвется мина. А члены сельсовета переживают: как бы из-за этого случая стройку не перевели в другое место...

Мартинко закурил сигарету, угостил Такача и предложил полицейскому.

— Спасибо, некурящий, — поблагодарил полицейский и продолжал: — Но самое странное в этом деле — то, что мина, если не ошибаюсь, не сухопутная, а морская. Противокорабельная. И как только она сюда могла попасть? Загадка!..

— Ясно, — отозвался Мартинко, причем ни в его голосе, ни на лице, к явному разочарованию полицейского, не было ни малейшего удивления, хотя морская мина, даже если она человеку и не в диковинку, здесь все равно удивительная находка...

— Вас сколько в наряде? — спросил майор.

— Трое. Вчера вечером из сельсовета сообщили в отделение, и нас троих направили сюда. Младший сержант Антал находится сейчас у мины, а товарищ Пап — в селе. Мне пришлось его отослать — бедняга совсем раскис: подхватил где-то насморк. Не мог выбрать более удачного времени...

Мартинко сказал полицейскому, чтобы весь их наряд находился в деревне и держал под контролем дороги, не пуская в этот район ни любопытных, ни праздношатающихся.

— Вас понял, — ответил полицейский. — Но если все же мы понадобимся...

— Надеюсь, не понадобитесь. Только спасите нас от любопытной публики. Сегодня ведь, к сожалению, воскресенье, люди свободны.

Полицейский подал знак своему товарищу, отдал честь, и они оба двинулись в сторону села. Мартинко и Такач вернулись к машине. Майор приказал солдатам разбиться по парам и прочесать местность: если кто случайно попадется, отвести в безопасное место. Парные дозоры минеров, не мешкая, разошлись в разные стороны, а оба офицера вновь направились к экскаваторам. Они опять шли с привычной осторожностью, хотя на этот раз след, проложенный полицейским, придавал им больше уверенности.

— Морская мина... — рассуждал вслух Мартинко. — Такую я еще не пробовал на зуб...

Такач промолчал, будто не расслышав слов командира. В этот момент старшему лейтенанту пришла на ум озорная мысль, но он постеснялся высказать ее вслух. А подумал он о том, что в мезозойский период на территории Венгрии было море... Вот, наверное, с тех времен и осталась морская мина... Конечно, можно было бы славно посмеяться над этой шуткой, а в такие моменты хороший смех многого стоит...

Землеройные машины, по-видимому, очень недолго здесь работали: только подняли грунт с площадки размером с небольшой двор, как была обнаружена мина. Двенадцать машин сразу замерли как вкопанные, люди быстро, как и полагается, покинули опасную зону. Легко представить, как всполошенные люди старались уйти подальше от этого страшного места. Шагали осторожно, стараясь попасть в след впереди идущего. И еще долгие месяцы, а то и годы будут они холодеть от ужаса при мысли: «А что, если б не заметили мину?..»

— Все машины — на пятачке, — ворчал Мартинко. — Выхлопные трубы касаются одна другой. Н-да, счастье, что вовремя заметили...

Они уже увидели мину. Бóльшая ее часть находилась в земле, наружу высовывалась лишь часть шириной в дветри ладони. Отростки торчали на поржавевшей поверхности мины, как редкие волоски на облысевшем черепе. На металлическую обшивку налипли небольшие комья земли, жирный дождевой червь лениво извивался между ними.

— Да, это действительно морская мина, — подтвердил Мартинко. — Не удивлюсь, если найдем на ней и стрелку... Ну да ладно. Сейчас нам нужно решить, как удалить ее отсюда... Ты как думаешь?

— Пока я еще ничего не придумал...

Мартинко подозрительно взглянул на Такача и покачал головой. Впрочем, нельзя было сказать с достоверностью, относился ли этот жест к словам Такача или к самой ситуации.

Возвратился один из патрулей. Старший доложил, что местность от любопытных очищена.

Такач глубоко вздохнул и вдруг обрушился на обоих патрульных:

— Вы спрашивали разрешение приблизиться к нам? Вы что думаете, тут в бирюльки играют?! Пора уж вам

научиться быть дисциплинированными! Смотрите, а то я с вас строго взыщу!..

— Возвращайтесь к машине! — приказал Мартинко. Когда солдаты ушли, он обратился к Такачу сухим официальным тоном: — Товарищ старший лейтенант, доложите!

— Доложить?! А что, собственно, доложить?

— Чувствуете ли вы себя готовым выполнить задание? Нервы в порядке?

— Товарищ майор, докладываю: чувствую себя вполне нормально!

— Порядок! Ваш ответ расцениваю как вполне ответственное заявление...

Мартинко сдвинул на затылок фуражку и продолжал:

— Итак, с формальностями закончено. Но послушайка меня внимательно, Карчи! Скажу тебе по-дружески: не пытайся мне очки втереть. Я ведь не дурак и не слепой. Даже если б я и не был с тобой знаком двадцать лет, то и тогда бы заметил, что ты чем-то расстроен... Случилось что-нибудь?

— Ничего... Собственно говоря, ничего...

«Собственно говоря»! Эх, люблю я, черт побери, это слово! «Собственно говоря, ничего»! А ведь за такой формулировкой может скрываться все, что угодно...»

— Беда моя, как и у всякого выздоравливающего больного: нужно запастись терпением до полного исцеления.

— Что-нибудь по службе? Нет? Дома неприятности?

Такач попытался рассмеяться, но у него получилась лишь жалкая усмешка.

— Неприятности?! Не сказал бы... Ильдико ушла...

— Ах, вот как... — Мартинко крякнул, взглянул на часы и процедил сквозь зубы какое-то ругательство. — Ну что ж, приступим. Давай распределим людей!

Они вернулись к машине. Мартинко коротко доложил обстановку. Он говорил заученными фразами. Впрочем, и не мудрено: за двадцать лет ему много раз приходилось говорить в общем-то одно и то же.

— Сегодняшнее задание несколько необычно: нам предстоит обезвредить морскую мину. Мы пока еще не знаем, как она попала сюда... Ефрейтор Мольнар!

Ефрейтор вышел из строя.

— Насколько мне известно, вы выступали с репортажем по телевидению?

— Так точно, товарищ майор. А что, здесь тоже нужен репортер?

— Вот именно! Сегодня вам представился случай показать свои способности. Отправляйтесь в село и отыщите там стариков, которые помнят отступление немецко-фашистских и хортистских войск в этих местах. Узнайте, не припомнят ли они чего-нибудь такого, что связано с минами? Может, они даже знают, где эти мины устанавливали?.. Задание понятно? Ну и хорошо! Постарайтесь побыстрее обернуться! Доложите о результатах самое позднее через полтора часа.

— Слушаюсь, — коротко ответил ефрейтор и быстрым шагом направился в село.

— Мы должны считаться с вероятностью того, — обратился к остальным Мартинко, — что рядом с миной зарыты и другие мины или заряды. К сожалению, техническая разведка приборами здесь невозможна. Видите, сколько тут стоит машин? Такое скопление металла безнадежно запутает поиск. Остается древний способ — вручную тыкать землю. Пусть каждый возьмет щуп. Надо тщательно проверить весь участок местности вокруг мины и около машин. Проверяйте по крайней мере на глубину метра. Соблюдайте максимум осторожности! Иначе о результатах поиска вам придется докладывать в аду или в раю. Можно начинать!

У машин остались только Мартинко и Такач. Закурили.

— Как же все-таки получилось, что она ушла? — спросил, помолчав, Мартинко. — Просто взяла и ушла?

— Ушла... Да если б и не ушла, я сам бы с ней порвал... Сам бы порвал. Это — как больной зуб: мучишься, мучишься, а спасение одно — вырвать. Понимаешь это, а все откладываешь... Мне давно уже нужно было удалить этот зуб... По крайней мере, не пришлось бы теперь краснеть от стыда...

— Чего ж тут стыдиться? — проговорил Мартинко.

— Чего стыдиться? Того, что сам себя долго обманывал. Дескать, может, еще образуется все... Хотя уже с полгода чувствовал и понимал, что дело безнадежно зашло в тупик...

Такач замолчал, потом бросил окурок и сердито затоптал его.

— Каким можно быть непроходимым глупцом! Ведь я и сейчас себя обманываю, когда говорю: «полгода». Мне стало ясно это уже год назад. Совершенно ясно! Уже год, как меня гложет эта мысль.

— А по-моему, раз такая история уже позади, то это только лучше, — заметил Мартинко, чтобы хоть что-то сказать. — Ничего... успокоишься, придешь в норму... Ты ведь еще не старый. В следующий раз лучше выберешь. Детей у вас, к счастью, нет.

— К счастью...

— Я это в том смысле... — смутился Мартинко. — В твоем положении...

— Напрасно ты смущаешься. Ты ведь прав! В таком положении действительно хорошо, что у нас нет ребенка... Она не хотела: мол, не хватает ей еще остаться вдовой с ребенком на руках! Дескать, моя профессия — сапер-подрывник — это все равно что танцевать со смертью... Чего ради ребенку быть сиротой?.. Было время, когда я принимал все ее разговоры всерьез. Мне даже нравилось, что она так тревожится за меня. Приятна была даже ее болтовня о том, что она, мол, не переживет, если со мной что случится... Это была действительно самая настоящая болтовня. Теперь-то это совершенно ясно...

Солдаты закончили поиск. Грунт был мягким, податливым, и щупы легко входили на нужную глубину. Только трижды штыри наткнулись на что-то твердое: когда откопали, то увидели два здоровенных камня и ярко-красную кастрюлю. По поводу кастрюли разгорелся жаркий спор, началось буквально состязание острословов: как она попала почти на метровую глубину.

— Это мы потом выясним,— положил конец спору Мартинко. — А сейчас ройте траншею к мине. Только смотрите не касайтесь мины. Самое главное: если заметите хоть что-нибудь необычное, немедленно прекращайте работу и докладывайте.

Офицеры опять остались у машины: пока еще они были не нужны. Солдаты быстро и уверенно углубляли ров, опоясывающий мину. Мартинко и Такач внимательно наблюдали за работой солдат, готовые при первом же тре-

вожном сигнале немедленно отдать необходимые распоряжения и прийти на помощь.

Мартинко ни о чем больше не спрашивал. Однако Такач хотел выговориться, излить душу, все, что накопилось у него, пока он терзался наедине с самим собой. Майор понимал, что, как только Такач освободится от мучивших его мыслей, от снедавших его гнева, возмущения, горечи и какого-то стыда, он сразу почувствует облегчение.

— Я сказал, что это у нас с год уже как началось. Наверняка началось раньше, только я не замечал этого... Как-то мы отмечали день рождения ее старшего брата. Была вся ее родня. Родители, братья и сестры, друзья и приятели. И я, глупец, пошел зачем-то туда!.. Не нужно было бы!.. Хотя от этого ничего не изменилось бы... Ты ведь знаешь, я всегда недолюбливал ее родню. Впрочем, и они меня тоже. Родители считали меня самым настоящим грабителем, вторгшимся в их семью. Ведь я похитил у них дочь... В этом было что-то увлекательное и красивое, особенно в самом начале. Объявление войны старым обычаям и привычкам, отсталости, отжившим свой век нормам... «Старики потом примирятся, — рассуждал я. — А нет — тоже не беда...» Но я ошибался. Старики только с виду смирились, просто им ничего иного не оставалось. Им удалось укротить меня: я даже начал привыкать к ним, стал величать их «папашей» и «мамашей». Радовался, что все у нас тихо и мирно... Но я был наивным простачком! Старики заключили со мной лишь временное перемирие — только и всего!..

Солнце стояло уже высоко. Над полями прозрачной завесой поднималась легкая пелена испарений, сквозь которую вырисовывался далекий лес, а еще дальше, над деревней, маячила колокольня церквушки, контуры которой расплывались в мареве.

Солдаты кончили рыть траншею вокруг опасного участка. Старшина доложил, что приказ выполнен и никаких нарушений не замечено.

— Спасибо, — сказал Мартинко. — А теперь распределите людей по наблюдательным пунктам. Следите, чтобы никто не вошел в зону работ.

Прибыл ефрейтор Мольнар. Путь в оба конца он проделал бегом и сейчас тяжело дышал. Лицо его раскрас-

нелось, со лба струился пот. Ему ничего не удалось узнать. Он беседовал с пожилыми крестьянами и крестьянками, но никто не рассказал ничего конкретного, что помогло бы в поиске. Старожилы говорили о солдатах, проходивших через село, о раненых. Многие старики охотно хотели поделиться своими воспоминаниями тех лет, но о минах, о том, как они сюда попали, никто ничего не знал.

— Это в порядке вещей, — успокоил ефрейтора командир. — Подобные фокусы гитлеровцы не очень-то проделывали на глазах у жителей...

Оставалось еще дождаться сообщения о том, что вся местность в зоне проверена и любопытных не обнаружено.

— Ты начал было рассказывать, что произошло в тот день рождения...

— Да, да. Словом, празднество они закатили что надо. Один из моих шуринов вырядился в смокинг. Подарки нанесли дорогие... А я, глупое животное, только на Ильдико и смотрел. Нравилась она мне. Нравилось, что она вела себя просто и естественно, не так, как остальные... Потом пришло время разъезжаться по домам. Загудели машины. Нас наперебой приглашали то в одну, то в другую машину, но мне не хотелось с ними ехать, и мы отправились домой на автобусе. По дороге Ильдико все жаловалась, что ее трясет в автобусе. Дома же она принялась причитать: мол, умные люди умеют по-настоящему устраивать свое счастье... Я пропустил все это мимо ушей. «Она возбуждена, выпила, а проспится, и все у нас снова будет в порядке», — рассуждал я... А дальше ты и сам все можешь представить...

— Сейчас я ничего не представляю, — проговорил Мартинко, и лицо его в этот момент посуровело, а глаза сузились. — Сейчас начинается наша работа. И я еще раз тебя спрашиваю, и не сердись, пожалуйста: готов ли ты сегодня выполнять задачу?

Ответ прозвучал совсем не по-военному:

— Пошел ты к черту! Провалиться мне в первый же полевой нужник, если у меня хоть палец дрогнет!..

— Ну и хорошо! Тогда давай приступать. Попробуем узнать, где тут собака зарыта...

Мина смотрела на них из ямы, точно из своей берлоги потревоженный зверь. Сказать было трудно, вырвется из

нее смертоносная энергия или же сдастся. Солдаты не стали подкапывать под нее, оставив на ней небольшой слой земли. В первую очередь предстояло удалить этот слой, чтобы можно было найти крышку, закрывающую доступ к контактному оборудованию. Схема известная: обнаружить крышку, попробовать ее удалить, затем попытаться извлечь из корпуса мины детонатор, после чего постараться... Словом, попытаться да постараться!..

— Ну и запах от нее идет!

— Да, гнусный запашок, — согласился Мартинко. — Самое лучшее было бы взорвать ее. Не было бы здесь этих экскаваторов да бульдозеров, чтоб их черт побрал! Наехали сюда... Ну, прямо как куры набежали на просо.

— Миллионов на пять потянут все эти машины...

— Давай начнем. Все равно, если ничего не получится, придется подрывать.

Мартинко сбросил китель. Такач разделся до трусов. Он знал, что за глаза его называют «полуголым старшим лейтенантом», но не обращал на это ни малейшего внимания и всякий раз, когда дело доходило до решающей «схватки», сбрасывал с себя одежду, оставаясь в одних трусах. Такач не любил жары, не любил тех ощущений, которые непроизвольно рождались в нем в минуты последней схватки с бомбой или миной. И хотя у него за плечами был уже многолетний опыт, всякий раз, когда он приступал к работе, им невольно овладевало волнение. Наверное, поэтому он и раздевался — чтобы не потеть. Ведь достаточно одного неверного движения влажных от пота ладоней, одной капельки пота, случайно набежавшей на глаза, одного вздрагивания — и может произойти беда...

— Ну, давай очищать ее! — сказал Мартинко.

Они легли на дно рва. Разгоряченным телом Такач с удовольствием ощущал прохладу грунта. Казалось, сама земля оберегала его от опасности, вливала ему свежие силы, как Гея в своего сына Антея...

Руками, а точнее, ногтями они миллиметр за миллиметром соскабливали с корпуса мины затвердевший пепельно-серый слой земли.

— Отверстие, разумеется, окажется в самом низу, — проворчал Мартинко. — Где же ему еще быть?..

— Наверняка там, в самом низу...

— У отростков оставим землю. Что-то они не выгля-

дят достаточно крепкими... Если хочешь, продолжай свой рассказ. Давай, я слушаю. Уши все равно ничем не заняты...

— То, что было потом, уже не очень интересно. Ничего нового... Наутро настроение у Ильдико не улучшилось, и все началось сначала. И так до бесконечности. Шло время, а она применяла против меня все более тяжелую артиллерию.

— А чего, собственно, она добивалась?

— Чего добивалась?! Чтобы я стал «нормальным членом семьи»... Как все остальные мужья. Мол, такой толковый и ловкий человек, как я, не должен всю жизнь стоять на коленях над разными там минами и бомбами... А вообще-то, знаешь, если взглянуть на нас сейчас со стороны, то мы и впрямь, как первобытные люди, молимся своим идолам. Хорошее сравнение?

— Хорошее... Что дальше?

— Были у нее и конкретные претензии. Многому способствовал ее старший брат, он, главное, и мутил воду. Один из ее шуринов — тоже... Словом, она пела с чужого голоса. Вся семья настраивала ее, это уж точно! Вот она и причитала. Не желает, мол, всю жизнь считать каждую копейку. И как мне только не стыдно, что она должна всякий раз задумываться, можно ли позволить себе купить пару туфель, и так далее и тому подобное... Не хочу повторять все эти перепевы. А с какой брезгливостью она смотрела на мои погоны! И приговаривала: дескать, сейчас тебе сорок три года, а если и дальше анкета твоя будет чистой, то к выходу на пенсию ты можешь стать майором...

— И что же? Так продолжалось весь год?

— Да, в основном так. Иногда бывали дни, когда казалось, что она успокоилась, одумалась. Куда там! Она просто меняла тактику, старалась как-то меня умаслить. А я, балда, клевал на эту наживку. Сколько раз я попадался на этот крючок! В один из таких «мирных» дней я даже размечтался... Эх, да что уж! Наша глупость может быть безгранична...

— Смотри-ка! — вдруг воскликнул Мартинко. — Вот она!

Из-под его пальцев, осторожно соскабливавших засохшую грязь, показалась указательная стрелка, нацарапанная на корпусе мины каким-то острым предметом.

— Фидель Лискаи, — проговорил Мартинко. — Должна быть и текстовочка. Обязательно должна быть.

Майор продолжал скоблить дальше, и вскоре под стрелкой, между двумя отростками, стали проступать слова, нацарапанные, видимо, тем же самым предметом. Наконец можно было прочитать и всю «текстовочку»: «Доброго пути, товарищи! Прямо в небо...»

— Фидель Лискаи, — отдуваясь, повторил Мартинко. — Подлец! Если не ошибаюсь, это уже его шестнадцатый подарок. Он был капитаном хортистской армии. И у салашистов. Мины-сюрпризы были его манией. Выбирал для них самые грязные и неожиданные места. Вроде этого. Кому, мол, придет в голову искать здесь мину? На своих минах он выцарапывал стрелку и текстовочку: «Доброго пути, товарищи! Прямо в небо...»

— Выходит, он тоже верил в социализм, раз писал «Доброго пути, товарищи...»?

— Я вижу, у тебя чувство юмора, как у буйвола... Так... Отдохнем немного!

Они отодвинулись от мины, устроились поудобнее и, опершись друг о дружку спинами, закурили. Нужно было дать отдых рукам и пальцам: предстояли последние усилия, требующие точнейшей координации движений, напряжения всех нервов!..

Над миной закружилась ярко-синяя бабочка. Сделав несколько кругов, она села на один из отростков. Потрогав его своими усиками, бабочка вдруг быстро вспорхнула и улетела. Небольшое облачко в небе спешило в сторону солнца, но не успело оно заслонить собой светило, как растаяло и бесследно исчезло в яркой синеве бездонного неба. Где-то вдали раздался чей-то крик. И это словно послужило сигналом: в деревне зазвонил колокол, оповещая наступление полудня.

— Н-да, хотел бы я, чтобы этот Лискаи хоть на минуту попался мне в руки. Уж я бы сумел свернуть ему шею...

— Тут ты малость опоздал, — улыбнулся Мартинко.— Он убежал на Запад. Жил во Франции. Там тоже специализировался на минировании. А во время одной из акций оасовцев сам взлетел на воздух.

— Что ж, скатертью дорожка!

— Ну как, попробуем?

— Давай!

Такач подкапывался руками под низ мины. И в то время как его пальцы, подобно живым существам, все больше и больше углублялись, стараясь подобраться под мину, сам он почти бесстрастным голосом продолжал рассказывать:

— ...Словом, Ильдико пыталась добиться своего. Когда лаской, а когда грубостью. Как-то... это было три месяца назад, она умудрилась растратить за два дня всю получку. И мою, и свою. Хотела, очевидно, доказать, в какой нищете мы живем. Я попробовал воздействовать на нее, поговорить... Она обвинила меня в том, что я опять агитирую ее. Мол, это соответствует моей профессии. Спасение человеческих душ, человеческих ценностей — это, мол, определяется перстом божьим. И как это я сам мог избрать такую профессию? А я ей в ответ: погибнуть, спасая людей,— куда лучше, чем всю жизнь только и думать, как бы накопить побольше денег... Вот она, крышка! — вдруг сказал Такач совсем другим тоном.

— В каком она состоянии?

— Сильно поржавела... но контуры ее можно прощупать.

— Отверткой можно работать?

— Пожалуй. Думаю, что можно.

— Одевайся и проверь посты!

— Не пойду.

— Товарищ старший лейтенант! Я приказываю!..

— Подожди хоть минутку с официальным тоном. Я знаю, что́ тебя беспокоит — стопроцентная уверенность. Ну и ладно. Я тоже хочу быть полностью уверенным в себе! Будь что будет! Если эту крышку можно снять и если возможно извлечь внутренности из этой дряни, то это должен сделать я! Я хочу знать, что́ я собой представляю!..

— А если?..

— Никаких «если»! Ты должен это понять! Я очень прошу тебя: проверь, пожалуйста, посты сам.

Мартинко стал на колени рядом со старшим лейтенантом.

— Начинай!

Крышка легко отделилась от корпуса мины, и Такач просунул в отверстие три пальца. Нащупал винты и провода. Долго возился с отверткой, пока наконец не приладил ее к шляпке винта.

— Испанцы такой момент называют «сокровенный миг». Это перед тем как вонзить нож в быка... А ведь это только трюк! Фокус! Если уж и вправду говорить о сокровенном мгновении, так вот оно!..

— Вывертывается?

— Должно вывернуться!

Они оба потеряли счет времени. Казалось, минуты, часы, дни и годы подхватили их в свой водоворот и несут куда-то в неизвестность, где только одно имеет ценность, только одно имеет значимость — это движения пальцев, одно движение за другим, один поворот за другим, их последовательность...

— Вот ты, подлый!

Наверное, они сами не смогли бы сказать, сколько раз были на волоске от смерти, сколько раз вместе со вздохом облегчения у них вырывалось: «Вот ты, подлый!»

Такач поднялся и стал машинально рассматривать лежащий на грязной от земли и пота ладони маленький, с палец величиной, детонатор. Всего лишь несколько мгновений назад этот верный наперсник смерти подкарауливал их на своем посту. Теперь же это был всего лишь маленький патрончик, без которого, однако, и вся мина становилась беспомощной и безобидной. Такач прислонился к стенке рва и почувствовал, как мелкие струйки пота катятся по его спине. Он подставил пылающее лицо свежему ветерку, вдруг налетевшему из-за леса.

— Вот он, подлый!

Мартинко пытался сдвинуть корпус мины, но она крепко держалась в земле и только слегка качнулась, отчего внутри ее что-то гулко зазвенело.

— Теперь ты можешь гудеть и звенеть! А потом тебя извлечет отсюда подъемный кран... И все-таки я до сих пор не пойму, как могла здесь оказаться морская мина... Впрочем, не все ли равно?! Важно, что все страшное позади и сейчас она — всего лишь металлолом. Дикий каштан в скорлупе!..

— И то верно, — согласился Такач. — А сколько еще таких диких каштанов лежит в земле!.. И не знаешь, где их искать... Да, так вот конец моей истории... Сегодня ведь воскресенье? В четверг заявились родители Ильдико и забрали ее.

— То есть как это «забрали»?

— Забрали, и все. Как свою вещь, как свою собственность. Они, мол, не такую судьбу готовили своей дочери. Надо, дескать, быть без головы, чтобы терпеть такое... Словом, быстро упаковали все ее шмотки... Я бы сказал, подозрительно быстро. Такое впечатление, будто они уже натренированы в этом. Я смотрел им вслед из окна. Они даже не постыдились подогнать машину почти к самому дому. Какой-то мужчина открыл дверцу. Видимо, они подыскали его для своей дочери. А Ильдико так и впорхнула в машину. Нетрудно было догадаться, что она уже не раз каталась в этом автомобиле. Не стану повторять того, что я тогда сказал, а то еще услышит кто — солдат или кто другой — и хорошенькое мнение составит себе о наших офицерах... И так уж — курам на смех: стою вот в одних трусах, весь мокрый... Словом, в веселенькое положение могут поставить тебя эти разбросанные повсюду дикие каштаны...

МИКЛОШ ЗАЛКА

НОЧЬЮ В МЕТЕЛЬ

1

Ну и разгулялась ночью метель-метелица! Куда ни посмотришь, кругом один снег: на земле, над землей. Мелкий, смерзшийся в колючие кристаллики, как крупа. Набивается за ворот, больно хлещет по лицу, огнем палит щеки.

Иштван Бенкё поглубже запахнул тулуп (просторный, двоих таких, как он, можно укрыть!), голову втянул под воротник, руки — в рукава. Но сощуренные до узеньких щелок глаза продолжали буравить слепую мглу, пытаясь хоть что-то разглядеть в этой кромешной тьме.

А в сердце нет-нет да и прокрадывался легкий холодок страха.

— Ну что они там?.. Почему не идут? — бормотал он себе под нос, едва шевеля посиневшими губами.

Бенкё пробовал стать спиной к ветру, но тот озорно плясал вокруг него, обжигая лицо и швыряя пригоршнями колючих, как иголки, снежинок. Там, вдали, рассекая тьму на несколько мгновений, вот-вот приоткроется желтая щель двери, а потом, покачиваясь на ходу, зашагает в его сторону луч карманного фонаря.

Бенкё в какой-то миг даже почудилось, что он видит этот огонек, и потому он включил свой фонарик, прицепленный к пуговице шинели, чтобы помочь караульной смене поскорее отыскать его в темноте. Однако одни ослепительно белые снежинки кружились в луче света, исчезая в темноте. И только ветер свистел.

Бенкё вздохнул. Снежинки норовили забраться даже в рукава тулупа, от холода по спине ползли мурашки. Бенкё погасил фонарик и опять втянул кулаки в рукава.

Сейчас бы самое время погреться. Мыслями он перенесся домой, к большому семейному застолью в теплой комнате, где весело потрескивают дрова в печке и ходит по кругу кувшин с вином. Потом вспомнился рассказ отца о его нелегкой солдатчине. Так, однажды про него забыли, и он простоял до самого утра на посту. А в это время капрал со своими дружками пьянствовал в караульном помещении! Старый Бенкё, когда рассказывает, то и в самых смешных местах бровью не поведет: пусть, мол, слушатели сами потешатся. История его затяжной войны с пьянчугой капралом действительно была насыщена веселыми эпизодами. Например, однажды, в отместку за все издевательства, отец перед утренней побудкой вылил капралу в сапоги котелок гороховой похлебки...

Холодно. Воспоминания о доме развеялись, осталась одна тревога: «А что, если и про него, Иштвана Бенкё, разводящий «забыл»? Что ж, он может! Вполне. От сержанта Кёвечеша всего можно ждать!..»

За спиной, в трех шагах, — охраняемый объект. Длинный, приземистый сарай с маленькими решетчатыми окнами и низко нависшей кровлей. Сейчас бы спрятаться под навес крыши, притулиться к серой стене и закурить!.. Однако такая вольность может дорого обойтись. Пока он отделался тремя нарядами вне очереди — убирать казарму, чистить картошку на кухне.

«Веселится, старый хрыч! — недовольно поморщил нос Бенкё. — И зачем только вешают сержантские лычки таким вот людям, которые прямо-таки упиваются своей властью над солдатом? Похваляются, какие они важные, а у самих в голове — пустота...» В прошлый раз сержант Кёвечеш придрался к нему как раз из-за сигареты, которую Бенкё, видите ли, выкурил, стоя на посту. В такую-то мерзкую погоду и не покурить! Будто кому-то вред от этого... А сержант и оправданий слушать не стал, завопил во все горло: «Что запрещается делать часовому?» Ясное дело, куда он гнет. Конечно, по уставу курить часовому запрещается. Но разве устав предусматривает такую чертову погоду? Эх, да что там, только понапрасну нервы себе трепать! У сержанта на любой случай жизни один ответ: «Три наряда». А постоял бы сам вот здесь,

сразу понял бы, что сигарета для солдата — далеко не смертный грех.

— Ну где же они? — снова вздохнул Бенкё и уже представил себе, как он сидит в «караулке» и с наслаждением тянет горячий чай из алюминиевой кружки. Вообще-то Бенкё не любит алюминиевую посуду. И когда ему говорят: «Какой ты привереда. Дома, наверное, тоже не на серебре едал»,— он только отмалчивается. Хоть и деревенский парень Бенкё, а тоже знает, что хорошо, а что плохо. Не хуже некоторых городских. Еще как знает-то! И сердце опять защемило от тоски по дому. Эх и жизнь у него была дома, как у князя! Мать своей любовью согревала их дом, и было там всем тепло и уютно. Бенкё всегда удивлялся некоторым своим сверстникам, мечтающим уехать в город или в какие-то чужие края. Он не горел желанием устроиться куда-то на завод или в мастерские, как многие другие непоседы. К чему? Дома — мама, семья для нее — святыня, и она отдает ей все свои силы...

Сколько Иштван помнит себя, по утрам у его кровати стояли начищенные до блеска башмаки, на тумбочке лежали наглаженные рубашка и костюм, на кухне, в круглом тазике, ждала его теплая вода для умывания. Другая это была жизнь. Даже земля там и та другая, не то, что здесь — глина да песок, а жирная, черная, так и ложится из-под лемеха плуга.

Отец не раз журил маму: «Пусть сам учится все делать, большой уж». Мать обычно возражала: «Успеет еще. На военной службе и так самому себя обхаживать придется бедняжке». И тяжко вздыхала.

Тогда отец напускался на сына: как, мол, тебе не стыдно сидеть да ждать, пока мать за тебя все сделает. Иштван отмалчивался. Он знал, что все это пустые разговоры, что все равно матушка не даст ему ничем заниматься, отнимет у него и щетку, и утюг и свою прочтет нотацию: «Не твое это дело, не мужское. Пока жену в дом не приведешь, я за тебя все это сама буду делать».

«...Что же это за безобразие? Между прочим, сейчас у них какой-то старший лейтенант из полка находится. Политработник. Неужели это ему пришло в голову таким вот способом нас закалять? — думал Бенкё. — Сам сержант, пожалуй, не осмелился бы. Ведь если пожаловаться на такие нарушения устава ротному или комбату, они

этому Кёвечешу такую головомойку устроят, что век помнить будет. В конце концов, у солдата и права есть, не только обязанности! А вот вишь ты: по уставу после суток несения караула положен отдых, а мы все еще здесь торчим, а сутки-то еще вчера в обед истекли...»

А метель не унималась.

«...Что это там замаячило во тьме? Кто-то с фонариком через сугробы ковыляет... Смена! Значит, не бросили тебя, старик, на произвол судьбы, морозу на съедение!» — облегченно вздохнул Бенкё и, включив свой фонарик, подал товарищам знак из темноты.

Подошли.

— Пост сдал...

— Пост принял...

Бенкё вылез из тулупа, отдал его сменщику, а сам, щелкая зубами от обступившего со всех сторон холода, зашагал в хвосте цепочки на другие посты, где тоже заждались смены такие же, как и он, часовые.

В караульном помещении для сменившихся сварили кофе. Бенкё погрел озябшие руки об алюминиевую кружку, жадными глотками выпил горячий, ароматный напиток и тотчас же завалился на нары. Покрутившись на жестком деревянном ложе, он уже закрыл глаза, намереваясь вздремнуть часок-другой, как вдруг голос Кёвечеша вернул его к суровой действительности:

— А оружие я за вас буду чистить, товарищ Бенкё?

Только всего и сказал, но Бенкё безропотно поднялся. Сейчас не почистишь — наутро сержант первым делом устроит проверку оружия, и тогда к трем нарядам вне очереди наверняка придется приплюсовать еще три новых.

Остальные ребята, сменившиеся с постов вместе с ним, уже возвращались из комнатки, где стоял стол для разборки, чистки и смазки оружия. Взяв из пирамиды свой автомат, Бенкё поплелся чистить оружие. Из комнаты начальника караула слышалось глухое ритмичное постукивание. «Сапогом по полу! — догадался Бенкё. — Кто ж это там так нервничает? И чего сразу столько офицеров к нам вдруг прислали? Наш взводный, старший лейтенант, и еще двое гостей — этот, из полка, тоже старший лейтенант, да батальонный врач... У врача — свой «пунктик»: он считает, что после смены солдатам нужно хорошенько обтереться снегом. Для улучшения кровообра-

щения! А перед гостями и взводный, и сержант стараются в грязь лицом не ударить. Только и слышишь: «Товарищи, обязанность бойца, стоящего на посту...»

Бенкё, закончив чистить автомат, собрал затвор. Эх, высока ты наша бдительность, выше церковной колокольни! «Товарищи, повысим бдительность, враг не дремлет!» — вспомнились напутствия сержанта.

«Еще бы, вон он, наш враг, под окнами бегает, на все голоса завывает,— мысленно парировал Бенкё. — Накрутят, накачают человека перед тем, как отправить на пост, а потом стоишь, стоишь — и ничего, никакого врага и в помине нет...»

Один раз на политзанятии Бенкё спросил: «Откуда, с какой стороны нужно ждать противника?» Сержант отчитал его за это. Слушать, говорит, надо внимательно, а не мух на потолке считать. Глухим, говорит, две обедни не служат.

От такого объяснения Иштвану Бенкё яснее не стало, но про себя он решил: наверное, указание сверху дали — повысить бдительность. Пришла в голову эта идея какому-то большому начальнику, вот он и жмет. А старший лейтенант, взводный, разве может возразить? Он выполняет приказ. За то он и жалование получает. А сам-то, наверное, тоже в существование какого-то противника в этих краях не верит. «Если все во всем мире хотят мира — и там, и тут, — думал Бенкё, — давно бы уж могли вообще отменить военную службу. Вот было бы умное дело! Чем охранять какой-то склад с боеприпасами...»

Готово. Взяв автомат, Бенкё уже хотел было возвратиться в караульное помещение, но, подумав немного, пустил напоследок несколько капель оружейного масла в ствол и казенник автомата. Пусть завтра сержант, когда полезет чуть свет проверять оружие, почертыхается, перемазав маслом руки!

Туда-сюда, а четверть часа провозился с автоматом! Однако Бенкё сдержал свой гнев: за столом сидел сержант и что-то черкал ручкой на листе бумаги.

— Ладно, до шести утра поспим, — взглянув на часы, проговорил Иштван и полез на нары. «А там — снова на мороз. Если, конечно, не прибудет новый караул», — подумал он, уже засыпая.

Пробуждение было непривычным. Вместо того чтобы

зычно рявкнуть команду «Подъем», сержант осторожно потряс его за плечо и полушепотом сказал:

— Вставайте, Бенкё. Вашей смене заступать. Только без шума! Пусть остальные спят.

Иштван, ничего не понимая, тупо уставился на сержанта, потом сладко зевнул, так, что хрустнуло за ушами. Такого еще не было с тех пор, как Бенкё помнит себя солдатом: у сержанта такой заботливый голос! Или на него присутствие офицера из политотдела так подействовало?..

Размышлениям его положил конец гневный взгляд сержанта и недвусмысленный жест головой:

— Давай, давай, шевелись!

Тяжело вздохнув, Бенкё сполз с нар, с завистью косясь на тех, кто еще «давал храпака», хотя, конечно, им тоже придется спать не больше, чем ему. Надев шинель, он зачерпнул кофе из большой кастрюли, булькавшей на плите, и стал, обжигаясь, крупными глотками пить. К удивлению Бенкё, сержант и на этот раз негромко сказал с укором:

— Давайте, Бенкё, побыстрее. Тому, кто сейчас стоит на посту, два часа двумя годами кажутся! Оставьте котелок, я скажу, чтоб его тут за вас помыли...

Только сержант чуть-чуть приоткрыл дверь, как ветер уже тут как тут: вцепился в нее, вырвал из рук сержанта, замахал ею, будто флагом. Наконец сержант, ворча вполголоса, поймал дверную скобу.

Вслед за разводящим Бенкё вместе с другими заковылял по снежному полю сквозь бушующий ураган, наваливаясь грудью на упругий ветер.

...Потом Бенкё стоял на посту и опять два часа казались ему вечностью. Вконец промерзший, сидел он потом рядом с остальными у печки, и ему даже не хотелось стаскивать с себя мокрую шинель. Но тут появился врач и выгнал всю их компанию на мороз обтираться снегом. У Иштвана не нашлось даже сил разозлиться на него. Потом наконец их оставили в покое, в тепле и принесли завтрак.

Порция была маленькой, но Бенкё заметил это, только когда она уже кончилась и в руках у него остался лишь крохотный кусочек шпика. Бенкё подозрительно покосился на соседей, но и у них пайки были не больше.

— Ну вот мы и позавтракали, — проговорил Иштван, отправляя в рот последний кусок. — Теперь хорошо бы еще и поесть.

Сержант промолчал, не откликнулся на шутку, зато, когда вошел взводный, вскочил, будто его подбросила вверх невидимая пружина. Командир взвода остановил его:

— Отставить! — и направился прямо к сидевшим на нарах солдатам.

Помолчали. Бенкё пристальным взглядом окинул взводного. Железный парень! Как сказал, так и будет. Совсем не такой, как сержант. Как подсядет старлей к солдату, можешь ему о чем угодно рассказывать, всю душу нараспашку раскрыть. И в долгу не останется. Ездил недавно по каким-то делам в Будапешт, зашел к родителям одного солдата, которые почему-то целых два месяца на письма не отвечали. Словом, навел порядок старший лейтенант: идут теперь служивому письма из дому, как по заказу.

— Вы уже сказали ребятам, товарищ Кёвечеш? — спросил взводный сержанта.

— Еще нет, товарищ старший лейтенант, — щелкнув каблуками, доложил тот.

Смех да и только смотреть, как этот Кёвечеш выслуживается! Не понимает он, что взводный, когда запросто приходит к солдатам посидеть, поговорить по душам, не любит вот такого щелканья каблуками. Тогда и солдаты держатся совсем иначе, не как в служебной обстановке. У Бенкё, например, на языке уже вертелся вопросик. Что это с питанием сегодня приключилось? Повара наплутовали или начальство вдруг запамятовало, что у солдата кроме автомата еще и живот есть? Пусть, мол, учтут в штабе: неправильно это, когда солдату норму недодают. И напоминать об этом надо сразу же, а то привыкнут, подумают, что лучше меньше, чем больше...

Рядовой Бенкё уже начал проталкиваться поближе к взводному, но тот вдруг сам опередил его вопросик:

— Наелись, ребята? Хватило?

Солдаты переглянулись. Каждый ждал, что за него кто-то другой ответит. Старший лейтенант обвел их взглядом и остановился на Бенкё:

— Ну?

— Да та-а-к... — неопределенно протянул тот.

На лице у Бенкё при этом появилась такая кислая мина, что губы взводного невольно расплылись в улыбке, обнажив белоснежные зубы. Все захохотали, кроме, конечно, Кёвечеша, который и бровью не повел. А когда хохот немного поутих, Сабо выпалил:

— Как закуска сойдет!

Все опять захихикали: этому Сабо целого бачка одному маловато! Он по три-четыре раза подходит к раздаточному окошку за добавкой. По мнению сержанта Кёвечеша, Сабо специально отправили в армию, чтобы оставшихся дома членов семьи спасти от верного голода.

— Пока будем получать вот такую норму, — помрачнев, сказал старший лейтенант и достал сигарету. Двое солдат вскочили, чиркнув спичками. Взводный прикурил поочередно от обеих вспыхнувших спичек, выпустил облачко дыма. — Конечно, мало, — кивнул он и провел ладонью по лбу, словно стирая с него морщинки забот, а затем почти шутливым тоном закончил: — Возможно, завтра утром придется и эту норму урезать. А послезавтра вообще нечего будет давать...

Наступило молчание. Услышав, как охнул Сабо, взводный подмигнул ему и сказал:

— Это уж точно!

Говорил он так спокойно и бодро, что трудно было определить, шутит он или всерьез. Сабо покачал головой.

— Уж не собираетесь ли вы меня голодом заморить, товарищ старший лейтенант? — спросил он таким тоном, который как хочешь, так и понимай.

— Заморить — нет, но жирок вам придется сбросить, — стараясь сохранить шутливый характер разговора, ответил взводный, и легкая улыбка пробежала по его губам.

— Проверка на выносливость, товарищ старший лейтенант? — подал голос отделенный командир Сепеши. — Что ж, на «нет» и суда нет. Служба в любом случае должна идти своим чередом!

Бенкё поморщился. Вечно этот Сепеши! Страшно передовой товарищ. Не доведи бог с ним вместе служить. Замучит до седьмого пота. Будет тебя понукать, как старую клячу. А чего старается? Будто не успеет наломать хребет за два года. Видно, поэтому и командиром отделения стал, хотя пришел служить в одно время с Бенкё, в сентябре прошлого года.

«Избави боже, — подумал Иштван и вздохнул. — Чего доброго, надоумит старлея устроить всей нашей гопкомпании проверочку на прочность... Назначит экспериментальную голодовку, да такую, что небо с овчинку покажется...»

— Нет у нас с вами, ребята, больше продовольствия, — сказал взводный. Улыбка сбежала с его лица, слова падали гулко и тяжело. — Нету. Все наши запасы — только то, что мы сюда с собой принесли.

Кто-то даже присвистнул, однако взводный, не обратив на это внимания и глядя поверх голов, продолжал:

— Снежные заносы напрочь отрезали нас от штаба полка. Потому вчера и смена не прибыла. Ночью товарищи пытались пробиться к нам на вездеходах по другой дороге, но... — Взводный огорченно махнул рукой. — А вот только что и телефонная связь со штабом оборвалась. Последний полученный нами приказ гласит: «Держаться!» Командование со своей стороны будет делать все, чтобы прийти поскорее нам на выручку! А пока пурга... — Он хотел сказать «приказывает», но передумал и оборвал фразу: — Словом, сами видите...

Что на это скажешь? Сабо долго кряхтел и кашлял, будто чем-то поперхнулся, пока наконец не отважился:

— Ничего, товарищ старший лейтенант. Как-нибудь продержимся. Натопим пожарче печку, время и пробежит понемножку. А склад этот, кому он нужен-то? — В глазах солдата блеснули плутоватые огоньки. — В такую непогодь враг — он тоже не дурак — дома отсиживается!..

Взводный промолчал. Его молчание придало смелости и солдату Бенкё, который вдруг заявил:

— Будем считать, что в полковом клубе сидим. Отдыхаем. Сыграем в шашки, в «мельницу». Товарищ старший лейтенант лекцию нам прочитает...

— Да? — переспросил взводный, и на лице его появилась загадочная улыбка.

Сержант бросил на Бенкё уничтожающий взгляд, от которого у того сразу пропала вся смелость.

— Да я не к тому, — принялся оправдываться Бенкё. — Просто мы любим слушать, как товарищ лейтенант рассказывает... Если вы, конечно, пожелаете...

— Ничего себе солдатик... — буркнул сержант, но тут же умолк, потому что взводный кивком головы остановил его.

— Все так, как рядовой Бенкё, думают? — спросил взводный остальных.

Бенкё очень хотел, чтобы товарищи поддержали его, но Сепеши уже поспешил выскочить:

— Нет, товарищ старший лейтенант!

У Бенкё с языка чуть не сорвалась очередная колкость: «Держись, Сепеши! Сейчас тебе новую лычку выдадут. Ступай сам на пост, коли так уж тебе хочется стынуть на морозе!..» Однако хорошо, что вовремя сдержался!..

Взводный подхватил слова ретивого служаки Сепеши:

— Приказ-то какой был? «Держаться!» А это значит — продолжать выполнять задание. Не сказали ведь: «Спрятаться, забиться в угол!» — а «Держаться!»...

Бенкё вздохнул: «Если б не этот выскочка Сепеши, никто бы не предложил такого. Мало ли чего там хочет взводный? А этот «передовик» тут как тут. Сейчас, наверно, сам же себя и проклинает!..»

Старший лейтенант говорил уже о том, что нужно послать группу добровольцев, чтобы найти обрыв телефонного провода и восстановить связь.

И опять этот Сепеши тут как тут с новым предложением: в сарае целый штабель досок, из них можно смастерить самодельные лыжи и попытаться на лыжах пробиться сквозь снежные заносы.

— Смена наверняка шла на машинах. Вот они и застряли в снегу. А эскимосы в Гренландии только на таких лыжах и ходят, — принялся развивать свою мысль Сепеши: он, мол, даже читал в какой-то книжке, как самому сделать лыжи. — Сходим в часть, принесем оттуда продуктов. Дайте мне человека три-четыре. Попробуем к обеду добраться до штаба, а к ночи и обратно...

— Я не возражаю, — согласился старший лейтенант.— Идите, ефрейтор, посмотрите, что там за доски в сарае.

Пока Сепеши ходил в сарай, все сидели молча. Когда отделенный вернулся, лицо его было красным от мороза и ветра, но, хотя у него зуб на зуб не попадал, говорил он по-прежнему весело и восторженно:

— В два счета будут готовы лыжи, товарищ старший лейтенант! Пила есть. Доску — пополам, носы — топориком заострим. Вместо мази натрем «пушечным салом». Знаете, какое еще будет отличное скольжение! — Сепеши был несказанно рад своему изобретению.

— Хорошо! — похвалил его план взводный и одобрительно похлопал находчивого отделенного командира по плечу. — Старайтесь идти по телефонному проводу. Попутно и обрыв ликвидируете. Дело нелегкое: у нас же нет никакого снаряжения. А в пути всякие сюрпризы могут быть. Назначаю вас, товарищ Сепеши, старшим. Кто еще хочет пойти?..

Откликнулось сразу несколько голосов. Потянулись вверх руки. Рядовой Бенкё тоже поднял руку.

— Смотрите-ка: Сабо, Бенкё! — удивленно воскликнул взводный. — Вы тоже? — И улыбнулся глазами.

Но тут вмешался Сепеши.

— Разрешите мне самому людей отобрать, товарищ старший лейтенант?

— Да, пожалуйста, — согласился взводный, и Сепеши тут же назвал четыре фамилии.

Старший лейтенант кивнул головой. Бенкё среди перечисленных, разумеется, не было. И это разозлило его. Выходит, уж нельзя и своего мнения иметь? Чем же он хуже этих? Скажешь — плохо, молчишь — тоже! Почему, говорят, отрываешься от коллектива?..

Сепеши со своей группой, быстро собравшись, отправился в путь. А немного погодя взводный позвал к себе Бенкё.

«Ну вот и очередная головомойка! — грустно подумал солдат. — Мало трех нарядов за какую-то сигарету, так еще и «разговор по душам» предстоит. Наверняка это сержант Кёвечеш устроил мне такое «удовольствие»...»

Разговор же у него со взводным вышел какой-то странный. Бенкё все ждал, что командир вот-вот перейдет к «делу о сигарете», но старший лейтенант все что-то не то говорил: мол, нужно по-иному смотреть на свою работу, на себя и на других, критически...

Бенкё таращил глаза на взводного и никак не мог взять в толк: «Как это по-иному? В конце концов, это дело самого командира — судить, кто как работает, как служит! Сверху всегда виднее! Так чего ж ты хочешь, командир, от меня?..»

В дверь постучали. Сержант доложил, что смена готова заступить в караул, один рядовой Бенкё задерживается. Взводный отпустил беднягу Бенкё, сказав на прощание:

— Подумайте над этим, товарищ Бенкё!

В два часа ночи он вернулся в караульное помещение с поста, как и все, едва держась на ногах. И сразу накинулся на еду. На ужин была жареная картошка, тонкий ломтик сала и кружка кипятку. Дальше все то же: чистка оружия, отдых на нарах. В караульном, когда Иштван вернулся туда после чистки оружия, сидел Шароши, старший лейтенант из политотдела, и глуховатым, густым басом разговаривал с земляком Иштвана Варгой. Варга был из молодоженов: осенью, как раз перед самым уходом в армию, сыграл свадьбу.

— Как жинка? — интересовался старший лейтенант.

— Полнеет, — весело сверкнув глазами, отвечал приземистый крепыш Варга.

— Чего ж вы так поспешили? Не жалеете?

— Да что вы! Мои старики ждут не дождутся внука! Маманя сноху любит больше, чем меня, своего родного сына. Только и слышишь: «Доченька моя!» И жена тоже, даже поссорилась со своей родной матерью, когда та ей однажды сказала «твоя свекровь». Она, говорит, для меня не «свекровь», а тоже «мама». Свекровь же, как про это услышала, не знает теперь, в какой угол и посадить сноху-то. А на меня уж и внимания никакого! — со смехом добавил Варга. — Хорошая у меня жена! Лишь бы такой всегда оставалась.

— Сына ждешь?

— Да мне как-то все равно. И сын и дочь — все равно ж от нее... Люблю я ее.

— Это уж точно, товарищ старший лейтенант, — скрипучим голосом сказал кто-то с нар. — Он у нас чудак! Ему никакой Лоллобриджиды не надо, он Розику свою признает только...

Послышался приглушенный смешок, потом снова басовитым голосом заговорил политрук:

— Отличное качество! Дом, семья — от них весь род человеческий идет.

Бенкё почувствовал, что и офицер сейчас думает о своем доме, и вздохнул.

— Бенкё! — вдруг окликнул его политрук. — Вы спите? Вот интересно! Помните, вы говорили, что, когда наедитесь, спать не можете? Что, мол, у вас, как у автомашины, после хорошей заправки прилив сил наступает? Обязательно что-нибудь делать хочется?! Вам командир даже внеочередной отпуск за что-то обещал...

«Помнит! — удивился Бенкё. — А ведь это когда было, несколько месяцев назад!..»

Почувствовав на себе всеобщее внимание, Бенкё покраснел от смущения и пояснил:

— Отдыхаю после смены.

— Правильно делаете, — сказал политрук. — Положено! — И, опять повернувшись к Варге, продолжал: — Вот вы говорите: люблю. А что такое, по-вашему, любить?

Варга помолчал, подумал и ответил:

— Любить — это все отдавать другому человеку. Все, что у тебя есть. Силы свои, сердце. Все...

Бенкё завозился на нарах. Сейчас старший лейтенант обязательно напомнит о том, как нужно любить родину. Это у него любимый конек. Обучение «на живом примере». Знает это Бенкё, довелось присутствовать, когда пропесочивали одного малого. Вот хохоту-то было, животики понадорвали! А теперь Бенкё сам предпочел бы смыться отсюда куда-нибудь. Знает, что имени его политрук не назовет, но швырнет и в его огород не одну горсть камешков: черт бы побрал эту проклятую сигарету!..

Неожиданно трахнул выстрел.

— Что это? — вскочил на ноги политрук.

На пороге вырос сержант и гаркнул:

— Тревога!

Радуясь в душе, что пришел конец неприятному разговору, Бенкё кинулся к вешалке за шинелью. Его остановил голос сержанта:

— Бенкё, останетесь здесь! Остальные — за мной!

Караулка опустела. А Бенкё ходил по комнате и ворчал: почему это именно его «оставил в покое» сержант? Впрочем, вскоре все вернулись назад. Одному из часовых чья-то тень померещилась во мгле. Окликнул — идет, выстрелил вверх — исчез. Обыскали все вокруг — никого. Только снег да метель...

Теперь Бенкё был даже доволен, что остался в караулке.

2

А метель все завывала. Понемногу сквозь густую ночную темень начал пробиваться грязновато-серый утренний свет. Вскоре уже и разглядеть можно было эту дикую пляску метели. Ветер надувал шинели, как паруса.

Солдаты шли гуськом. Впереди Сепеши. Уши шапки тесемками стянуты под подбородком. Нижняя часть лица закрыта платком, одни глаза только и видны. В руках длинная палка — нащупывать дорогу. Остальные четверо старались идти за ним след в след. Легче так. Ветер сбивал с ног. Падали и снова вставали. Увязая в снегу по пояс, шаг за шагом плелись дальше.

Командир отделения скомандовал привал. Вчетвером, обняв друг друга за плечи, стали в круг. Пятый, присев на корточки, пытался прикурить от спички. Потом с жадностью вдыхали в себя тепло табачного дыма. Сепеши посмотрел на часы. «Восемь!» — буркнул он и выругался. И еще кто-то называет такой снег мечтой лыжника!..

— Далеко еще? — спросил чей-то хриплый голос. Сепеши только пожал плечами. Когда все докурили свои сигареты, он сказал: — Пошли!

Ефрейтор так устал, что у него не было сил даже думать. Вещмешок, хотя в нем было всего-навсего три килограмма фасоли, здорово резал плечи. У остальных в мешках за спиной — по килограмму картошки. Это все, что нашлось в доме сторожа. Правда, они обнаружили и устранили один обрыв телефонной линии, однако заработал после этого в караульном помещении телефон или нет, солдаты из группы Сепеша, конечно, знать не могли. Пробраться сквозь заносы они не смогли и повернули назад. И все чаще в душе шевелилось сомнение: уж не сбились ли они с пути?

Здание караульного помещения вынырнуло им навстречу из мглы так неожиданно, что Сепеши остановился как вкопанный, не веря глазам.

В комнате, на койке, спал не раздеваясь взводный.

— Пришли?! — обрадованно воскликнул он, вскакивая на ноги. — Быстро же вы обернулись.

Ефрейтор молча уставился в пол.

— А-а, вон оно что, — протянул старший лейтенант поскучневшим голосом и вздохнул. Помолчав, добавил: — Раздевайтесь.

— Разрешите доложить, — проговорил ефрейтор. — В километре от дома сторожа обнаружили и устранили один обрыв телефонной линии...

Старший лейтенант покачал головой:

— Молчит телефон. До сих пор молчит.

— Дальше идти не смогли. Касони упал с телефонного столба. Сбило ветром. Руку сломал. Зашли к сторожу, наложили шину. А сейчас наш доктор его осматривает. Выпросили у сторожа немного фасоли и картошки. У него сегодня гости — какие-то туристы нездешние, да еще трое из соседнего села. Сидят, водку пьют. А нас все об охране объекта расспрашивали. Не трудно ли нам в такую погоду? Да что мы за солдаты? Зеленые новобранцы или старослужащие?.. А я им: какая, мол, тут охрана, хороший хозяин собаку на двор не пустит в такую погоду, валяемся, мол, на нарах целыми днями. Мужики как-то оживились, водкой стали нас угощать, говорят: «Оставайтесь! Кто-нибудь на танке приедет из части, а вы пока тут с нами повеселитесь. Скажете, что заблудились. Командир и тому будет рад, что вообще отыскались». Насилу отвязались от них...

— Отдыхайте! — приказал старший лейтенант и, позвав сержанта, велел приготовить вернувшимся кипятку.

«Надо бы чаще сменять часовых, — думал взводный, стоя у окна, затянутого ледяным, похожим на сосновую хвою узором. — Через каждый час. Но тогда солдаты совсем не успеют отдохнуть перед очередным заступлением на пост...»

Пришел врач. Его беспокоило, что раненый Касони все время спит, даже когда ему перевязывали сломанную руку.

— В больницу надо его. Рентген бы сделать... — задумчиво добавил доктор и, не закончив фразы, махнул рукой.

— Отправим, — тихо ответил взводный. — При первой же возможности.

— А если у него гангрена начнется? Перелом-то открытый...

— Были б у меня крылья, я немедленно бы его оттранспортировал... Да нет их.

— А если умрет парень?

Взводный промолчал. Врач повторил вопрос.

— От столбняка всем сделали прививки, — заметил взводный.

— А если он сачканул от этой прививки? — поморщился врач. — Снимите людей с постов, пусть хоть в тепле посидят. Обеда ведь у них сегодня не будет.

— Ужин будет. Сепеши принес немного продуктов.

— Неужели вы думаете, что какой-то идиот в такую пургу пойдет воровать реактивные снаряды?

Старший лейтенант ничего не ответил. Он смотрел куда-то в пространство и думал: «Надо бы удвоить посты!..»

Надев тулуп, взводный пошел проверять караулы.

Фасоли и картошки хватило только на ужин. Ефрейтора Сепеши и тех солдат, что ходили с ним, не стали даже будить. Разложили их долю по мискам и поставили на край плиты, чтобы, проснувшись, солдаты могли сразу же поесть горячего. Касони, с поврежденной рукой, спал в изоляторе. Ночью взводный несколько раз просыпался, заглядывал в изолятор: Касони спал как ни в чем не бывало.

Часа в два ночи взводный решил наведаться в помещение для отдыха. «Смена караула, — думал он. — Надо посмотреть, не галдят ли сменившиеся, не мешают ли спать остальным». Он тихо подошел к двери, приоткрыл, осмотрелся. Кажется, все спят. Старший лейтенант бесшумно притворил дверь и вернулся к себе.

Однако взводный ошибался: один солдат в это время не спал. Он только для виду прикрыл глаза. Это был Сабо. Спать ему не давал голод. Наконец Сабо открыл глаза, сел на нарах, боязливо огляделся, не проснулся ли еще кто, когда под его тушей скрипнуло деревянное ложе. Все так же с опаской оглядываясь, Сабо на цыпочках подошел к печке. Под каждым его шагом поскрипывали половицы. От волнения он зацепил сапогом за нары возле Бенкё. Тот пробормотал что-то во сне и перевернулся на другой бок. Сабо, переждав немного, крадучись пошел дальше — широкими, редкими шагами, вытянув вперед руки с трясущимися пальцами. Он уже больше ничего не видел, кроме четырех мисок с горячей пищей на краю кухонной плиты. Округлившимися глазами он впился в самую ближнюю миску и схватил ее рукой. Негромко звякнул металл. Сабо широко разинул рот и принялся набивать его мягкой, хорошо упревшей фасолью. Несколько зерен, выскользнув из пригоршни, шлепнулись на пол. Не обращая на это внимания, он глотал не жуя и уже тянулся рукой к следующей миске.

— Ах, ты! — услышал он вдруг за своей спиной и, похолодев, втянул шею в плечи. — Ты-ы! — прозвучал снова оклик. Забухали по половицам сапоги. Сабо обер-

нулся. К нему, угрожающе оскалив зубы и цедя сквозь них нескончаемое «Ты-ы-ы!», шел Бенкё.

Сабо задрожал и, побледнев, пролепетал:

— Только не...

— Пошел прочь! — прошипел сквозь зубы Бенкё и кивнул головой на дверь.

— Я только... — начал было Сабо, но Бенкё с такой силой швырнул его к порогу, что тот поперхнулся словом. Колени у Сабо подгибались. Он пятился к выходу, не в силах оторвать взгляда от перекошенного лица Бенкё и его пылающих ненавистью глаз.

Бенкё плотно прикрыл за собой дверь и, рванув Сабо за плечи, поставил его перед собой. Встретившись с мечущимся, полным страха взглядом Сабо, Бенкё на минуту ощутил в себе даже какое-то сострадание к нему. «Голоден», — подумал он и тут же отогнал эту оправдывающую вора мысль.

— Гнида! — выдохнул Бенкё и, схватив левой рукой Сабо за подбородок, правой с силой ударил его. Сабо попятился к стене коридора, но Бенкё снова притянул его к себе и ударил еще и еще. Сабо закрыл лицо руками, защищаясь от ударов, но Бенкё, уже не помня себя, навалился на него всем телом, сбил с ног и колотил по чему попало. Сабо не защищался, а только охал.

— Не надо! Не бей! — умолял он.

В этот момент чья-то рука приподняла и оттащила Бенкё, хотя он все еще продолжал размахивать руками, норовя дотянуться до Сабо.

— Черт побери! Что вы тут затеяли?

Это был взводный. Узнав голос офицера, Бенкё сразу присмирел и молча уставился на взводного.

Сабо приподнялся, сел на полу.

— Вот, дерется,— хныкая, проговорил он, размазывая по лицу кровь. — Бьет.

Взводный переводил взгляд с одного на другого.

— Встаньте! — гаркнул он на Сабо и, повернувшись к Бенкё, строго спросил: — За что вы его избили?

Бенкё продолжал молчать. Сабо, шмыгая носом, поднялся с пола.

— Что это у вас в руке? — сдерживая гнев, накинулся на него старший лейтенант.

— Ничего... Это просто так... — лепетал Сабо. Он хо-

тел спрятать руки за спину, но взводный подступил к нему вплотную и схватил за кисть руки.

— Покажите!

Сабо стоял, не разжимая сжатых в кулак пальцев. Взводный резко надавил на запястье, Сабо вскрикнул от боли. Пальцы его медленно разжались, с ладони на пол мягко шлепнулись расплющенные фасолины. Старший лейтенант оттолкнул от себя вора, крылья носа его гневно раздулись, желваки заходили на скулах, пальцы сжались в кулаки. Сабо взглянул на него, как кролик на удава, а потом, закрыв лицо руками, крикнул:

— Не надо!..

Стало тихо. Взводный глотнул воздуха и хрипло сказал:

— Марш по местам!

У Сабо дрожали губы, на лице пылали красные полосы от ударов Бенкё. Потупив голову, Сабо не двигался с места. Взводный легонько подтолкнул его к двери в помещение для отдыхающей смены. Бенкё молча пошел за ними и улегся на свое место на нарах. Взводный, взяв с плиты миски, унес их к себе в комнату.

Он тоже было прилег на койку, но сон не шел. Разбудив Шароши, старшего лейтенанта из политотдела, он рассказал ему о случившемся. Тот удивленно вскинул брови, а потом сказал:

— Шума из-за этого поднимать не стоит. Не хватало еще, чтобы в конечном счете Бенкё же и остался виноватым. А если начнешь разбирать случай, Бенкё обязательно придется наказывать. За самосуд. Так что ложись да спи, словно ничего и не видел... Так этому негодяю и надо...

На следующий день еды не было. Ели только Сепеши и трое его ребят. Когда они проснулись за полдень, взводный выдал им их вчерашние порции. Остальные грели животы пустым кипятком.

— В такую пору самое лучшее — у печки посидеть,— со вздохом произнес Бенкё. — По мне, так и носа бы я не высунул за порог. Бывало, мать наложит на тарелку и колбаски жареной, и салями, и лучку, и сальца. А я ж еще рыло в сторону ворочу: не желаю, надоело! Сейчас бы мне ту тарелочку. Только облизнулся бы! А здесь, видать, позабыли о нас, грешных...

— Иди лучше оружие почисти! — заорал Варга. — Выискался тут рассказчик! Поэт! Тут и так хоть кирпичи грызи с голодухи, а он своими разговорами только живот растравляет...

— Я ж сам с собой говорю. Чего накинулся?

— Неужели не видишь, как морщатся ребята? Слюной исходят от твоих баек?!

— Уж и поговорить нельзя?

— Хватит вам цапаться! — одернул их Сепеши. — Хотите послушать интересную историю? Рубан, расскажи им про наш поход.

Рубан всегда готов рассказывать. Он даже руки потер от удовольствия.

— Значит, так, шли мы, шли. Думали, уж до самого Северного полюса добрались, но, оказывается, это всего лишь дом здешнего сторожа. И что же мы видим? Вход в снежной горе в какую-то пещеру. Я сперва было подумал, что это легендарный тоннель из Гренландии в Канаду уже прорыли. Но что это там такое? Дым какой-то повалил!

— Дым у тебя из ноздрей валил, — сердито проворчал Варга, у которого все еще стоял перед глазами нарисованный фантазией Бенкё натюрморт с тарелкой жареной колбасы на переднем плане.

Рубан притворно обиделся:

— Не верите? Я что-то не пойму, кто ж из нас ходил — ты или мы? Это, брат, совершенно реальная история. На самом деле дом сторожа выглядел так. Его по крышу снегом замело. Одна печная труба наружу торчит и дымит. А чтобы сторожу с миром или с кем там еще общаться, он в снегу тоннель прокопал... Ну ладно, если вы думаете, что я вру, то вот что скажу я вам: я еще и маг-волшебник! Пошли это мы с товарищем сержантом Йошку Сабо с поста менять. Смотрим: нет Йошки. Думаю: «Все! Украли парня!» Повернули мы назад: все равно менять некого, остаюсь, мол, безработным. Стоит только одна заснеженная елочка. Словом, как в песне: «В лесу родилась елочка...» Я грустно прислонился к ней: отдохну, мол, немножко. А елочка как рявкнет мне в ухо, да так, что чуть я не оглох. «Стой!» — говорит мне дерево. Ну, я от страха так и обмер. Хотите — верьте, хотите — нет, а дерево оказалось Йошкой. Нечего делать, пришлось мне его на посту менять. Товарищ сержант, ко-

нечно, ему выговор. Почему, говорит, не отряхиваете с себя снег? «Все равно, — отвечает товарищ Сабо, — снова наметет. Надоело уж отряхивать-то...»

— Усилить бы надо караулы, — перебил рассказчика Сепеши, но никто на эти слова не откликнулся: и без того тошно, а он тут новые идеи толкает!..

— Командир сам решит, — буркнул кто-то.

Бенкё подумал: «А ведь действительно: на посту стоишь, ничего и в двух шагах не видно. Вдвоем, конечно, сподручнее, но ведь тогда в два раза увеличится время нахождения на посту...» Он поскреб в затылке и промолчал. Как и остальные.

Вошли взводный и Шароши, офицер из политотдела. Сабо весь подался навстречу командиру, но тот посмотрел на него с нескрываемым презрением.

— Не надо! — прошептал Сабо. — Больше никогда...— И с мольбой во взгляде посмотрел на взводного. Старший лейтенант стиснул зубы, чувствуя, что его опять охватывает гнев и он может не сдержаться и выкрикнуть во всеуслышанье обо всем, что случилось ночью.

— Ладно, ладно, — проговорил стоявший рядом Шароши и, взяв взводного за локоть, добавил: — Потом поговорим об этом!

Офицеры принялись расспрашивать Сепеши и его группу о ночном походе.

— Один часовой в такую непогоду ничего не видит вокруг себя. По двое нужно ставить на каждый пост или вообще ни одного... — продолжал вслух свою мысль Бенкё и тут же умолк, подсчитав в уме, что на сдвоенные посты не хватит людей.

— Дельное предложение, — похвалил старший лейтенант.— Только, сами видите, маловато нас. А надо бы... — И он пристально посмотрел на Бенкё, а тот уже опустил голову. По мнению Бенкё, вообще бы отменить караулы...

— Я пойду добровольно...

Бенкё вскинул голову, услышав эти слова. Сепеши! Опять он! Не успел Бенкё мысленно обругать ефрейтора, как тот уже выпалил:

— Словом, нас уже двое. С Бенкё. Я думаю, он тоже «за», коли сам предложил...

— И я, — прошептал Сабо.

У Бенкё даже кадык заходил от гнева на Сепеши за

его «догадливость». А тут уже десятки голосов галдели со всех сторон:

— Да чего там! Пойдем все, как один...

— Я тоже.

— Я как остальные.

Взводный одобрительно взглянул на Бенкё.

— Рад это слышать именно от вас, — сказал он.

— Это товарищ ефрейтор Сепеши идею подал, — скромно уточнил Бенкё. Пусть каждый понимает по-своему: однокашники — что это не он придумал на их голову двойную работу, а взводный — что Бенкё не хочет к чужой славе примазываться...

3

Вечером выставили удвоенные караулы. Бенкё смирился с судьбой и скромно сносил похвалы взводного:

— Спасибо, Бенкё. Вот уж действительно приятный сюрприз!

Бенкё отвечал спокойно, с достоинством:

— Стараемся, товарищ старший лейтенант.

А в душе уже молил: «Хватит, взводный! Хвали других, оставь меня таким, каков я есть, не ввергай меня в отчаяние. А то я скоро к собственному дыханию начну прислушиваться: правильно ли работает сопелка, по уставу ли?..»

Однако взводный был удивительно последователен. Зорким глазом подмечал он каждое движение Бенкё и приводил его всем в пример, хотя сам Бенкё ни за какие богатства мира не хотел бы оказаться примером. Взял Бенкё автомат из пирамиды, а старший лейтенант уже тут как тут:

— Вот правильно! Оружие нужно брать так, как товарищ Бенкё, — чтобы ствол автомата не был обращен ни на кого из стоящих рядом...

Бенкё краснел как рак. Он вовсе и не думал о том, как брать оружие из пирамиды. Как же еще? Конечно, стволом вверх. И тут вдруг вспомнил то, о чем обычно забывал: стоит ли затвор на предохранителе. Бенкё проверил, и тотчас же последовала новая похвала. В конце концов он буквально не знал, куда деваться от командирского внимания, и страшно обрадовался, когда пришел его черед заступать на пост.

Однако все это продолжалось и на другой день. Только теперь Бенкё приходилось держать марку «хорошего солдата» с бурчащим от голода брюхом. К полуночи буран начал стихать. У Иштвана Бенкё перестало сосать под ложечкой, зато на плечи и голову навалилась тупая, свинцовая тяжесть. Ногами он уже вообще едва мог двигать. Но когда, лежа на нарах, Бенкё случайно взглянул па взводного, сидящего у стола, ему бросилось в глаза, какой тот бледный.

«Когда же он спит? — подумал Бенкё. — Ведь не было ни одной смены караула, чтобы взводный лично не проверил солдат перед заступлением на пост...»

В следующую смену Бенкё стоял на посту в паре с ефрейтором. Сепеши находился метрах в сорока от него, едва различимый в темноте. В этой предутренней смене развод приходит, когда уже можно разглядеть цвет шинели. Значит, еще не скоро смена, а до тех пор ноги и руки совсем окоченеют. И все же ветер слабеет. Метет еще метелица, но уж не так, как вчера.

Перед глазами прыгают какие-то фантастические фигуры, будто ведьмы в пляс на снегу пустились. А вон там, поодаль, Сепеши маячит в сумраке черным пятном. А это что еще за тень? Напрягая зрение, Бенкё всматривался в темень. Проверка? Нет, еще ни разу не было у него такого тяжелого караула. Так и нюхают, так и проверяют. То сержант, то сам взводный. Вот бы подпустить сержанта поближе, а потом преспокойненько спросить его: «А, это вы пришли, папаня?» Он, наверное, лопнул бы тут же на месте от злости! Давно прилипла к Кёвечеши эта кличка, еще с той поры, когда однажды лейтенант назвал его «отцом всей роты».

Хрустнул снег. Бенкё ухмыльнулся. «Ладно, — вздохнув, подумал он. — Воздадим богу богово, а кесарю кесарево!» — И, гаркнув во всю глотку: «Стой!» — вскинул автомат и лязгнул затвором.

Темное пятно продолжало маячить поодаль. Не разберешь: то ли человек стоит, то ли снег на свету переливается.

— Задурили голову этими проверками, скоро собственной тени пугаться будешь... — проворчал себе под нос Бенкё, но на всякий случай решил еще раз подать воинственный возглас: — Кто идет?

Тут и Сепеши заорал из темноты:

— Стой! Кто идет?

Однако никто не отозвался. «Дурачим друг друга»,— подумал Бенкё. Сепеши снова повторил оклик:

— Стой! Стрелять буду!

— Давай стреляй! — плюнул Бенкё. — Чего доброго, он и в самом деле пальнет, как тот новобранец — в соседскую корову.

Все же Бенкё нащупал затвор автомата и поставил его на предохранитель. Из темноты, стремительно приближаясь к нему, замигали крохотные звездочки огоньков. И глухие хлопки. «Очередь!» — мелькнуло в мозгу. Совсем рядом просвистели пули и шлепнулись в стену склада. Втянув голову в плечи, Бенкё бросился в снег. Сзади загремели, скатываясь с крыши, осколки разбитой черепицы. «Высоко взял!» — подумал Бенкё, но следующая очередь просвистела уже прямо над его головой.

— Ну, скотина! — выругал он стрелявшего. Бенкё знал, что нужно зарываться поглубже в снег, но страх сковал его, и он лежал, не в силах пошевелиться, уткнувшись в снег. Ледяная корка намерзала на губах, снег обжигал щеки.

Внезапно наступила тишина. Сердце Бенкё бешено колотилось. А тут еще по голове угодило куском разбитой черепицы. Бенкё охнул и пощупал место ушиба. Осколок величиной в пол-ладони застрял между ушанкой и воротником тулупа. Он вытащил его и сердито отшвырнул. Со стороны поста Сепеши бухнул выстрел. Бенкё повернул голову. И снова затарахтел автомат из темноты. Теперь Бенкё хорошо видел вспышки и огненные струи пуль, летевших сквозь мрак по направлению к Сепеши.

«Вот гад! Он решил, что меня уже уложил! — догадался Бенкё, и клубок гнева подкатился к горлу.— А я, дурак, что же? Автомат в руках, а я еще ни одного выстрела!..» Бенкё положил автомат перед собой, дрожащей рукой снял с предохранителя и тщательно прицелился. Не на вспышки, а чуть левее, где угадывался стрелявший.

Кто-то вскрикнул, автомат умолк. Бенкё уже вскинул было победно голову, но тут же опять уткнулся в снег. Откуда-то сбоку мелькнула новая вспышка.

«Что их — много? — соображал Бенкё. — Или это Сепеши пальнул?» Бенкё пускал очередь за очередью, спе-

ша и волнуясь. Ему казалось, что, если создать вокруг себя огневое кольцо, никто не сможет подойти к нему. И Бенкё все стрелял и стрелял. Остановился, когда кто-то схватил его за локоть и голос старшего сержанта прошептал:

— Спокойно, Бенкё. Не надо нервничать. Что случилось?

— Кто-то очередью оттуда... — тихо ответил Бенкё, сглотнув слюну.

— Откуда? — спросил старший сержант.

Бенкё доложил свои наблюдения.

— Оставайтесь на месте, — шепнул Кёвечеш. — Замените магазин. Мы их сейчас в кольцо возьмем... — И старший сержант пополз назад, к стене склада.

Внезапно стало тихо. В рукава тулупа набился снег. Он таял, и вода затекала под гимнастерку, под нательную рубаху. От этого начинался озноб.

«Ну чего они там? Пора бы!..» — думал Бенкё, и ему казалось, что он уже целую вечность лежит в снегу.

Наконец началось. Бенкё следил за вспышками и звуками выстрелов, прикидывая, куда теснят налетчиков. Напрягая зрение, он искал в темноте, не выбежит ли кто из них на него. Однако никого не увидел. Вдали все время кто-то кричал. Голос был низкий, странный, полный боли и страдания. Прострекотало еще несколько очередей, затем раздался еще один выстрел — и словно точку кто поставил на всей перепалке...

Бенкё и Сепеши сменили. Разводил караулы сам взводный.

— Четверо их было, — сказал он сменившимся по дороге в караульное помещение. — Одного убили, троих взяли живыми... У нас двое раненых — сержант Кёвечеш и рядовой Элекаш из третьего отделения...

Бенкё молчал. Он пытался понять, почему все это произошло. Кому они встали поперек дороги? Для чего нужна была эта перестрелка?.. Конечно, потом все объяснят. Даже наверняка объяснят. Любимая тема старшего лейтенанта: «Наша задача, товарищи... Враг не дремлет... За доллары он готов на все...» Какими странными и далекими казались раньше эти слова! А враг-то — вот он! Лицом к лицу...

В караульном было тихо. Поставив оружие в пирамиду, они уселись на нары и попробовали пустым ки-

пятком обмануть требовавшие пищи желудки. Взводный, усевшись за стол, принялся изучать график смены постов. Время от времени он искоса поглядывал на Бенкё и Сепеши, молча нахохлившихся на нарах. В конце концов взводный не выдержал и, достав из кармана сигарету, протянул ее Иштвану Бенкё.

— Последнюю держал про запас. Думаю, теперь будет очень кстати.

Бенкё внимательно рассмотрел маленькую бумажную трубочку и, спрыгнув с нар, подошел к столу. Взяв лезвие безопасной бритвы (старший сержант обычно чинил ею карандаши), Бенкё разрезал сигарету на три равных цилиндрика. Положив их на ладонь, он обнес сигаретами взводного и Сепеши. Курить — так уж всем! Обрубка сигареты хватило на две сладкие затяжки. Покончив с курением, Бенкё направился к двери.

— Надо автомат почистить, — сказал он, но, сделав два шага, вдруг зашатался. Ноги у него подкосились, и Бенкё рухнул на пол. Его подхватили, уложили на нары. Как сквозь сон, до него доносились голоса. «Позовите доктора!» — это сказал взводный. Бенкё попытался встать, но его снова уложили на нары. Он удивленно спросил:

— Что же теперь будет?

— Как что? — сказал взводный. — Представим к награде вас и Сепеши. А всему взводу — краткосрочный отпуск с поездкой домой.

Бенкё хотел объяснить, что он не о том, что он о своей внезапной слабости, но тут же вспомнил, что сержант «отвалил» ему три наряда вне очереди, и решил, что и об этом нужно обязательно сейчас доложить взводному.

— У меня же...

Однако взводный перебил его.

— Знаю, знаю, — сказал он. — Все знаю. Наказали вас правильно. Отстоите в наряде, а потом поедете в отпуск.

Бенкё, успокоившись, закрыл глаза. «Теперь полный порядок», — думал он.

Прибежал врач и еще с порога закричал:

— Хорошенькое дельце! Сабо, как увидел у раненого сержанта кровь, так и кувырк с табуретки. Потерял сознание. А этот вообще без всяких причин бух — и в обмороке! Тоже мне вояки называются!

Взводный заворчал на доктора: мол, солдаты все отличные — и отошел в сторону, уступая ему место.

Врач взял руку Бенкё, пощупал пульс и тотчас же поставил диагноз:

— Голодный обморок.

Как врач, он должен был бы настоять, чтобы начальник караула отменил все выходы на посты, однако, бросив взгляд на взводного, понял, что все уговоры тут бесполезны. Этот будет держаться до последнего вздоха!..

— Телефон! — вдруг завопил во всю глотку взводный и сломя голову кинулся в комнату начальника караула. На пороге он столкнулся с офицером из политотдела. Тот тоже кричал что есть силы:

— К нам вылетела смена! На вертолете! Раненых заберут, привезут еду!..

Наступила такая тишина, что и комара можно было услышать. Все застыли на месте — кто сидя, кто стоя,— как изваяния. А потом вдруг все разом загалдели, перебивая друг друга.

— Тише! — громче всех закричал врач. — Здесь раненые! Тише, кому говорю?..

Наконец с большим трудом угомонились. Вскоре за окнами послышался отдаленный рокот мотора. Все выскочили во двор и, задрав головы, следили за маленькой, с каждым мгновением увеличивающейся черной точкой. Рокот все нарастал. Вертолет медленно опустился рядом с караульным помещением.

АРПАД ТИРИ

ЧУЖАЯ ДАЧА

Лейтенант Чани вышел на веранду и осмотрелся. Выражение его лица говорило о том, что он думает о чем-то очень важном.

Супруга главного инженера вынесла на веранду пиво и со слащавой улыбкой предложила:

— Пока Йолика собирается, выпей...

Каждый раз, когда она появлялась перед офицером, на ее лице расплывалась эта слащавая улыбка.

Лейтенант в такие моменты чувствовал себя неловко. Ему хотелось, чтобы эту улыбку как можно скорее сдуло с лица маленькой хрупкой женщины.

Пивная пена в бокалах давно спа́ла, но лейтенант не притронулся к питью: не было желания.

Все началось вчера, когда он с женой приехал на эту дачу. Вот со вчерашнего дня его и не покидало какое-то странное ощущение.

Жена главного инженера сразу же бросилась демонстрировать им свою дачу: провела по саду с низкорослыми фруктовыми деревьями и показала даже резиновый шланг, которым у них по вечерам поливают деревья и дорожку, посыпанную гравием, затем завела гостей на кухню, где обратила их внимание на различные хозяйственные машины и приспособления, на многочисленные банки с разнообразными соленьями и вареньями, на холодильник, в котором можно хранить что угодно, потом показала уборную и ванную, после чего усадила на диван в гостиной словно для того, чтобы гости могли убедиться, что пружины его нисколько не скрипят. И наконец вывела на веранду, где не забыла похвастаться

плетеными креслами из цветного пластика, какие лейтенанту Чани до этого доводилось видеть только на экране в каких-нибудь фильмах, где действие происходило на побережье моря.

Временами лейтенант украдкой пытался осмотреться, в надежде увидеть что-то такое, чего он не замечал раньше и что помогло бы ему понять причину собственной нервозности.

С первого же часа пребывания на даче его не покидало ощущение, что отпуск его начался не так. Он, конечно, пытался достать путевки в санаторий или дом отдыха, но ничего не получилось.

Йолан не корила его за это, она просто ничего не сказала. После ужина она, как обычно, уселась у телевизора, будто ее нисколько не интересовала судьба отпуска, однако по выражению лица супруги нетрудно было догадаться, что это далеко не так.

Поздно вечером, выключив телевизор, из которого только что неслись звуки французской военной песенки, Йолан сказала:

— Могли бы и в гостинице остановиться или, на худой конец, устроиться в пансионате. Уж это-то мы могли бы себе позволить!..

Посмотрев на жену, Чани подумал: «Наверняка она это не сейчас придумала...»

— И этого не могли... — ответил он.

А спустя неделю, когда Чани пришел со службы, она бросилась ему на шею и радостно воскликнула:

— Все в порядке! Мы на целую неделю едем на Балатон, на дачу к нашему главному инженеру.

— Как это так?.. — удивился Чани, которому сразу не понравилось это предложение, хотя в глубине души он давно хотел сменить обстановку с тем, чтобы ничего не нужно было объяснять и чтобы Йолан сама поняла причину, почему он вот уже несколько месяцев молчалив и озабочен, почему избегает встреч с родственниками и друзьями и почему, как и до женитьбы, чувствует себя в казарме лучше, чем дома.

Ничто не ускользнуло от внимания Йолан. Накануне отъезда, за ужином, держа в одной руке чашку с кофе, а в другой — паприку, она уставилась на пребывающего в задумчивости супруга и тоном, будто только что сделала открытие, воскликнула:

— Они будут ждать нас на станции, так что нам необходимо поехать в мягком вагоне!

— Хорошо, поедем в мягком, — согласно кивнул Чани и в душе обрадовался, что по своей забывчивости еще не купил билетов: ему бы и в голову не пришло ехать в мягком вагоне.

— И обещай, что ты будешь хвалить деревья в их саду! — наставляла мужа Йолан.

— Если деревья будут красивыми, почему бы и не похвалить?

— Похвали, если даже и некрасивые...

«Живое дерево всегда бывает красивым», — подумал Чани и скорчил гримасу.

— И не будешь корчить гримас! — не отступала Йолан. — Даже когда кто-нибудь будет говорить о солдатской жизни не так, как ты хотел бы...

Чани нахмурил лоб, подумав, что вот этого ей лучше было бы не говорить ему.

— А если мы куда-нибудь с ними пойдем, то давай, пожалуйста, чаевые официантам как полагается.

— Конечно, конечно, — машинально ответил Чани, не имея ни малейшего представления о том, сколько именно нужно давать официанту в ресторане на Балатоне.

Вчера после обеда, когда поезд подошел к станции, Чани, смущенный и сгорбленный, словно нес в руках тяжелый груз, плелся по перрону, с удивлением поглядывая на главного инженера и его супругу, будто видел их первый раз в жизни. На самом же деле он решил достойно сыграть отведенную ему роль, оставаясь в тени.

Так лейтенант Чани попал на Балатон, на дачу главного инженера, и теперь, сидя на веранде, дожидался прихода собственной жены.

В дверях появилась супруга инженера.

— Вы все еще не выпили свое пиво? — бросила она укоризненный взгляд на офицера.

— Жарко очень, а я в жару от пива потею, — проговорил Чани и встал. Сидя на пластиковом кресле, он почувствовал, как брюки прилипли у него к телу. Его бросило в жар, но не от духоты, а от сильного нервного напряжения.

«Виной всему мои плавки, которые заставила меня натянуть Йолан. Представляю, какой у меня вид в этой полосатой тряпке!..» — подумал он.

Через несколько минут на веранде появилась Йолан. На ней была резиновая шапочка, цветной халатик и золотистые босоножки. По лицу блуждала какая-то странная, чужая улыбка.

Чани невольно подумал, что никогда раньше не видел у жены такой улыбки. Значит, от Йолан можно ждать чего угодно. Он с некоторым удивлением рассматривал свою жену, пока не догадался, что она, видимо, не пожалела на себя косметики.

Он шел между двумя женщинами, осторожно ступая босыми ногами по дорожке, усыпанной гравием. На какое-то мгновение ему показалось, что эти женщины вообще не имеют к нему никакого отношения.

По дороге Йолан завела нарочито громкий и долгий разговор о какой-то покупке, выведя этим Чани из того настроения, в котором он только что находился.

Лейтенант Чани только сейчас пожалел о том, что главный инженер утром уехал в Тапольцу по какому-то делу и домой вернется только поздно вечером. Чани казалось, что теперь он охотнее перенес бы общество толстяка-инженера с его громким сопением и манерой высказывать свое превосходство, когда тот говорил о людях или вещах, даже его хвастовство и вранье, чем компанию этих двух женщин. А Йолан все говорила и говорила без умолку.

Офицер посмотрел на жену, и она почему-то показалась ему сейчас выше по крайней мере на полголовы, хотя на самом деле они были одного роста.

Нужно было пересечь железнодорожное полотно, по которому в этот момент проходил грузовой состав. Они пропустили состав и перешли через насыпь.

У входа на пляж, в тени под тополями, возле легковой машины, раздевался майор. Чани он показался знакомым. Лейтенант чуть поотстал от женщин, чтобы получше разглядеть майора.

«Да что это со мной? — недовольно подумал Чани.— В армии майоров — пруд пруди, не могу же я их всех знать в лицо».

— Мой муж давно бы должен быть капитаном, — донесся до Чани голос жены. — Но ему никак не везет с продвижением по службе.

Чани мгновенно покраснел и тут же вспомнил, как зимой, перед самой масленицей, когда они с Йолан воз-

вращались из гостей, захмелевшая жена перед самым домом сказала:

— Пора бы тебе и повышение получить, а ты все в лейтенантах ходишь. Разве я не права?

Произнесла она это как-то обидно, резко и вдруг замолчала, словно испугавшись своих слов.

Вспоминать об этом было неприятно. Он плелся позади жены и печально глядел на Йолан. Она шла походкой красивой кошки, плавно размахивая рукой, в которой держала свой халатик. И Чани в который раз подумал, что из тысячи женщин — девятьсот наверняка позавидовали бы походке его жены.

«Раньше она относилась ко мне совсем иначе, — думал Чани, — ласково называла меня «мой лейтенант Ракоци», и было-то это всего года два назад. А теперь ей все не так...»

Они расположились неподалеку от лодочной станции, разостлали на земле одеяло. Жена инженера, желая покрасоваться, распустила свои длинные каштановые волосы. Вскоре, приметив знакомых, она ушла к ним.

Чани неотвязно думал о том, какой несправедливо короткий период — два года.

— Поплывем? — предложила Йолан.

— Я попозже.

— Ты на меня за что-нибудь обиделся?

— Ничего я не обиделся, просто сейчас не хочется лезть в воду.

Йолан поправила волосы под резиновой шапочкой, спросила с раздражением:

— Почему ты никак не найдешь себе места?

В этот момент вернулась жена инженера. Кожа ее чуть-чуть покраснела от солнца, а длинные распущенные волосы придавали фигурке еще более безмятежный и привлекательный вид.

— А вы что, не собираетесь поплавать?— спросила она Чани, словно слышала их разговор с Йолан. Она неторопливо сняла с руки часы и положила их в сумочку, затем, спрятав волосы под купальную шапочку, украшенную маргаритками, сбросила с ног сандалии.

— Сейчас нет, — ответил Чани и стал смотреть в сторону лодочной станции, как бы давая понять, что больше на эту тему говорить не намерен.

Дождавшись, когда Йолан и ее подруга, дойдя до конца мола, вошли в воду, Чани подтащил одеяло вместе с разложенными на нем вещичками к самой воде, потом уселся на парапет набережной и почувствовал себя независимым. От воды пахло тростником, заросли которого виднелись неподалеку. Чани видел, как жена и супруга инженера плыли рядом к мыску тростника, а затем вдруг повернули вправо и поплыли вдоль пляжа, по линии буйков, в сторону Тиханьского полуострова. Обе шапочки виднелись на одном уровне, будто это была демонстрация показательного заплыва.

Чани задумался. Перед его мысленным взором возникло девичье лицо с полноватыми губами. Эта девушка сказала, что никогда в жизни не пользовалась косметикой, и при этом очень серьезно посмотрела на Чани. Они гуляли по Народному парку.

Несколько позже, когда Чани уже учился в офицерском училище, он как-то в воскресенье встретил девушку на набережной Дуная и хотел повести ее в Народный парк, который находился неподалеку от училища, но девушка заявила, что хочет взобраться на гору Геллерт. Чани тщетно пытался вспомнить имя этой девушки.

В Буду они поехали на шестьдесят третьем трамвае. Сойдя с него, стали взбираться на гору. Когда несколько стемнело, Чани попытался заманить девушку в рощицу, но она наотрез отказалась:

— Я туда не пойду!

— Почему?

— «Почему, почему?» Потому что не пойду, и все...

— Это не ответ. Я весь день был с тобой и хочу знать, почему ты не хочешь со мной идти.

Девушка бросила на него строгий взгляд, не понять значения которого было просто невозможно.

— Я не так воспитана... — сказала она.

Воспоминания несколько оживили Чани, и он даже ни капельки не рассердился на Йолан за то, что она заплыла так далеко, что ее не видно было из-за зарослей тростника. Он почувствовал, что не одинок в этой обстановке, которая становилась все более и более тягостной для него. Чани начал вспоминать других женщин, с которыми встречался. Вспомнил он и отца, бедного парикмахера, который после смерти жены продал свою небольшую парикмахерскую и, будучи не в состоянии пла-

тить налоги, уехал в Сталинварош на должность простого кладовщика.

Чани живо представил отца. Вспомнилось, как тот каждую субботу после обеда складывал в санитарную сумку бритвы, ножницы, расчески, кисточки, мыло, ремни для правки бритв и исчезал из дому до поздней ночи. А утром в воскресенье он растирал себе поясницу и недовольно ворчал, что вместо отдыха должен стричь и брить разное старье, которое не подарит ему даже приличной бритвы...

Вечером, когда они уже легли спать, Йолан тихо прошептала:

— Послезавтра к ним приедут гости из Швеции, но только не бойся: они не из тех, кто в пятьдесят шестом сбежал за границу, эти еще во время войны выехали...

Чани покоробило от этого известия. Приезд к хозяевам дачи каких-то родственников из Швеции нисколько его не радовал. Как он должен держать себя в их присутствии: выдавать ли себя за человека с душой нараспашку или напустить безразличный вид? И вообще, о чем с ними можно говорить?

Чани долго не мог заснуть — так его разволновало известие о приезде гостей из Швеции. Он думал, как объяснить Йолан, что ему, офицеру, встреча с иностранцами может повредить, хотя поначалу все это кажется таким безобидным...

В первый день приезда Чани, осматривая дачную обстановку, испытывал чувство некоторой зависти, но очень скоро от этого не осталось и следа...

Йолан и жена инженера обратно приплыли на лодке. На веслах сидел какой-то мужчина в белой кепочке, якобы знакомый хозяйки дачи. Он проводил женщин до разостланного на земле одеяла и, прощаясь, крепко пожал лейтенанту руку.

Чани, бросив беглый взгляд на жену, заметил, что она как-то подозрительно покраснела.

Обратный путь от пляжа до дачи они проделали точто так же, с той лишь разницей, что всю дорогу обе женщины шли впереди, взявшись под ручку, и о чем-то секретничали, а он, устало отрывая ноги от земли, шел вслед за ними, думая о своем.

Главный инженер вернулся поздно вечером. До его приезда никто не садился ужинать. Хозяин выглядел ус-

тавшим и злым. Когда супруга спросила, как прошла его поездка, он почему-то начал ругать транспорт за его чрезвычайную медлительность. По всему чувствовалось, что он чем-то обеспокоен. Видимо, дела, которые были у него в Тапольце, шли не ахти как гладко, а может, причина его скверного настроения заключалась в любовнице, без которых, по мнению Чани, не обходятся такие обеспеченные мужчины.

Инженер, ковыряя вилкой куски жареного мяса, неожиданно спросил:

— Почтальон сегодня писем не приносил?

— Писем не было, — ответила жена.

И тут инженер вспомнил о почтовом ящике, в котором поселились осы:

— Завтра же выкурю всех ос оттуда, — буркнул он, смачно откусив кусок зеленой каприки.

— Могу помочь, — предложил Чани только для того, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Лицо инженера моментально просияло — он панически боялся ос. В их почтовом ящике они поселились недели две назад, а днем только и делали, что летали над гамаком инженера, который со дня на день все откладывал «операцию» против несносных ос.

— Снимем верхнюю крышку, а снизу подожжем масляную тряпку и выкурим их... — начал было объяснять инженер.

— Лучше их бензинчиком выкурить, они его запаха не выносят.

— Бензин? — удивился хозяин дачи. — Хорошо, бензином так бензином.

После ужина инженер с супругой ушли в свои комнаты. Йолан тоже чувствовала себя утомленной: днем было столько впечатлений!

— Ты еще останешься? — Йолан сошла с веранды и, подойдя к Чани, который отдыхал в кресле, положила ему руку на плечо.

Чани на миг стиснул руку жены, чего между ними уже давно не было.

— Как ты думаешь, этот инженер с женой могут быть для нас друзьями? — спросил он.

— Я тебя не понимаю. — Йолан наклонилась поближе к мужу.

— Я спрашиваю, этот инженер с женой могут быть для нас друзьями?

— Я никак не пойму, что ты против них имеешь? Очень порядочные, умные люди, к тому же такие милые.

— Я не об этом.

— Тогда о чем же?

— Я, например, думал о том, что нам как-то нужно отблагодарить их за сегодняшний обед и за этот ужин.

— Ты с ума сошел? — испуганно зашептала Йолан.— Да они кровно обидятся!

— Но ведь и мы с тобой не нищие, чтобы нас бесплатно кормили!

Йолан подняла голову и посмотрела на уличные фонари, желтый отблеск которых отражался в ее глазах. Взгляд у нее был печальный.

— Я так думаю, — предложила Йолан, — завтра, когда приедет эта шведская пара, мы вместе куда-нибудь сходим, угостим их, а ты расплатишься.

— Хорошо, — согласился Чани.

Стоило ей только пошевельнуться, как в воздухе запахло кремом, мылом и водой. За последнее время Чани привык к этим запахам, а в прошлом году перед новогодним праздником ему прямо-таки плохо стало от всей этой парфюмерии, всю ночь он страдал от сильной головной боли...

На даче и вокруг нее все постепенно стихло. Воздух стал прохладным, от озера тянуло свежестью.

Чани смотрел вслед уходящей Йолан, которую неотступно сопровождала ее тень. Сначала жена вместе с тенью шла вдоль белой стены дачи, затем по ступенькам поднялась на веранду, освещенную желтым светом уличных фонарей. И хотя Чани по-прежнему любил Йолан, порой даже страстно, в душе он чувствовал, что эта женщина остается чужой, непонятной ему.

Когда фигурка жены растворилась в темноте, он подумал: «Хорошо, что у нас нет детей. Так будет легче для обоих. Мне еще только тридцать...»

Сейчас его волновала мысль не о том, почему женщины вообще так быстро меняются, выйдя замуж, а отчего так сильно изменилась за эти два года его Йолан...

«Как быстро меняется отношение людей друг к другу! Может, так и надо? Почему некоторые офицерские жены

никак не могут понять, что не всем военным суждено стать героями или офицерами высших чинов?..»

Чани тяжело вздохнул. Захотелось положить конец всему этому! И матери и командиру полка он объяснит, что и как. Командир, по-видимому, скажет, покачав головой: «Ты был нетерпелив по отношению к жене. Чтобы правильно воспитать ее, двух лет явно недостаточно. За это время мы солдата и то как следует не успеваем подготовить...»

Чани ответил бы командиру: «Двое могут разобраться в своих отношениях, лишь пожив друг с другом некоторое время. Да что я вам рассказываю? Вы все это и без меня прекрасно знаете. Йолан невозможно воспитать, к ней только можно приспособиться, а это значило бы, по сути дела, вводить друг друга в заблуждение.

Разумеется, если б я попал в такую обстановку, когда можно совершить героический поступок, я бы, не задумываясь, его совершил, но для этого в современных условиях нужно, по крайней мере, служить не в мотопехоте, и тем более, не в отделе боепитания, а, скажем, в авиации... Был бы я летчиком, тогда, возможно, совершая какой-нибудь полет...»

Чани стало стыдно. Откровенно говоря, ему никогда особенно не хотелось быть ни героем, ни каким-нибудь первооткрывателем — на это у него не хватало характера. И когда в годы учебы в офицерском училище временами тянуло в более популярный и современный род войск, он старался убедить себя в том, что самое главное в жизни военного — это дисциплина. И он старался никогда не нарушать ее, строго следовать ее требованиям...

Когда часы уже показывали за полночь, Чани вдруг стал одеваться. Он решил уехать с первым же поездом. Он, конечно, понимал, что уезжать, не простившись, нехорошо, но рассудил, что так будет легче и для него, и для Йолан. Он еще четко не сознавал, почему до сих пор все наиболее важные события его жизни происходили в офицерском училище, в казарме или же в штабе, и вдруг такое серьезное решение — покинуть Йолан — возникло здесь, на чужой даче...

Стоило вспомнить о казарме, как мысленно перед ним возникли здание штаба, оружейная мастерская, склад боеприпасов и плац, усыпанный шлаком, позади которого находилась аллея сливовых деревьев. Все случившееся,

а вернее, то, что должно было случиться, причиняло ему боль, однако угрызений совести он не чувствовал.

Чани понимал, что от судьбы никуда не уйдешь. «Приеду завтра в часть, — успокаивал он себя, — и сразу же почувствую себя как дома. Конечно, если о моих домашних неурядицах узнают в полку, пойдут всякие разговоры. Ну, поговорят немного и забудут, в полку меня любят. А если буду очень скучать, пойду в оружейную мастерскую, возьму в руки инструмент, авось что-нибудь да придумаю: времени свободного у меня теперь много. Или же махну в медсанчасть, чтобы сразиться в шахматы с врачом, которому можно даже дать фору, а не то заберу удочки да подамся на Дунай, благо до него и километра не будет...»

А Йолан безмятежно спала. Чани вышел из дома, перелез через запертую железную калитку, окинул взглядом дачу, и сердце его наполнилось радостью, что дача эта принадлежит не ему.

АРПАД ТИРИ

ДВАЖДЫ ПОБРАТИМЫ

С конца лета 1956 года Матэ каждое утро со все возрастающим беспокойством брал в руки газеты. Наскоро просматривая их, удивлялся, а иногда даже не верил своим глазам. Закончив смену, он внимательно перечитывал все статьи. Некоторые фразы перечитывал по нескольку раз, пытаясь вникнуть в их смысл, но тщетно. Порой его охватывало странное и вместе с тем страшное чувство, что он не понимает того, что творится не только на шахте и в городе, но и за их пределами, во всей стране.

24 октября шахтеры, как обычно, спустились в шахту и отработали смену, а на следующий день работа в шахте остановилась.

Придя на шахту, Матэ с удивлением увидел на здании шахтоуправления развевающиеся национальные флаги, из середины которых чья-то недобрая рука вырезала герб Венгерской Народной Республики. А вскоре на шахтный двор въехали грузовики с чужими, странно одетыми людьми. Приехавшие говорили зажигательные речи, говорили невразумительно, но дерзко, куда-то в спешке уезжали и снова возвращались. Краснолицые — словно взбодрили себя несколькими стаканами палинки, — они говорили громко, стараясь перекричать друг друга. Грузовики мятежников разъезжали по всему поселку. Несколько молодых шахтеров, которые заглянули в кузова машин, крытых брезентом, увидели там оружие. Один из грузовиков сшиб дорожный знак и даже не остановился. Кое-кто из шахтеров пошел в город: одни — чтобы узнать, что там делается, другие — просто так, сами не зная зачем.

Когда Матэ увидел на стене одного здания контрреволюционный плакат, написанный с орфографическими ошибками, потом еще один, а затем свастику, нарисованную на заборе мелом, он сразу же пошел домой, заперся на ключ и начал настойчиво крутить ручку настройки старенького «телефункена». Всю ночь он жадно слушал радио, пытаясь что-либо понять, ловил и заграничные станции, которые был способен поймать старый радиоприемник, но понял довольно мало. Проанализировав все увиденное и услышанное, он пришел к выводу, что в стране начался контрреволюционный мятеж.

В тяжелых раздумьях и сомнениях прошел день. Матэ хотелось что-то делать. Желание активной деятельности, зародившись где-то в глубине души, росло с каждым часом. Его так и подмывало встать и пойти в райком партии, чтобы прямо сказать им: «Товарищи, я пришел к вам, чтобы помогать. Вы можете располагать мной. Я готов на все». Но мысль о том, что на него, как и прежде, недоверчиво покосятся, удерживала его от этого шага.

Поздно вечером кто-то громко постучал в калитку дома, где жил Матэ. Приоткрыв занавеску, Матэ посмотрел в окно. Это пришел Бочар, которого Матэ знал еще с того времени, когда был секретарем райкома. Тогда Бочар работал в парткоме шахтоуправления. Жил он в шахтерском поселке, и, хотя ему не раз предлагали большую и лучшую квартиру в городе, он не согласился туда переезжать, чем завоевал у шахтеров особую симпатию.

После возвращения в поселок Матэ несколько раз видел Бочара, но поговорить по душам им не пришлось. Они только здоровались при встрече.

Матэ пошел открывать калитку.

— Я уезжаю, — коротко сказал Бочар, внимательно глядя на Матэ, словно стараясь угадать его мысли. — Еду в обком партии. Быть может, я там понадоблюсь.

Матэ ничего не сказал Бочару. Несколько секунд он смотрел вслед удаляющемуся Бочару.

28 октября Матэ встал очень рано, на улице едва рассвело. Побрился и собрался так, словно отправлялся в дальний путь: надел два теплых свитера, шерстяные носки, сунул в карман табак и бумагу и пошел в город. Идти пришлось пешком, так как автобусы туда уже не ходили. Шел и думал: «Именно в такой день я предстану перед комитетом партийного контроля. Правда, сей-

час я иду вовсе не туда, надеюсь, что и здесь, на месте, удастся все выяснить...»

В обкоме партии, куда пришел Матэ, его не донимали расспросами, во-первых, потому, что его здесь хорошо знали, а во-вторых, потому, что в те дни в обком приходили люди, которые хотели найти здесь защиту от всякой контрреволюционной нечисти, или те, кто просил немедленно дать им в руки оружие, чтобы сражаться против контрреволюции.

Матэ послали на третий этаж в угловую комнату к какому-то пожилому мужчине, вместе с которым он должен был наблюдать за площадью. Войдя в указанную комнату, он увидел у окна мужчину, который изучающе взглянул на него, однако от окна не отошел и автомата, который держал в руках, на подоконник не положил.

— Я Шимон Находилски, — представился мужчина.— Фамилия моя, наверное, несколько странно звучит для вас, зато в Европе интернационалисты меня хорошо знают...

Шимон мог часами не отходить от окна, сидеть или стоять не шевелясь, внимательно наблюдая за тем, что происходит на площади. Когда Матэ спрашивал его о чем-нибудь, Шимон делал вид, что не расслышал вопроса.

«Какой-то нелюдимый», — решил сначала Матэ.

У Шимона была привычка поминутно поправлять очки, словно они без этого вот-вот съехали бы у него с носа. Иногда, когда у окна дежурил Матэ, Шимон что-то рисовал на клочках бумаги. Глядя на Шимона, на его свесившуюся на грудь седую голову, морщинистую шею и гордый орлиный профиль, Матэ находил его поведение странным, а порою просто непонятным. Ночью старик начал кричать во сне, бредить. Матэ неподвижно сидел у окна, вглядываясь в ночную тьму. Он уже задремал, как вдруг услышал тихий плач, доносившийся из угла.

«Кто это плачет?» — подумал Матэ. Ведь, кроме них, в комнате никого не было. Да, это плакал старик Шимон.

Утром Матэ молча сдал пост у окна Шимону. Так же молча они позавтракали. Матэ хотелось спросить у Шимона, почему тот плакал ночью, но он не знал, как это сделать потактичнее.

Едва Матэ и Шимон закончили завтракать, как на площадь въехала повозка. Обычно на таких крестьяне возят на базар продукты. В полной тишине отчетливо слышался скрип давно не мазанных колес. Лошадей в городе не было, и повозку толкал, налегая всем телом на дышло, неуклюжий мужчина с лохматой головой. На повозке стоял дощатый гроб. Мужчине помогали два старика, которые одновременно поддерживали друг друга. Они не причитали, не плакали, молча толкали повозку и, казалось, нисколько не интересовались тем, что творилось вокруг.

Матэ подозрительно смотрел из окна на повозку, на гроб, на стариков, не понимая, как и зачем пропустили их в оцепленный район. «Нужно будет спросить Шимона, — думал Матэ, — почему он плакал ночью». Когда повозка проехала мимо здания обкома, Матэ убрал с подоконника автомат, развернул схему прилегающих улиц, которую он за день до этого сам вычертил, и принялся ее рассматривать. Затем взял бинокль, который Шимон всегда держал на подоконнике, и внимательно осмотрел местность. Не отходя от окна, сел на пол. Он чувствовал, как усталость навалилась на него, и подумал, что неплохо было бы хорошенько выспаться. Жизнь, возможно, показалась бы после этого не такой мрачной. Его разбирало любопытство, кто же лежал в гробу. И вдруг Матэ обожгла догадка: «А может, в гробу вовсе и не мертвец лежал, а оружие, которое мятежники хотели провезти в оцепленный рабочими район, чтобы в тот же вечер обстреливать из него здание обкома?..»

Примерно в половине десятого Шимон сменил Матэ. Но Матэ от окна не ушел, а даже выглянул на улицу.

— Почему ты не уходишь? — строго спросил его Шимон.

— Хочу поговорить, — ответил Матэ.

— Кто ты такой?

— Был секретарем райкома.

— Почему был?

— Говорю был, значит, был.

— Почему был? Ведь партия живет и борется. Нас никто не разбил.

— Меня разбили, — повернулся к Шимону Матэ.

— Ты что-нибудь натворил? — спросил Шимон, и выражение строгости сошло с его лица.

— Меня хотели принудить, чтобы я сказал неправду об одном старом коммунисте, который двадцать пять лет жил в эмиграции. Он объездил пол-Европы, а когда после освобождения Венгрии вернулся на родину, то попросил дать ему возможность спокойно дожить остатки лет здесь. Работал он продавцом в табачном киоске.

— Только и всего? — Шимон с удивлением взглянул на Матэ.

— Только. Вчера мне нужно было явиться в Будапешт, в комиссию партконтроля, по делу о моей реабилитации.

— А ты взял да и пришел сюда?

— В Будапешт сейчас все равно не попасть. Вот я и подумал, если туда не могу добраться, так приду сюда, в обком.

— Я тоже застрял в этом городе, можно сказать случайно, и сразу же пришел сюда.

Матэ не знал, о чем говорить еще. Он посмотрел на Шимона и вдруг заметил, что тот держит в руках листок бумаги, на котором детской рукой нарисован пароход. Стоило Матэ увидеть этот детский рисунок, как настроение у него сразу же улучшилось, а старик Шимон показался даже симпатичным.

Шимон спрятал рисунок в карман.

— Я тоже объехал пол-Европы, — начал он и, сняв очки, посмотрел на Матэ. — Был и у меня долгое время паспорт без гражданства. Из Венгрии, после поражения Венгерской советской республики, я вынужден был уехать.

Наступила долгая пауза. Оба молчали, погрузившись каждый в свои думы. Первым нарушил тишину Матэ:

— Вы плакали сегодня ночью?

Шимон сделал вид, что не расслышал вопроса.

— У вас есть семья? — спросил тогда Матэ.

— Поздно уже мне обзаводиться семьей, сынок, — ответил Шимон и замолчал.

Во время обеда, черпая ложкой рисовый суп из миски, в которую он раскрошил кусок хлеба, Шимон рассказал Матэ историю своей жизни, рассказал, что случилось с Имре Таром и Матэ Залкой под Уэской и как ему самому удалось получить в Париже паспорт переселенца. Рассказывая, он преобразился, словно почувствовал себя

молодым. Вспомнил, как в русском плену он работал на строительстве железной дороги в Средней Азии.

— В Советской России я познакомился с большевиками, — продолжал Шимон. Перед глазами его возникла фигура красноармейца, который охранял пленных венгров. Вспомнилось, как тот объяснял пленным: «Вы теперь свободны! У нас совершилась революция, и каждый из вас может идти на все четыре стороны. Хотите вернуться на родину? Пожалуйста! Это ваше личное дело. Но те, кто хочет помочь русскому трудовому народу, кто хочет сражаться за правду, против господ и эмиров, может вступить добровольцем в Красную Армию!..»

Шимона очень тянуло па родину, но еще сильнее было его желание сражаться плечом к плечу с русскими братьями за дело русской революции, которая не только освободила его из плена, но и научила разбираться, кто друг, а кто враг.

Шимон рассказал, как он, будучи бойцом легендарной Конной армии Буденного, прошел с боями путь от Ростова до самой польской границы, а потом решил вернуться к себе на родину, чтобы готовить венгерский народ к революции, которая сметет в стране власть богачей и утвердит власть рабочих и крестьян. Недолго просуществовала Венгерская советская республика, и вот Шимон в Европе, переезжает из одной страны в другую, но везде на пограничных станциях, едва взглянув на его паспорт, пограничники быстро захлопывали его и говорили: «Политический беженец? Просим вас в течение сорока восьми часов покинуть территорию нашего государства!»

Он оказался в республиканском Мадриде. Город бурлил. Шимон работал в руководстве интернациональной группы французской компартии, занимался кадрами интернационалистов, которые, получив назначение на фронт, уходили от него через черный ход, чтобы не попасться на глаза фашистским шпикам, дежурившим возле парадного.

— Иногда мне казалось, — продолжал Шимон, — что люди, которые меня там окружали, слишком устали и уже не способны продолжать борьбу. Так мне иногда казалось и в годы гражданской войны, и в Испании, и во время гитлеровской оккупации. Я боялся, что, устав от трудностей, голода, холода и лишений, они могут потерять из виду цель, к которой стремились. Поэтому я всегда пов-

торял им, что настоящий коммунист-интернационалист не имеет права уставать и отказываться от борьбы до тех пор, пока не достигнет поставленной перед ним цели. Я всегда был с людьми, убеждал их и теперь смело могу сказать, что мало кто отошел от нас. Таких было так мало, что мне даже нечего стыдиться.

Когда много позже я уезжал из Парижа на родину, проводить меня на вокзал пришел сам товарищ Морис Торез, а в Будапеште на Восточном вокзале меня встречал один из секретарей ЦК партии.

— И вам никогда не было страшно? — вдруг перебил его Матэ.

— А чего бояться-то, сынок?

— Ну, скажем, смерти...

— О смерти я никогда не думал, даже в самых тяжелых ситуациях. В моей жизни не было моментов, когда мне не хотелось бы жить. Даже в самое трудное время я не терял надежды на лучшее, потому что всегда верил в правоту дела, которым занимался.

Матэ не знал, что именно так крепко привязало его к Шимону, да еще за такое короткое время. Точно так же он не мог сказать, почему когда-то так крепко подружился с Крюгером или почему полюбил Магду. В глубине души он чувствовал, что знакомство с Шимоном открыло ему глаза. На многое он стал смотреть не так, как раньше, а будущее уже не казалось ему безнадежным.

Матэ рассказал Шимону о консервном заводе и даже начертил на бумажке план завода.

— Я хотел, чтобы наш район славился не только кулаками да спекулянтами, — сказал он, закончив рассказ.

Шимон понимающе кивнул:

— Каждый человек, сынок, хочет показать себя. Для этого, собственно, мы и живем на свете, чтобы доказать, на что мы способны.

— У меня на стене в комнате висел план консервного завода, который мне так хотелось построить в районе. Каким же наивным я тогда был!..

Разговор по душам сблизил их. Возможно, друг без друга им было бы очень трудно охранять здание обкома, сидя в угловой комнате на третьем этаже.

— Поспи немного, сынок, — предложил Шимон Матэ.

— Спать мне что-то не хочется.

— А ты все равно поспи. Ты же устал.

— Вы тоже устали. Я видел, вы почти совсем не спали.

— Когда мне захочется вздремнуть, я тебя разбужу и посплю немного. Старики мало спят. Когда же бодрствую, я как-то спокойнее себя чувствую.

— А может так случиться, что на нас здесь нападут мятежники? — неожиданно спросил Матэ, и в голосе его было больше недоумения, чем беспокойства.

— Мы должны быть готовы к этому,— ответил Шимон, посмотрев Матэ в глаза. И хотя старик больше ни словом не обмолвился о возможном нападении мятежников, Матэ по его виду понял больше, чем тот хотел сказать.

Матэ лег к стене и быстро задремал. Спал он часа полтора. Когда проснулся, кругом стояла тишина. Матэ протер глаза и сел к окну рядом с Шимоном. Начало светать. Матэ открыл крышку автоматного диска, поправил пружину, чтобы автомат не подвел при стрельбе. Пальцем дотронулся до каждого патрона. Всего семьдесят два патрона, значит, можно убить семьдесят два мятежника, а может, только тридцать шесть или тридцать, во всяком случае, можно стрелять до тех пор, пока не кончатся патроны.

— Рассказали бы вы мне еще что-нибудь о боях в Испании, — тихо попросил Матэ. — Или о гражданской войне в России. О Париже вы тоже очень интересно рассказываете.

— Расскажу еще, сынок. Вот станет поспокойнее, и расскажу. А сейчас нам нужно внимательно наблюдать за улицей.

— Обо всем расскажете?

— Ничего не утаю, расскажу все как было, сынок.

Матэ подвинулся ближе к окну и больше уже ни о чем не спрашивал.

За несколько минут до семи мятежники начали обстрел обкома партии. Стреляли из автоматов и пулемета. Потом из боковой улицы появились какие-то верзилы с повязками на рукавах, бородатые парни и даже несколько женщин. Они бросили в окна нижнего этажа несколько ручных гранат и бутылок с горючей смесью. Матэ казалось, что мятежники прут со всех сторон, тем более что утренний туман еще не полностью рассеялся и видимость была ограниченной. Матэ вдруг почему-то вспомнил отца, вспомнил, как выносили из бани его гроб, и дал длинную

очередь в туман. На какое-то мгновение ему стало страшно, захотелось, чтобы его пули ни в кого не попали, но так было только мгновение. Скоро он заметил, что диск автомата пуст, и вставил новый. Он успел расстрелять четыре диска, как вдруг почувствовал легкий толчок в руку. Матэ повернулся, на миг выпрямился и тут же почувствовал такой же толчок в ногу. Он повалился на пол. Шимон подтащил Матэ к себе.

— Крепись, сынок, крепись! Сейчас я отгоню негодяев от здания и сделаю тебе перевязку, — сказал Шимон, убедившись, что раны Матэ не очень опасны.

Матэ смотрел на старика так, словно хотел о чем-то спросить его. Но Шимону в этот момент было не до раненого: он выпускал из автомата одну очередь за другой. Матэ стало стыдно, что сейчас, в самый разгар боя, когда мятежники рвутся к зданию обкома, он не в состоянии ничем помочь Шимону. Несколько минут Матэ смотрел на дымящийся ствол автомата Шимона, а затем потерял сознание.

В себя он пришел спустя несколько часов. Его куда-то несли на носилках. Сначала он почувствовал, что его несут, потом ощутил на лице капли воды и открыл глаза. Увидел над собой темное, без звезд, небо и силуэты каштанов. Руку и ногу при малейшем движении пронизывала резкая боль.

«Опять в руку,— подумал Матэ,— наверное, здорово кровоточит. Кругом тихо, — значит, бой уже кончился. Интересно, где сейчас Шимон? Кто эти люди, которые несут меня, и куда они меня несут?..»

Матэ хотел что-то сказать, но вместо слов из горла вырвался тихий стон. Над ним наклонился мужчина в очках и кожаной фуражке на голове.

— Лежите спокойно, товарищ! — проговорил мужчина. — Вы потеряли много крови.

«Я потерял много крови, — думал Матэ. — Но где же Шимон? Убит? Или тоже ранен? Значит, несут меня наши, правда, не совсем осторожно, а я даже не могу попросить их, чтобы они шли потише, совсем тихо... ведь все равно когда-то мы придем, куда нужно...» И Матэ снова потерял сознание.

Его принесли в военный госпиталь и положили в нижнем этаже в помещении, похожем на склад. Было тепло,

потому что вдоль стен проходили трубы парового отопления. Сразу же появился врач.

Матэ хотел открыть глаза, чтобы увидеть раненых, которые находятся вместе с ним в этом помещении, узнать, нет ли среди них знакомых, посмотреть, как выглядит врач, и вообще дать ему понять, что он в сознании, но не было сил даже открыть глаза. Поняв это, он смирился с собственным бессилием, довольствуясь тем, что слышит все, что говорят о нем окружающие, и понимает их.

— Вероятно, ему очень больно, — сочувственно сказал кто-то.

Матэ показалось, что это был голос мужчины в очках, который впервые заговорил с ним, когда его несли на носилках.

— Положение не очень опасное, однако я сделаю ему обезболивающий укол. Сейчас для него самое главное — переливание крови и покой. Полный покой.

«Вряд ли это сказал врач, — подумал Матэ.— Уж больно молодой у него голос».

Через несколько секунд Матэ почувствовал, как ему сделали укол.

— Не отходите от него ни на минуту, — сказал врач кому-то.

Дверь закрылась. Скрипнул стул, когда кто-то осторожно опустился на него, и затем в помещении стало совсем тихо.

Матэ пытался вспомнить, когда он потерял сознание. Последнее, что он помнил, был дымящийся ствол автомата Шимона. Ему хотелось спросить, как развивались события после того, как его ранили, жив ли Шимон, а если жив, то почему его здесь нет, зачем его принесли сюда, чем закончилась осада обкома, сумели ли наши отстоять здание...

Вспомнился фронт, полевой госпиталь в здании школы, где он лежал раненый. Тогда ему хотелось поскорее потерять сознание...

Напрягая память, Матэ вспомнил, как к нему домой пришел Бочар, как он постучал в калитку. Матэ прекрасно помнил все до момента, когда мятежники ранили его. Сейчас он хотел спросить, что было потом, но из-за потери крови так ослаб, что к горлу подкатила тошнота, и он снова потерял сознание.

В тот же день Матэ сделали переливание крови, а на следующее утро перенесли в отдельную палату, которая находилась на первом этаже. Через три дня он уже чувствовал себя хорошо. Теперь единственным желанием Матэ было во что бы то ни стало увидеть Шимона, увидеть как можно скорее, но пока он еще никому не говорил об этом.

— Откровенно говоря, мы очень боялись за вас, но вы оказались молодцом... — сказал ему врач во время обхода.

Врач, как и предполагал Матэ, оказался очень молодым. Под белым халатом он носил офицерский китель, который как-то странно оттопыривался сбоку.

«Носит в кармане пистолет. Наверное, военврачу личное оружие положено», — подумал Матэ.

Днем откуда-то издалека донесся шум перестрелки, затем грохот артиллерийской канонады.

Во время послеобеденного обхода врач рассказал Матэ, что Временное Венгерское революционное правительство, возглавляемое товарищем Кадаром, обратилось к Советскому правительству с просьбой оказать ему помощь в подавлении контрреволюционного мятежа, развязанного силами внешней и внутренней контрреволюции. Советское правительство без промедления откликнулось на эту просьбу и приказало своим войскам помочь венгерскому народу разгромить мятежников.

— Канонада, которую вы слышите, — продолжал врач, — свидетельствует о том, что мятежники под ударами советских войск отошли в горы. Пройдет всего несколько дней, и вся контрреволюционная сволочь будет разгромлена.

Через пять дней, под вечер, сидя на краю кровати, Матэ думал о том, что скоро, видимо, сможет выйти из госпиталя. А когда выйдет, сразу же напишет Магде письмо. В этот момент дверь в палату отворилась и на пороге появился Шимон. Вслед за ним в палату вошел советский полковник. Лечащий врач только заглянул в дверь, но не вошел.

Матэ хотел встать, но Шимон опередил его, усадив обратно. Он крепко обнял Матэ.

— А я так беспокоился за вас, чего только не передумал, — взволнованно проговорил Матэ.

— Я, сынок, не раз спрашивал о тебе, интересовался твоим здоровьем, вот только навестить раньше не мог.

— Хотя бы записочку передали...

— Некогда было. Я был проводником у советских товарищей, — продолжал Шимон, показав рукой на полковника. — Это товарищ Кольцов, заместитель коменданта города.

Полковник был среднего роста, довольно плотный по комплекции. Внимательный взгляд слегка прищуренных глаз и легкая, чуть насмешливая улыбка, появляющаяся временами на его лице, свидетельствовали о том, что он относится к числу людей, которые умеют внимательно выслушать собеседника, но никакие рассказы не смогут поколебать его собственного мнения.

Полковник по-товарищески пожал руку Матэ и сел на стул, который ему пододвинул Шимон. Кольцов внимательно посмотрел на Матэ, и Матэ заметил в его взгляде печаль и озабоченность. И если бы Матэ смог узнать этого человека поближе, он не остался бы равнодушным к его жизни.

Великую Отечественную войну Кольцов начал лейтенантом. Он не раз бывал в тяжелых переплетах, самоотверженно сражаясь с фашистами, пока не был ранен и контужен. Девчушка-санитарка несколько километров тащила его на себе, пока не вынесла с поля боя. После контузии Кольцов потерял дар речи и три месяца не говорил ни слова. Благодаря усилиям врачей и своему здоровью, он выжил, начал говорить. Печальное известие ждало его: оба сына и жена погибли во время бомбежки. И молодой еще тогда лейтенант за одну ночь поседел, постарел сразу на несколько лет, а в глазах его появилось затаенное выражение печали...

— Советским товарищам нужна твоя помощь, — начал Шимон, обращаясь к Матэ.

— Да, нам действительно нужна ваша помощь, — подтвердил русский полковник.

— Моя? — удивился Матэ, переводя недоуменный взгляд с русского полковника на Шимона. — Чем я могу вам помочь, особенно сейчас, в таком положении?..

— Еще как можете! — полковник серьезно кивнул головой. — Шахтеры, подстрекаемые всякой контрреволюционной сволочью, бросили работу и забастовали. Вот мы и подумали о вас... Вас, Матэ, шахтеры хорошо знают,

Насколько мне известно, у вас за плечами большой опыт партийной работы: вы ведь были секретарем райкома, не так ли?.. Нужно пойти к шахтерам и объяснить им, какую цель преследуют мятежники, спровоцировавшие их бросить работу. Говорить с ними нужно откровенно, только откровенно, в противном случае никакой пользы от этого разговора не будет...

— Но я... — начал Матэ, чувствуя, что краснеет.

— Если только вы согласны, разумеется, — перебил его полковник.— Если это не будет слишком трудно для вас в вашем теперешнем положении.

— Но почему вы думаете, что именно я смогу уговорить их?..

— Венгерские товарищи считают, что лучше вас с этим заданием никто не справится. Если только — я еще раз это подчеркиваю — позволит ваше состояние,— сказал полковник Кольцов.

— Это я порекомендовал советским товарищам обратиться именно к тебе, — пояснил Шимон. — Я им все рассказал о тебе...

— Все рассказали? — Матэ вздрогнул и еще больше покраснел. Он чувствовал, как у него горит лицо. — Что же именно вы рассказали?

— А то рассказал, сынок, что настоящий человек закаляется в борьбе. Иногда он может потерпеть поражение, может быть незаслуженно обижен, может заболеть, может потерять в борьбе товарищей, но если он мужественно выстоял, не согнулся под ударами судьбы, то он настоящий человек. Таким я тебя и считаю. Мы, коммунисты, все время в борьбе, но иногда и у нас бывают промахи, ну, скажем, вот этот контрреволюционный мятеж. Значит, что-то недосмотрели, чего-то недооценили. Но мы смотрим вперед, сынок. И эти промахи исправим. Вот в самом начале этих событий и я какое-то время думал, что все можно решить одним оружием, достаточно только уничтожить тех, кто поднял на нас руку, — и победа нам обеспечена. Но ведь всех не перестреляешь, а некоторые просто заблуждаются, так ведь их не стрелять, а агитировать, убеждать нужно, вот так-то...

— Да, понимаю, но я... — смущенно пробормотал Матэ, поправляя бинт на ноге.

— Новый секретарь обкома,— перебил его Шимон,— сказал мне, что теперь у них в обкоме будет специаль-

ный отдел по работе с шахтерами и что заведующим этим отделом намечено назначить именно тебя.

Полковник, казалось, устал. Он по-дружески положил руку Матэ на плечо и заговорил с ним так, как говорит старший брат с младшим — по-дружески и откровенно:

— Сейчас самое важное — поскорее поговорить с шахтерами, рассказать им правду. С врачом мы уже договорились. Возле госпиталя нас ждет машина.

Шимон, который был абсолютно уверен, что Матэ без лишних уговоров согласится выполнить это поручение, все же сказал, словно желая этим подбодрить его:

— Я тоже поеду с тобой.

— И вы тоже?

— Разумеется.

— Как я понял из вашего рассказа, — начал Матэ, глядя прямо перед собой, — шахтеры собрались на шахтном дворе, в забой не спускаются, выставляют какие-то требования. Сами они на это не пойдут. Значит, их кто-то подбил на это...

Шимон и полковник помогли Матэ одеться. Взяв костыли, Матэ пошел к выходу и только перед лестницей остановился и попросил помочь ему.

Позади газика полковника стояла обкомовская машина. Кольцов крепко пожал руку Матэ и Шимону.

— Мы с вами еще встретимся, товарищи. Всегда и во всем готов вам помочь! Вы знаете, где меня найти, не стесняйтесь, приходите. Всегда буду рад вас видеть. Спасибо за помощь, Матэ! Желаю вам удачи! — И, сев в газик, он уехал по своим делам.

По дороге на шахту Шимон и Матэ почти не разговаривали. Шимон понимал, что Матэ сейчас занят собственными мыслями и, видимо, продумывает, что скажет своим товарищам шахтерам, поэтому старик не мешал ему.

Когда они проехали фарфоровый завод и свернули направо, им встретился советский бронетранспортер с солдатами.

— Если бы не советские солдаты, нам бы трудно пришлось, сынок, — заметил Шимон. — Они нас здорово выручили!.. Это уже второй раз: первый раз они освободили нас от фашистов... Дважды побратимы теперь мы...

Матэ ничего не ответил. Он очень волновался, и волнение его росло по мере приближения к шахте. В голове

путались воспоминания из далекого прошлого: то он видел советского всадника, который, встретив его и Крюгера с маленькими сестренками, дал им денег, то он, Матэ, вместе с четырьмя застенчивыми шахтерскими парнями сидел на занятиях в партшколе, не смея открыть рта... Потом перед глазами почему-то появилась любопытная физиономия торговца фруктами, который с интересом наблюдал, как Матэ по вечерам чинил свой старый велосипед... Затем Крюгер! Он приехал совершенно неожиданно, худой и бледный, и сказал, что женился...

Матэ никак не мог отогнать от себя воспоминания, но когда обкомовская «Победа», развернувшись, выехала на последнюю прямую по пути к шахте, воспоминания исчезли.

Мысли стали ясными и чистыми, как никогда, когда он увидел толпу шахтеров. Шахтеры слушали какого-то белолицего оратора, который, стоя на ящике из-под инструментов, энергично размахивал руками. Слушали, как успел заметить Матэ, без особого интереса и как-то безучастно. Увидев мчавшуюся в толпе «Победу», белолицый перестал говорить и, быстро сойдя со своей импровизированной трибуны, растворился в толпе.

Матэ вышел из машины и, зажав под мышками костыли, пошел к толпе шахтеров, каждого из которых он знал в лицо и по имени. Ослепительно белая повязка на руке и забинтованная нога бросались каждому в глаза на общем фоне шахтного двора, покрытого угольной пылью.

Стало тихо-тихо. Лица шахтеров казались усталыми и сосредоточенными.

Матэ молчал, оглядывая печальным взглядом шахтеров и подыскивая нужные слова. Шимон стоял с ним рядом, и это как-то успокаивающе действовало на Матэ.

Ни Матэ, ни шахтеры не знали, сколько будет длиться это затянувшееся молчание, которое само по себе было красноречивее слов.

Наконец Матэ заговорил:

— Я приехал к вам, товарищи, какой есть. — Матэ застенчиво улыбнулся, показав здоровой рукой на раненые руку и ногу. — Приехал, чтобы сказать, что сейчас всем нам нужно разойтись по домам, а завтра утром в положенное время выйти на работу... Только это я хотел сказать, а потом уехать обратно в госпиталь долечиваться. Но вот увидел вас и решил: никуда я отсюда не уйду... Оста-

нусь вместе с вами, а раны заживут и здесь... Товарищи шахтеры! Не поддавайтесь на провокации контрреволюционной сволочи! Это они стреляют в нас, это они хотят отнять у нас землю и шахты!.. Отнять все, что построено и добыто нашим трудом! Мы, коммунисты, не допустим, чтобы вернулись бароны и помещики. Советская Армия пришла нам на помощь. Враг бежит под совместными ударами венгерских коммунистов и советских солдат! Каждый из нас обязан трудиться на своем месте! До завтра, товарищи!..

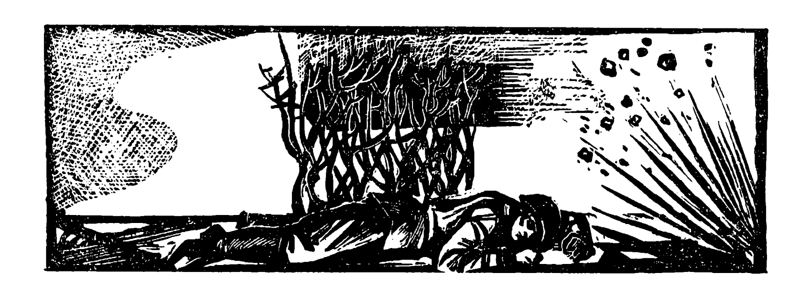
— Чего там, до завтра! Сейчас спустимся в забой, раз такое дело! Иштван, давай гудок! — раздались голоса шахтеров со всех сторон. — Промашку мы дали в этом деле, чего уж там! Поверили какому-то болтуну... Но теперь нас уже не проведешь!..

И действительно, через несколько минут над шахтерским поселком раздался протяжный гудок, настойчивый и требовательный. Толпа быстро начала редеть. Шахта вновь зажила своей обычной трудовой жизнью.

А Матэ все еще стоял возле машины, вытирая здоровой рукой скупые мужские слезы.

ИМРЕ ЛАСЛО УЙВАРИ

ПОСЛЕ БУРИ

Хотите, чтобы я все рассказал? А почему именно я? Тут есть ребята куда приметнее меня! Хотите познакомлю? Ну, как вам будет угодно. Что ж, раз уж вы так настаиваете, давайте говорить обо мне. Конечно, шел я по жизни не всегда прямой дорожкой. Да вы, наверное, уже и сами слышали об этом? Нет? Ну тогда мне с самого начала придется рассказать. Отца я лишился рано. Нет, не бросил он нас. Умер. Четыре года мне тогда было. Отец у меня слесарь-инструментальщик был. Хорошо зарабатывал. Только рано его болезнь в могилу свела. Рак. А мать всю жизнь по домашнему хозяйству. Профессии никакой не имела. Так что остались мы с нею без кормильца. Пошла она работать на молокозавод. Пока она на работе, за мной соседи присматривали. Привык я помаленьку, что мы с нею вдвоем. Помогать начал матери по дому. В семь лет я и квартиру сам убирал, и даже обед приготовить мог. Не все, конечно, но какой-нибудь суп или лапшу, картошку тушеную с перцем, ну и все такое. На другие блюда и не очень-то хватало матушкиной зарплаты.

Как-то вечером обняла меня мама и говорит: «Ты уж большой, сынок, хочу с тобой об одном серьезном деле посоветоваться». А я, еще не зная, о чем она, — в слезы. Будто почувствовал беду. Мама успокаивать меня принялась: не бойся, говорит, я всегда за тебя буду, от кого угодно защищу. А я все плачу. «Не могу иначе, — говорит мама.— Не поднять мне тебя одной. Сам видишь, сынок, пробовала — не получается. Нет у нас ни одежки прилич-

ной, ни еды. Придется мне замуж выходить...» Рассердился я на мать. Принялся ее уговаривать: «Не приводи к нам в дом никого! Я скоро сам работать пойду, на хлеб зарабатывать...» Маманя погладила меня по голове и тоже в слезы. Сказала: «Не знаешь ты еще, что такое жизнь».

Отчим выпить любил и в карты играл. Поначалу он даже избегал меня. Утром чуть свет уйдет, вечером поздно вернется. Так что он и не замечал моей неприязни. Однажды ночью просыпаюсь я — бранятся мои родители. У отчима в тот день получка была, а домой он без единого гроша заявился. Проиграл все в карты. Мать стала деньги требовать, а отчим ее поколотил. Вскочил я с постели, на него кинулся. Ну он и мне влепил. Однако я не жалел, что вмешался: маманя всю ночь возле меня просидела, ласкала меня, гладила по голове.

Пошли у них скандалы. Теперь уж и не только из-за денег, а больше из-за меня. Отчим, бывало, ругать меня начнет на чем свет стоит, а мама заступается. Ну и пойдут тут у них разговоры. Когда я в гимназию пошел после восьми классов неполной средней, скандалили они почитай каждодневно. «Не стану я на своей шее держать такого здоровенного бугая!» — орал обычно отчим. Словом, так и закончилась на первом классе моя гимназия.

К тому времени состоял я в одном известном спортивном обществе, в секции плавания, регулярно ходил на тренировки и лелеял большие надежды. Вскоре меня и в самом деле заметили. На отборочных соревнованиях юниоров занял второе место в плавании на спине. Забрезжила на горизонте и моя звезда. А на молодежном чемпионате Венгрии я в самом начале понял, что тут-то уж я покажу себя. И показал. Работал, не жалея ни сил, ни времени. Наверное, усерднее меня не было пловца во всем бассейне. Тренер предложил включить меня в молодежную сборную по вольному стилю. И я побил рекорд для юниоров! Окружили меня советчики, все уши прожужжали: «Дурак будешь, если прозеваешь такой шанс!» «Мне не рекорды важны, а спорт как таковой!» — отвечал я, но букашка тщеславия уже заползла мне в душу. «А в самом деле, — думал я, — я ведь теперь чемпион, не кто-нибудь. Пусть дадут мне должность, квартиру...»

Я очень скоро понял, что для болельщиков выдающийся спортсмен — это бог. И руководители спортивного клуба готовы были наобещать хоть златые горы. Поймите,

для меня все это теперь позади, но скажу вам честно: есть еще люди, которые готовы помочь спортсмену скатиться в болото. Я не долго ходил в «звездах», к тому же плавание — это не тот вид спорта, где за спортсменом толпой болельщики бегают. Даже на международных соревнованиях устроители еле-еле в своих балансах концы с концами сводят. Однако все равно требовать можно. Никто и не удивился, когда в один прекрасный день я заявил: дайте должность, где не нужно работать, квартиру, ну и все прочее. Спортивный клуб сразу не мог удовлетворить все мои просьбы, но, скажу вам, за хорошим спортсменом больше охотятся, чем за самым лучшим инженером или рабочим высшего класса...

Буквально на следующий же день заявился ко мне некто и от имени одного периферийного городка пообещал выполнить все мои требования. Меня оформили старшим контролером на консервном заводе. Понятия не имел я об этой профессии, но этого от меня и не требовалось. Два года был кумиром городка. Уговорили меня попробовать силы и в водном поло. Что ж, я чувствовал в себе силу, а работать с мячом научился быстро. Умел использовать свое преимущество в скорости, и мои точные броски наводили страх на вратарей противника.

И тут приметил меня тренер одной столичной команды. Знал я, по-доброму не отпустят меня из провинциального городка. Начал «ухудшать форму». Теперь игроки противника постоянно на какую-то долю секунды опережали меня в борьбе за мяч и запросто обводили, да и броски мои вдруг потеряли былую точность. Начали меня критиковать, я пригрозил уходом. Вначале пытались успокоить, но в конце концов и тренер махнул рукой: не нужен, говорит.

Осенний сезон я начал уже в Будапеште. Отлично стартовал. Стал надеждой своей новой команды. Мне прибавили зарплату, да еще и «подножные» от общества иногда подбрасывали. Иной инженер был бы рад и половине моего заработка. Ну на что может тратить желторотый мальчишка денежки? Легко достались — легко расстались. Где деньги, там и дружки. И подружки, конечно. Но в спорте развлечения даром не проходят. В провинции я умышленно старался плавать помедленнее, а тут вдруг вижу — как ни бьюсь, быстрее не получается. Начал тренер отдельно со мной заниматься, но... если я в

ночь не больше четырех-пяти часов спал, какой уж тут из меня пловец! Как-то раз взял меня тренер под руку и говорит: «Знаешь, дружок, или ты кончишь свои ночные гулянки, или я выставлю тебя из команды! Понял?..» Еще бы не понять! Дал слово, что отныне все будет по-другому. Несколько дней избегал встреч со своими дружками-выпивохами. Звонят из ресторана «Анна», а я велю сказать, что нет меня. Тогда они встретили меня сами после тренировки, уговорили, не смог отказаться... Об остальном — нетрудно догадаться.

А в спортивном обществе ждали только случая прицениться. Раньше никто, бывало, и не заикался: почему, мол, не ходишь на работу? А тут вызывает кадровик и объявляет: увольняйся «по собственному», нам, говорит, твое место нужно для одного спортсмена. «А если не захочу «по собственному»?» — спросил я. Кадровик встал из-за стола, подошел ко мне и произнес ласковую, назидательную речь, закончив ее словами: «Так вам же будет лучше, если вы по вашей собственной просьбе... Представляете, как будет плохо, если мы вас уволим, да еще со взысканием?..» Тут я вскипел: «Тех, кто до меня тут был, вы тоже со «взысканиями» увольняли?» Кадровик сел за письменный стол, сказал: «Как хотите! Мое дело — предупредить!» — и погрузился в чтение бумаг, давая понять, что разговор окончен и я могу катиться на все четыре стороны.

Я вскочил, выбежал из кабинета, даже дверью хлоппул. Нехорошо сделал. Но как они со мной обошлись? Если бы чуть побольше ко мне внимания проявили, меня можно было бы еще на истинный путь наставить! А что я такого сделал? Прогуливал деньги, которые мне буквально с неба сыпались. Ведь они же и давали их мне! А они, оказалось, умели видеть только хороший бросок по воротам или отсутствие такового — после очередного ночного загула... Я был зол на тренера, на правление спортивного клуба, на весь свет. И решил потягаться с ними, заявив, что не уйду. Тогда они уволили меня, и даже с выговором. Стали давать такие задания, которые я, не имея необходимой подготовки, при всем желании не смог бы выполнить. Я злился, начал пререкаться и был выдворен с завода как нерадивый, безответственный и склочный человек. В гневе я даже трудовую книжку не захотел взять, однако через несколько недель пришлось съездить за ней.

Приезжаю, а мне говорят: прежде квартиру освободи! Я к адвокату. Оказалось, что квартира моя — служебная жилплощадь и что, поступая на работу, я скрепил подписью обязательство, по которому в случае прекращения трудовых отношений по моей вине, я должен был освободить квартиру. Что было делать? Пришлось уезжать. А куда? Двери родительского дома для меня были закрыты. Прежняя неприязнь отчима переросла в непримиримую вражду. Отчим отсидел несколько месяцев в тюрьме за кражу на заводе, и все вдруг решили, что донести на него мог только я, «неблагодарный пасынок».

Снял я комнатушку и стал искать работу. Мне всюду отказывали. Поехал даже на угольные копи «Петёфи», но и здесь не пожелали меня взять. Осталась последняя возможность — родственники. Мой дядя работал на гидростанции в горах Матры. Поехал я к нему, там и остался. Однако семейная война и здесь дала о себе знать. Отчим до тех пор натравливал на меня дядю, пока тот ради мира в семье отказал мне от дома. После этого мне уже и на электростанции не захотелось оставаться. Переехал я в Шарокшар, к другому родственнику. На работу устроился в Чепек.

Однако к этому времени я уже твердо решил пойти служить в армию. Пришел в военкомат и попросил: призовите меня! Говорят: опоздал, уже списки составлены. Я стал настаивать, показал удостоверение мастера спорта. Тут они сразу согласились и внесли меня в списки. В ноябре меня уже призвали. Прямо скажу: в армии я спасение искал! Хотелось выбраться из моей запутанной жизни в какой-то упорядоченный мир. Не нужны мне были больше ни деньги, ни дружки, ни женщины. В двадцать лет я устал от всего этого. Армия же встряхнула меня, вывела из отупения.

В первый же день поручили мне провести утреннюю гимнастику. Это для меня было просто: нам же на тренировках это преподавали как положено. А командир, когда узнал, что я играл во 2-й национальной сборной по водному поло, сразу назначил меня своим постоянным помощником на занятиях по физической подготовке.

Потом обратил на меня внимание и замполит. На политзанятиях я стал постоянным содокладчиком, потом мне поручили организовать добровольную бригаду по оформлению парка перед нашей казармой. Как-то вечером

вызывает к себе замполит. «Вы член Коммунистического Союза Молодежи?» — спрашивает. «Да». — «Скоро в роте будут выборы комсорга. Мы могли бы предложить вашу кандидатуру, если не возражаете...» Тогда я рассказал ему свою спортивную биографию, не умолчал и о деле с моим выговором и увольнением. Замполит внимательно выслушал меня, а потом и говорит: «У нас здесь каждый человек заново свою жизнь начинает. Нас интересует только то, что вы здесь делаете».

Комсомольцы единогласно избрали меня комсоргом роты. Окунулся я с головой в работу. Создал драматический кружок, танцевальный ансамбль, спортивную секцию. Желающих было хоть отбавляй. Замполит одобрил мои начинания. И все у меня здорово получалось. Очень мне хотелось обрести душевное равновесие. И еще хотелось, чтобы случилось со мной что-то необычное, замечательное, чтобы все обо мне в полку заговорили...

Ну, этого мне удалось добиться: заговорили! Я вам еще не сказал, что сразу после окончания подготовки одиночного бойца отправили меня на краткосрочные курсы саперов. Поручили нам разминировать одну заболоченную местность, где недавно обнаружили оставшееся после войны минное поле. Работа предстояла опасная, готовился я к ней основательно. И вот настал долгожданный день. Я хотел было сразу приступить к разминированию, но мой пыл чуток остудили. «Так просто это не делается! — сказали. — Прежде нужно издали посмотреть, как это дело у других идет. А когда со стороны на эту работу посмотришь, смелости у тебя сразу поубавится!»

Приходилось вам когда-нибудь наблюдать, как разминируют местность? Нет? Так я вам расскажу: первым становится на прокладку полосы командир. Берет он в руки трехметровый щуп, и начинается игра на нервах. Укол в землю — стальная игла щупа мягко вонзается в землю. Назад! Укол! Назад!

...Два сантиметра земли уже прощупаны. Мин нет! Длинная рукоятка щупа беспрестанно снует вперед-назад, вперед-назад. Новичок стоит позади командира, наблюдая за его действиями. Новичок еще не был на настоящем минном поле. Тренировался на учебном полигоне, там нечего бояться. А здесь мина может лежать в каком-нибудь бурьяне. Только где? Щуп пружинит, наткнувшись на что-то твердое. Неопытный солдат невольно

делает шаг назад. Осторожно пятится. Командир улыбается. И он в свое время так же вот пятился и трусил. В этом поединке человека с миной на карту всегда поставлена жизнь. Железный прут мелкими уколами в землю ощупывает препятствие. Вот она — первая мина. Дальше все по порядку: лопата, крюк, обезвреживание. Рассказать словами — все удивительно просто. И хотя минера ограждают от взрыва щит, перчатки, передник из толстой кожи и правила безопасности, все равно эта работа стоит нервов. Сапер хорошо знает мины: сколько раз он разбирал их в учебном классе! Однако здесь, на настоящем минном поле, им овладевает какое-то необычное чувство. И он ступает за командиром след в след. А когда сжимает в пальцах сухую рукоятку щупа, кажется, из нее вот-вот потечет березовый сок. И хоть знает сапер, что, если все правила соблюдены, обезвреживание мины совсем не опасно, однако в голове все равно мельтешит беспокойная мыслишка: «А вдруг?..» Слышал он уже вдоволь рассказов, как подрываются минеры, как остаются на всю жизнь калеками, если и уцелеют...

Поначалу я тоже боялся. Особенно в первый раз. Потом, после первой мины, успокоился. Только-то и всего? И совсем перестал испытывать страх. Однако при каждом новом разминировании мною овладевало какое-то странное чувство. Нет, это был не страх, а скорее, какое-то легкое волнение. Что ни говори — мина все-таки, не картошку копаешь!

Как-то раз достался мне трудный участок. Мина лежала под толстенным слоем ила. Найти ее трудно было, а уж выкопать — и подавно!

Знаете, что это такое — с расстояния трех метров рыть лопатой яму под палящим июльским солнцем? На голове у тебя защитный шлем, на руках перчатки, грудь прикрывает кожаный передник. И пот в три ручья. Ил высох, закаменел. По кусочку отколупываю, добираясь до мины. Пока ее видно стало, у меня круги перед глазами пошли. Отдышался немного, подковырнул ее щупом снизу, вынул из земли. И несу мину к яме, чтобы туда сбросить. И вдруг у самого края ямы из мины выпадает взрыватель! Такого со мной еще не случалось! Хотел я его щупом подцепить с земли, как вдруг мне в голову втемяшилось: «Что, если я подойду и руками подниму его с земли?» Только подумал, как по спине от одной мысли

мурашки забегали. Как же его возьмешь? Он же рвануть может! Сколько лет в земле пролежал! Его, наверное, ржа вконец источила. Каждое прикосновение опасно. Стою я, а какой-то чертенок изнутри подзуживает: «Что, струсил?» И в голове уже новая мыслишка копошится: «А ведь в самом деле интересно, что я, новобранец, не побоялся заржавевший взрыватель в руки взять!»

Оглянулся — вокруг никого. Пошел назад, к яме, а сердце кузнечной кувалдой в грудь стучит. И голова будто в огне пылает. «Дурачина, вернись! Куда идешь?» — говорит рассудок. А я иду как одержимый. Подошел к взрывателю, остановился. «Поднять? А если рванет?» Стою, не шелохнусь, глаз оторвать не могу. «Чего же ты испугался? Или никогда в руках не держал?! Да, но те были исправные, а этот... Кто знает, в каком он состоянии?..» Сделал я решительный шаг, наклонился. Руки уже больше не дрожали. Двумя пальцами захватил я смертоносное устройство и медленно, чтобы ничто не шелохнулось, поднял. Вот оно, в руке у меня! Видели бы это ребята из моего взвода! Гордость охватила меня. Подошел я к яме и уже наклонился, чтобы осторожно в нее взрыватель опустить. А в голове новая блажь шевелится: «Что, если разобрать его? Все бы ахнули: «Новичок, первогодник, и не побоялся разобрать старый взрыватель!..» И начал я разбирать. Очистил от земли, сдул мелкие песчинки и хотел уже боек вынимать. Вдруг за моей спиной ветка хрустнула. Вздрогнул я. В мозгу мелькнуло: сколько раз мне говорили — за легкомыслие жизнью расплачиваются! Испугался я, как бы меня за это к ответу не привлекли. Позора испугался. И подумал: «Брошу я лучше всю эту механику в яму, пока никто не видит. Все и обойдется...» И бросил.

А в следующее мгновение рвануло. Глаза и рот мне песком забило. Когда опомнился, обернулся. Вижу солдат какой-то на земле лежит. Подбежал я к нему, окликаю — он не отвечает. Стал я его трясти, а он без сознания. К нам уже остальные бегут. Страх меня охватил: убийца я! Убил своего командира отделения! Я дико закричал и бежать кинулся, не помня себя. Через поле люцерны, по проселку, к лесу, темневшему вдали. Не знаю, сколько бежал. Опомнился, лежу на какой-то поляне, в лесу, уткнувшись лицом в зеленую траву. Отдышался чуть-чуть, вскочил и снова побежал. Бежал от совести своей,

от ответа. Не думал ни о ком и ни о чем, только бы подальше убежать! Не знал, где я и сколько уже пробежал. Села обходил стороной, старался идти по полю или лесом. Под вечер свалился, обессиленный, у какого-то стога сена. Посмотрел на звездное небо и опять вспомнил, что натворил. Нет, нельзя мне здесь оставаться! Вскочил, дальше зашагал. При всяком малейшем шорохе за деревья прятался, а сердце готово было из груди выскочить! До утра я так пробродил, а потом спрятался в какой-то заброшенной лачуге. Здесь просидел целый день, а ночью утолил голод яблоками, что на земле под деревьями валялись. И снова в путь. Утром вошел в какое-то село, явился в полицию и говорю: «Убийца я! Берите меня!»

Когда меня доставили в казарму, узнал, что никого я не убил. Командира отделения ударило во время взрыва камнем в голову, он и потерял на минуту сознание. Однако все равно то, что я натворил, было преступлением.

За три недели под стражей я передумал всю свою жизнь. Покорно ждал суда, но уже больше не отчаивался. Решил начать все сначала. Никого, кроме самого себя, не винил и дал себе зарок: больше не будет у меня никаких заскоков! С нетерпением ждал я суда: хотелось поскорее покончить с прошлым. Мама приехала на суд. Когда объявили приговор — восемь месяцев лишения свободы, — все в зале замерли. Председатель трибунала еще долго читал длинное обоснование приговора, но я уже ничего не слышал. Только рыдания матери. И сам готов был разреветься: жалко было мать. И без того у нее жизнь была несладкой, а тут еще и я...

В исправительном лагере офицер-оперативник долго беседовал со мной. Объяснил, какие послабления мне могут сделать, если буду хорошо работать и вести себя. Я попросил навалить на меня побольше работы, боялся, что с ума сойду от безделья. И работал. На работу и с работы нас возили на грузовике. Я вкалывал на стройке так, словно с каждым процентом выработки уменьшался мой срок. К концу первой недели подходят как-то ко мне несколько заключенных: «Чего стараешься, ты, дерьмо?!» И пригрозили. Я никому докладывать не стал, но гравий стал швырять проворней прежнего.

В конце первого месяца получил благодарность. Начальство объявило, что мне разрешено внеочередное свидание. Я не воспользовался им. Да и кто ко мне мог прий-

ти на «свиданку»? Только мать. А видеть ее слезы мне тяжело... И вдруг является нежданный посетитель! Надзиратель вызывает в комендатуру: мол, какой-то майор спрашивает. Я даже представить себе не мог, кто бы это мог быть. Оказывается, замполит. О прошлом моем мы недолго разговаривали, больше — о будущем. Замполит рассказал, что в части нашей много говорили и спорили о моем деле. Каждый для себя сделал вывод. Майор сказал: «Работай честно! А если досрочно освободишься, можешь при желании вернуться в нашу часть. Или в любую другую...»

Порадовал меня его приход. Стал я работать еще яростнее. В виде поощрения скостили с меня треть срока.

Освободили меня утром, в десять. За мной приехал командир взвода. Я его прежде не знал. Он раньше в другой роте старшиной был. Поездом ехали. Пока добрались до гарнизона, я ему свою историю рассказал. Он посоветовал в прежнюю роту не возвращаться: там мне все о прошлом напоминать будет. Я, говорит, скажу командиру, чтобы тебя к нам определили. Ничего я на это не ответил: мне как-то все равно было, куда попаду. Решил: отслужу честно оставшееся время. И не предполагал, что это так трудно будет!..

Взводный сдержал слово, перевели меня в их роту. Там все незнакомые мне ребята были. Командир отделения попался славный парень. Присел рядом со мной и говорит: «На прошлом твоем ставим крест, начнем все с нуля». И я начал. Солдаты уже половину второго цикла подготовки прошли. Сильно я отстал за полгода. Вы даже представить себе не можете, сколько мне корпеть пришлось, пока остальных догнал и настоящим солдатом себя почувствовал! И ко всему еще: я ведь доказать хотел... Какое бы дело ни предстояло — по части подготовки или еще что, — я первым вызывался. Хотел встать на ноги. Потому как знал, в какой сижу яме. С другими мне нечего себя равнять! До других мне еще расти нужно! Землю зубами грыз. Не обращал внимания ни на насмешки, ни на ругань. Любителей обругать всюду хватает.

На второй неделе после моего возвращения оборудовали мы НП, готовились к предстоящим учениям. Отрядили нас десять человек, потому что местность под НП выбрали каменистую. Старшим был у нас один старослужащий. Перед тем как приступить к работе, он нам за-

явил: «Главное — не торопиться. Может, мы тут и пару недель прокантуемся». Меня всего покоробило. Вижу: опять кривое бревно кладут мне поперек честного пути. Значит, если начну по совести работать, снова скандалом дело кончится. Так оно и вышло. К обеду трое отправились в соседнюю деревню за выпивкой. Вернулись сами «под градусом» и остальных начали накачивать. Я, конечно, пить не стал и продолжал траншею копать. Можете представить, что тут посыпалось на мою голову! Но я ребятам сказал: «Я уже побывал на гауптвахте. Если хотите, можете тоже туда наведаться, но только без меня». Вечером пришел взводный, четверых отправил под арест, всех остальных, кроме меня, тоже наказал.

К концу подготовки командование стало присматриваться, кого можно по условиям соцсоревнования досрочно допустить к экзаменам. У меня было все в порядке. Командир и говорит: «У вас нет взысканий, можете сдавать экзамен». Я всю ночь не спал. Просто уснуть не мог. Уже за полночь встал, подошел к дневальному, разговорились. Он тоже готовился к экзамену, так что мы вместе с ним стали прикидывать наши шансы. Он очень сомневался, что сдаст, потому что всякие побочные работы мешали учебе. А я ходил пьяный от радости, что меня допустили досрочно к экзамену. Самое меньшее — получу звание отличника боевой подготовки.

Экзамены все сдал блестяще. Оставался еще только один вид упражнений — бег по пересеченной местности. Перед этим я почти полгода не писал матери, но теперь накатал ей послание, что, мол, счастлив и так далее... Стоим мы уже на старте, вдруг идет мой командир. Отзывает меня в сторону и говорит: «Вы не сердитесь, но я ошибся. В этом полугодии вас, оказывается, еще нельзя допускать к экзаменам».

Будто мне кто горло рукой сдавил. Попятился я, хотел за дерево, рядом стоящее, схватиться, да так и рухнул на землю. Как хотелось мне из ямы выбраться, а меня вдруг назад в нее пихнули! Командир наклонился ко мне и негромко так говорит: «Встаньте, идите на старт!» Я головой мотаю: не побегу, мол, зачем? Все равно я — никто! И заревел, будто дитя малое, у которого игрушку отняли. Командир меня за плечо взял, встряхнул: «Возьмите себя в руки! Честь человека не от титулов зависит. Пусть и

без удостоверения, но мы все равно будем считать вас отличником боевой подготовки».

Поплелся я нехотя на старт. Ребята меня окружили, спрашивают, что случилось. А я молча стал на стартовую черту...

Побежали мы. Чувствую, слезы у меня по лицу катятся и ноги подгибаются. Обежать надо было несколько раз вокруг футбольного поля: так проложили трассу. Уже на первом круге все меня обошли. Бежал я, понурив голову, и ничто на свете меня не интересовало. Вдруг подскакивает ко мне взводный и метров десять бежит рядом: «Что же ты так быстро надломился? А ну возьми себя в руки! Не ради звания ты сейчас бежишь, а потому, что это я тебе велю! Понял?..» Он еще что-то мне кричал, я уже не слышал, так как прибавил шагу. Обида, вначале оглушившая меня, теперь словно перекачала в ноги все мои силы. И я ринулся вперед как одержимый. Такой темп выбирают стайеры на восьмисотке. В конце первого километра я уже наверстал упущенное, а затем вообще оставил всех позади. Кто-то из головной десятки крикнул мне вдогонку: «Лопнешь, дурак!»

Пот катился с меня ручьем. Чувствую, что уже и носки в кедах в комок сбились, ноги трут. Но мне на все было наплевать! Летел как на крыльях, ноги земли не касались. Говорят: добежал до финиша и упал без сознания.

Много дней потом спорили командиры. Мой взводный добивался вручения мне знака спортивной доблести. Однако по условиям соревнования не полагается мне этот знак. Так что не дали. Только на следующий год я его получил. Ну, а на следующий год все было проще. Потому что лавры пожинать всегда легче, чем прочно на ноги встать. Уж поверьте мне...

САБОЛЬЧ БАРОТИ

НОЧЬ

Этот знойный день, казалось, был весь пропитан красной горячей пылью. Он не был отмечен какими бы то ни было событиями, и служба суточного наряда уже считала часы, оставшиеся до сдачи утомительно-однообразного дежурства. Вдруг по столовой разлетелся слух: сегодня ночью — боевые стрельбы. Только этого нам и не хватало! Так нежданно-негаданно свалилось на нашу голову это событие...

Мы молча продолжали обедать. Кое-кто, отодвинув тарелку и устремив в пустоту отсутствующий взгляд, уже погружался в этакое отрешенное состояние, порождаемое перевариванием пищи.

Сквозь оконные стекла пробивались солнечные лучи, освещая запачканные жирными пятнами квадраты каменного пола. Обедала последняя смена. После нее уже начнется уборка.

В половине шестого пополудни мы в полном снаряжении уселись на машины. Согнувшись, разместились на треснутых дощатых лавках, держа оружие между ног. Вскоре загорелые лица стали бурыми от пыли. Струйки пота нарисовали на лбу и щеках грязные дорожки. Наши волосы напоминали выжженную солнцем траву.

Меж кирпичными зданиями и зелеными деревьями алело закатное небо. Город изнывал от внезапно наступившей несколько дней назад жары. За прохладными фасадами старинных зданий прятались изнуренные зноем

люди. На улицах — ни души. И мы тоже чувствовали, как нас медленно, но верно охватывает усталость.

На открытом шоссе в нос нам сначала ударили теплые пахучие испарения серы, а потом, когда по обеим сторонам дороги раскинулся луг, — приятный живительный запах свежей травы; дышать сразу стало легче. Постепенно, по мере того как гасла заря и сгущались сумерки, солдаты начали приходить в себя.

Местность вокруг была красивая, и первым признаком того, что мы оживали, явилась наша жадная реакция на эту красоту — загоревшийся блеск в глазах, тихие восклицания, восторги. Мой приятель пустился в путаные рассуждения о благотворном влиянии вечерней природы на человека. У парня, правда, был своеобразный подход к этому. «В такое время, — сказал он, — самое милое дело целоваться с девушкой где-нибудь на берегу Дуная». По его словам выходило, что девушки в эти вечерние часы верят всему, что им ни скажешь...

Прищурив глаза, мы с интересом осматриваемся. Спускающиеся сумерки меняют все вокруг. Любопытно, что вечером резко вырисовываются очертания предметов, несущественные детали растворяются в темноте, отчетливо видится только главное: красные крыши зданий за деревьями, кажущиеся ослепительно белыми стены, небольшие водоемы, отражающие все многоцветье неба, освещенного заходящим солнцем. А фруктовые деревья! Разве можно оторвать взгляд от осыпанных цветом фруктовых деревьев?! Мне кажется, я никогда не видел ничего более красивого. Солнце совсем зашло, только на краю небосвода осталась розовая полоска, переходящая в холодную зеленовато-желтую лазурь. И в этой цветовой гамме, в контрасте с темно-зеленой травой и бурой землей, ветки, унизанные белыми цветами, казалось, светились, как какой-то сказочный лес. Это зрелище успокоительно, можно даже сказать умиротворяюще, подействовало на каждого из нас.

Вскоре мы свернули на проселочную дорогу, окаймлявшую пашню. Впереди показались поросшие лиловой лавандой и еще каким-то кустарником холмы, как бы прикрывавшие защитной грядой стрельбище. Здесь гулял легкий ветерок.

Мы соскочили с машин и, разбившись на группы, начали готовиться к стрельбе.

Совсем стемнело. Очертания холмов уже слились с небосводом; высоко над головой зажглись первые звезды; потянуло ночной свежестью.

Впереди угадывались очертания фигуры человека: это часовой, освещенный не ясным еще светом только что взошедшей луны.

Всех охватило волнение. Где-то позади вдруг раздался шум — кто-то громко вскрикнул, что-то стукнуло. Неясные звуки повисли в воздухе. Как потом выяснилось, солдаты вспугнули огромного хомяка, который, сердито фыркая, начал метаться, пока наконец не юркнул в нору. По этому поводу солдат Варга тотчас же рассказал страшный случай о смертельном укусе хомяка, попавшего в капкан. А солдат Иллеш заметил, что о грызунах ему известны куда более страшные истории, их рассказывал ему отец...

Луна спряталась за тучу, и сразу закачались, забегали, догоняя одна другую, причудливые тени. Огоньки сигарет на мгновение вырывали из тьмы лица солдат. По шеренгам перекатывался тихий разговор, порой раздавался приглушенный смешок, и все же людей охватывало все большее напряжение. Руки невольно крепче сжали оружие, с которым вскоре предстояло остаться наедине в свежеотрытом стрелковом окопе там, на огневом рубеже, где стояла освещенная палатка и сияли прожекторы.

Прозвучала команда. В напряженной тишине все сразу как-то подобрались. В горле пересохло от волнения, в плечах заломило, стало жарко. Пахнуло острым едким запахом, в котором смешались запахи пота, обмундирования, оружия. А ритм ночного учения нарастал, как учащенное биение сердца.

Первая шеренга отделилась от строя и исчезла в ночи. Меня начало трясти как в лихорадке. «Что с тобой, милейший? — спрашиваю сам себя. — Уж не дрейфишь ли ты?»

— Интересно, — нарушил в этот момент тишину Енёке, — а что, если оттуда, где находятся цели, нас вдруг начнет поливать огнем пулемет? Что будем делать? — Он стоял рядом со мной, этот полноватый юнец в солдатской форме, вспотевший от волнения. Легче всего его вывести из равновесия рассказами о женской неверности. Впрочем, это и понятно: у него есть невеста, которая часто приходит к нему. Они садятся обычно рядышком. Невеста, худощавая, нервозная девушка, что-то оживленно

рассказывает ему, а Енё, полузакрыв свои рысьи глаза, внимательно слушает ее. В этот момент, наверное, весь батальон прячется в засаде и затаив дыхание наблюдает за ними... Сейчас же — куда девался этот размазня Енё? — он выглядит решительным.

И вдруг, черт побери, впереди вспыхнули яркие белые огни: они осветили цели. Тотчас же вслед за этим тьму разорвали красные вспышки.

«Бах-бах-бах-бах!..» В направлении целей понеслись яркие зеленые пунктиры — трассирующие пули. И вот три фигуры — цели накренились и упали.

Охваченные бешеным, неудержимым ритмом стрельбы, мы как завороженные смотрели вслед прочерчивающим ночную мглу огонькам. Новые вспышки, еще две очереди — и все: первая группа отстрелялась.

На огневой рубеж вышла очередная смена, стоявшая перед нами. Снова загорелись прожекторы, и в то же мгновение началась оглушительная стрельба. Однако цели остались непораженными. В воздухе клубился горький пороховой дым.

— Стреляют, как свинопасы! — возмущенно произнес чей-то голос. — Лишь бы пальнуть куда-нибудь. Трах-тах-тах-тах — и привет!

— Разряжай!

Видно, как ребята поднимались с земли, склонив голову, возились с оружием. Вдали, у целей, замелькал свет карманных фонариков. И вдруг один из карабинов в руках какого-то солдата изрыгнул огонь — голубая вспышка, за которой мгновенно последовал громкий резкий хлопок. Все замерли. Офицер бросился к солдату и, кипя от негодования, остановился перед ним. Кто-то с беспокойством закричал:

— Никто не ранен?

От мишеней ему ответили, что никто не пострадал. Один из солдат высказал в связи с этим событием суждение явно не уставного характера.

Стрелком-«браконьером» оказался писарь, невысокий чернявый парень с низким лбом и близко посаженными глазами. При разговоре он никогда не смотрел собеседнику в глаза. Канюча и хныкая, он часто добивался от командира того, чего хотел, с товарищами был завистливым и непорядочным. С первого года службы с ним было полно хлопот. Конечно, это не наше дело, но видеть его

с оружием было даже смешно. Вообще же все мы молча презирали его. Все это в одно мгновение промелькнуло сейчас в голове каждого из нас.

И вот теперь — пожалуйста!

Шеренга расстроилась, все устремились вперед. Вместе с нами бежал и майор. Это он первым спросил, не ранен ли кто.

Мы окружили писаря и наперебой стали что-то объяснять ему, предлагать свою помощь. Не странно ли это?

Настала наша очередь стрелять.

Только что, оцепенев, мы стояли и, обливаясь холодным потом, ожидали, когда наступит наш черед, а сейчас, самим себе на удивление, быстрыми уверенными шагами, пружинистой походкой приблизились к огневому рубежу и ловко спрыгнули в окоп, вокруг которого валялись на земле еще не остывшие стреляные гильзы. От стены окопа пахло сыростью.

Я чувствую, как по спине побежали ручейки пота, и прислоняюсь лицом к обложенному дерном брустверу. Заряжаю оружие, прижимаю приклад к плечу и пристально вглядываюсь в темноту. Мне кажется, что все мое существо сосредоточивается на руках, сжимающих карабин, и на плече. Голова внезапно становится ясной, будто я только что опустил ее в ведро с ледяной водой. Вот впереди показалась освещенная прожектором мишень — человеческая фигура. Мои действия машинальны; в плече я ощущаю серию толчков, карабин изрыгает пламя. И вот фигура качнулась и упала.

— А, чтоб тебе!.. — Мне хочется стрелять еще, но патроны кончились. Пальцами чувствую, как нагрелся ствол.

— Разряжай!—подает команду лейтенант и опускается рядом со мной. — Отлично стреляли! — говорит он. — Отлично!

Я всегда считал, что этот лейтенант — самый лучший парень во всем полку. Честное слово!

Проходит несколько минут, и мы уже находимся в тылу, за огневым рубежом. Здесь все чувствуют себя свободнее, разговаривают оживленно, смеются весело и раскатисто.

— Ну, как отстрелялись?

Нас тянут к себе, похлопывают по плечам, тискают. Мы тоже громко смеемся, катаемся по траве. Трава сырая, холодная, а ночь — темная. Что за ночь!

К полуночи отстрелялись все. Если бы нам сейчас сказали: «Ребята, пора на боковую. Через десять минут — отбой!» — мы не поверили бы своим ушам. Отбой? Чего ради? Ведь мы совсем не устали и не хотим спать!

Когда мы двинулись в обратный путь, на небе вновь показалась луна. Огни в домах всюду были погашены, только стены белели в темноте. Несказанно красивыми стояли фруктовые деревья, точно осыпанные инеем. В полях стрекотали кузнечики. И кому может прийти в голову спать в такую ночь? Хорошее настроение быстро передалось всем, и мы запели. И кто объяснит мне те превращения, которые произошли с нами этой ночью?

ИШТВАН БАРКОВИЧ

СОЛДАТСКАЯ ПОМОЩЬ

Майор отдавал последние распоряжения. Бойцов подразделения плавающих транспортеров подняли по тревоге. Майор говорил кратко, потому что из района Притисья, куда им надлежало отправиться, поступили тревожные сообщения.

К нему подошел старшина Кабаи. Майор удивился:

— Как вы здесь оказались? Насколько мне известно, вы еще в отпуске? Или уже две недели прошло?

Худощавый старшина покачал головой.

— Нет, прошло всего пять дней отпуска. Но когда я узнал, что часть поднята по тревоге и направляется в район наводнения, то решил поехать с вами. В такое время дорог каждый человек.

Старшина Кабаи произнес все это просто, без тени рисовки. Майор задумчиво выслушал его, не перебивая. Охотнее всего он отправил бы старшину домой. Кабаи работал в штабе, в строевой части. Какая польза от него будет там, при выполнении чрезвычайно трудного задания?

— Плавать-то хоть умеете? — внезапно спросил майор.

Старшина покраснел.

— Нет, не умею. Но, по-моему, это не главное. Там ведь каждая пара рук нужна... Я слышал последние известия, положение весьма опасное. Я родом из тех мест... И хочу быть вместе со всеми.

Майор уступил просьбе старшины.

— Ну, хорошо. Пойдемте! — сказал он.

Они подошли к одному из транспортеров-амфибий.

Машина была готова к маршу. Младший сержант Иштван Тот стоял у кабины.

— Товарищ Тот! — приказал майор. — Одного из солдат немедленно пересадите в машину сержанта Кочиша. Там у них поменьше народу. А старшина Кабаи поедет с вами. Командиром машины назначаю его. Ясно?

Лицо младшего сержанта выразило удивление.

— Слушаюсь! — произнес он после краткого замешательства и сразу же повернулся к одному из солдат: — Сабо! Садитесь в другую машину! Товарищ старшина, садитесь сюда!

В селе все дома по окна стояли в воде. Жители, похватав первые попавшиеся под руку вещи, столпились на склоне ближайшего холма и с волнением наблюдали, как вода у них на глазах все прибывает и прибывает. Председатель сельсовета старался подбодрить охваченных ужасом, растерявшихся односельчан.

— Не волнуйтесь, — говорил он, — все будет хорошо. Придут солдаты и за нами. Вот соберут всех, кто остался в селе...

Взоры людей были прикованы к селу, где бороздили воду военные машины-амфибии. Солдаты спасали людей, снимая их с чердаков и деревьев.

Но вот машины повернули к холму.

— Они уже едут! Едут за нами! — обрадовался председатель сельсовета и вскинул на плечо тощий узелок с вещами. — Всем приготовиться!

Когда подошел первый транспортер, солдаты быстро помогли забраться в машину измученным людям, в первую очередь усадили женщин и детей. Как только заполненный бронетранспортер тронулся в путь, на его место к холму подъехала другая машина.

Кабаи со своими людьми спасал жителей села. Над холмом в это время появился вертолет. Летчики ловко «выуживали» людей и поднимали их в вертолет. Присутствие военного вертолета немного успокоило жителей села. Однако вода уже поднялась до колен и с пугающей быстротой все прибывала...

— По-моему, в деревне уже никого нет, — проговорил младший сержант Тот, обращаясь к командиру машины. В его голосе звучало неподдельное уважение. Тот никогда бы не подумал, что этот худощавый писарь — такой твердый, волевой человек. Кабаи снял с чердака двоих взрос-

лых и по колено в воде перенес их к машине. Потом Кабаи нашел пожилую больную женщину. Когда он ее нес, то оступился в яму и провалился по горло в воду. Младший сержант Тот одним прыжком оказался рядом со старшиной и помог ему выбраться из ямы. Когда больная женщина находилась уже в безопасности, со страшным грохотом обрушились стены ее саманного дома. Если бы не Кабаи, женщина погибла бы под их развалинами.

— И мне кажется, что здесь никого уже нет, — ответил старшина Кабаи, еще раз оглядывая залитую водой деревню. Вода уже подошла под самые крыши домов. — К холму! — приказал Кабаи, так как в транспортере еще было место.— Там уже, кажется, заканчивают, но, может, и для нас еще найдется работа...

Мотор взревел, машина развернулась и на полном ходу устремилась к холму. Ужасное зрелище предстало перед ними. Несколько мужчин, и среди них председатель сельсовета, по пояс стояли в воде. Бледные, измученные, они спешно помогали женщинам и детям взобраться на машину. Только что улетел третий вертолет со спасенными жителями, а на холме все еще оставались люди!

— Все! — воскликнул сержант Кочиш, с опаской поглядывая на борт переполненной машины. Борт машины едва выступал из воды. «Малейший крен!..» — мелькнула мысль.

— Вперед! — скомандовал он водителю.

— Товарищи! — закричал кто-то из стоявших в воде крестьян. — Не оставляйте нас здесь!

Сержант показал рукой на приближающуюся со стороны деревни амфибию.

— Идет помощь! Старшина идет на помощь! У нас уже нет места...

Машина сержанта Кочиша ушла, а тем временем подошла машина Кабаи.

— Идите сюда! — крикнул старшина крестьянам и прыгнул в воду вслед за младшим сержантом Тотом. — Ветер поднялся. Давайте побыстрее, пока он не усилился!..

Промокшие, продрогшие крестьяне один за другим неуклюже влезали в машину. Кабаи и Тот помогали им размещаться. Наконец в воде остались стоять лишь четверо: председатель сельсовета, у которого ветер сорвал шляпу с головы, долговязый парень и двое военных — Кабаи и Тот.

В этот момент они заметили вертолет. Однако верто-

лет пролетел мимо: в кабине было полно людей. Правда, вертолет, пролетая, опустился ниже: по-видимому, экипаж оценивал обстановку.

Четверо мужчин молча переглянулись между собой и посмотрели на транспортер. Переполненная машина погрузилась в воду глубже положенного. Усилившийся ветер гнал волну. Если в машину добавить еще четверых, то положение может стать критическим. Наступила зловещая тишина. Все смотрели на старшину, а он провожал взглядом улетающий вертолет. Как быть?

Кабаи обратился к младшему сержанту:

— Плавать умеете?

— Умею, — озадаченно ответил младший сержант. — А что?

Старшина повернулся к председателю сельсовета.

— Влезайте в машину. Поехали!

— А вы?! — только и спросил председатель сельсовета.

— Влезайте в машину! — сердитым голосом повторил команду Кабаи. — Еще двоих транспортер, видимо, выдержит, но не четверых.

— А мы?! — Лицо младшего сержанта Тота стало белым как мел. — А с нами что будет?!

— Помогай! — прикрикнул на него Кабаи, и они вдвоем подсадили долговязого парня и председателя сельсовета в машину. Борт машины оказался в опасной близости к воде. — А мы поплывем!

Младший сержант Тот по-настоящему испугался. «Что, Кабаи с ума, что ли, сошел? Ведь он на плацу в военном городке сам сказал, что плавать не умеет. И как он думает проплыть несколько километров? Да ведь мы окоченеем и выбьемся из сил!..»

— Вперед! — скомандовал старшина. — Мы уцепимся сзади и поплывем! — повернулся он к Тоту и попытался улыбнуться.— Поплывем, как на буксире.

Стальной корпус транспортера осторожно рассекал воду. Водитель, призвав на помощь все свое умение, осторожно вел машину, стараясь не зачерпнуть воды и не потопить ее.

Младший сержант, уцепившись за борт, плыл рядом со старшиной. В голове роились воспоминания детства. Берег Дуная... Катера... Проплывая мимо них, ребята с отчаянной смелостью хватались за спасательные лодки. Кому удавалось ухватиться за борт, тот долго плыл за лод-

кой, а затем снова бросался в воду. И они это проделывали частенько. Риск придавал лишь больше прелести. Потом девчонки с восторженными криками окружали лучших пловцов...

Тот искоса взглянул на Кабаи. Старшина, крепко стиснув зубы, бледный как полотно, плыл рядом. «Видно, он боится, — подумал Тот. — Правда, и я боюсь, но я все-таки умею плавать, вырос на воде... Что-то нужно сказать ему...»

— Неплохо плывем, — заметил Тот. — Только бы ветер не поднял волну.

— Выберемся, — проговорил, скрипнув зубами, Кабаи. — Должны выбраться!..

«Вот тебе и писарь», — подумал младший сержант, и его охватило теплое чувство благодарности к старшине.

— Конечно, выберемся... — проговорил он и окоченевшей рукой прикоснулся к руке старшины. — Должны выбраться!..

В это время к ним подлетел вертолет...

ИШТВАН БЕРТАЛАН

ПЯТЕРО НА ДОРОГЕ

На дороге встретились двое — солдат-танкист и сержант-пограничник. Как выяснилось, они шли в одно село.

— Есть у тебя спички? — спросил солдат.

— Найдутся, — коротко ответил пограничник.

— Давай тогда закурим, — предложил солдат, доставая смятую пачку сигарет.

— «Пятиминутки»?

— Именно.

— А неплохие сигареты. Мы тоже их курим.

Некоторое время они шагали молча и курили.

— Значит, твой отец — председатель? — спросил немного погодя пограничник. — Иожеф Биркаш?

— Он самый.

— А я думал, ты заливаешь, — рассмеялся пограничник. — Не поверил, что ты тоже идешь домой. — И он показал рукой в сторону села.

— А чего бы ради мне заливать?

— И то верно,— согласился пограничник и добавил: — Значит, вы переехали в село, когда меня уже призвали?..

— Точно. Отца сюда перевели председателем... Кооператив тут был отстающим... Так ведь?

Пограничник кивнул головой и ответил:

— Я слышал, что дела в кооперативе поправились.

— Да пора уже, — ответил солдат и, помолчав, спросил: — Ну, а у вас там как дела, на границе?

— Отлично, все в норме! — ответил пограничник и лихо стрельнул окурком сигареты. Ветер веером разнес искры еще не угасшего огонька.

— А ветер-то крепчает! — воскликнул солдат, поправляя пилотку, так как ее чуть не унесло порывом ветра.

— Это что! Вот на границе — там действительно так дуют ветры, что только держись!

— А что, попадаются еще на границе нарушители?

— Случается.

— И вы их ловите?

— Для того мы там и служим.

— А тебе лично удалось кого-нибудь поймать? — не унимался с расспросами солдат.

— Как раз неделю назад... Поэтому и отпуск дали как поощрение.

— Ишь ты! Может, какой шпион был?..

— Не знаю, — пожал плечами пограничник. — Мое дело было поймать его... А ты за что получил отпуск?

— Да вот телеграмма пришла: дед при смерти.

— А у вас что, верят подобным байкам и отпускают?

— Но дед действительно очень плох, — тихо ответил солдат серьезным тоном. — Он уже стар и тяжело болен. В тюрьме еще заболел. Я люблю и уважаю его. Он много мне рассказывал о борьбе подпольщиков против фашизма.

— А за что он сидел в тюрьме?

— Это было давно, еще до освобождения Венгрии Советской Армией. Схватили как коммуниста и бросили в тюрьму.

Сержант-пограничник, задумавшись, молча шел рядом с солдатом.

— Берегись! — воскликнул вдруг солдат и, схватив за рукав пограничника, дернул его на себя.

Около них резко затормозил мотоцикл с коляской.

— Ну и ну! Сколько ни дудел, а вам хоть бы что! — сердито закричал на них мотоциклист.

— Ветер сильный, не слышно, — как бы оправдываясь, сказал сержант. — Добрый день, дядюшка Яни! Откуда в такую пору?

— С занятий по военной подготовке, — ответил мотоциклист в форме дружинника рабочей милиции. — А, это ты? Ах да, в отпуск! Ты же задержал ночного лазутчика! Слышали, слышали, как ты отличился! Ну, садитесь, подвезу.

Подъезжая к селу, на повороте дороги они заметили трактор в кювете. Колеса его торчали кверху, а на обочине валялся на боку прицеп, груженный кукурузой. Все

трое соскочили с мотоцикла и побежали к трактору, однако тракториста нигде не было видно.

— Вот он! — воскликнул солдат. — Под прицепом!

Из-под высыпавшейся из прицепа кукурузы виднелись ноги в сапогах.

— Сбрасывайте кукурузу! — крикнул сержант.

Все трое заработали с молниеносной быстротой. Тракториста придавило к земле бортом прицепа. Бедняга тихо стонал.

— Нужно приподнять прицеп, — сказал дядя Яни.

Втроем они попытались высвободить тракториста, но тщетно: тяжелый прицеп не поддавался.

В этот момент к ним подбежал солдат с красной звездочкой на фуражке. Это был младший сержант из расположенной неподалеку советской воинской части. Оставив свой велосипед на дороге, он бросился на помощь венгерским друзьям.

— Как ты вовремя подоспел, Володя! — обрадовался ему дядя Яни.

— Теперь-то мы поднимем прицеп, — убежденно сказал пограничник.

Тракторист снова застонал.

— Ну, взялись! — скомандовал дядя Яни.

От огромного напряжения на лбу и шее у всех четверых вздулись вены, побагровели лица. Прицеп медленно стал приподниматься. Дядя Яни и трое воинов бережно подняли пострадавшего тракториста и осторожно положили его в коляску мотоцикла. Дядя Яни быстро доставил его в больницу. Там ему тотчас же оказали помощь. Когда тракторист окончательно пришел в себя, он тихо спросил:

— Кто меня спас? Я хочу их видеть.

— Вам нужен покой, — сказал врач. — Не разговаривайте.

— Вот увижу их и успокоюсь.

Врач вышел в коридор. Все четверо уже были здесь.

— Зайдите в палату, только ненадолго.

Четверо тихо вошли и обступили койку.

— Спасибо, братцы, — сказал тракторист. — А, здесь и советский солдат... — И, слабо улыбнувшись, по-русски добавил: — Спасибо, товарищ!

ИШТВАН БЕРТАЛАН

ИСПЫТАНИЕ

Каждый удар киркой по льду вздымал в воздух множество мельчайших льдинок, сверкавших, как искры. Советские и венгерские солдаты из инженерных подразделений дружно работали рука об руку, торопясь ликвидировать опасность, грозившую близлежащим венгерским селам.

«Бой со льдом!» — так говорили все. И это был настоящий бой. Необузданная природа нагородила на лютом морозе ледяные торосы, которые с наступлением весны и оттепели угрожали наводнением тысячам хольдов земли, селам, людям...

Рано утром во льдах Тисы началась своеобразная битва. На том берегу, где таилась опасность, солдаты с кирками и взрывчаткой, а главное — с отвагой и решимостью в сердце взялись за работу.

Когда объявили перерыв, из венгерской казармы принесли горячий кофе, а из советской — такой же горячий чай. И разумеется, большинство советских солдат захотели выпить венгерского кофе, а многие венгры — русского чаю. Затем устроили перекур. Младший сержант Владимир Сердюков угостил «Казбеком» своего венгерского коллегу, тоже командира отделения, сержанта Йожефа Веконя, а тот предложил Сердюкову венгерскую «Ласточку». Они не раз уже встречались и хорошо знали друг друга, точно так же, как и их командиры — старший лейтенант Борис Степанович Ильин и лейтенант Йожеф Юхас. Уже больше года дружили оба взвода — их командиры и весь личный состав.

— Товарищ сержант! — обратился к своему командиру отделения один из венгерских солдат. — А не проломится лед под человеком как раз в тот момент, когда будем подносить туда взрывчатку?

— Лейтенант Юхас и старший лейтенант Ильин перед тем как укладывать большие заряды, внимательно проверяют каждую прорубь, — прозвучало в ответ. — Это не значит, конечно, что нам не нужно смотреть в оба. Лед может сыграть злую шутку! Да ведь работать со взрывчаткой всегда следует весьма осторожно! Всегда!

— А вам, товарищ сержант, приходилось бывать в опасных переделках? — не унимался солдат.

Сержант Веконь удивленно вскинул брови.

— В опасных переделках? — переспросил он, и на его загорелом обветренном лице чуть заметно дрогнули скулы. — Не знаю... Впрочем, что я говорю... Как-то раз... Вернее, не один, а много раз... — Неожиданно голос его зазвучал решительно: — Мы, саперы, часто бываем в опасных ситуациях, поэтому всегда нужно быть осторожным и предусмотрительным и делать все, как положено. Тогда никакой беды не будет.

Младший сержант Сердюков поинтересовался, о чем они говорят. Сержант Веконь, мобилизовав все свои знания русского языка, постарался объяснить.

— Панемаешь? — спросил он Сердюкова. — Солдат боится от лед!..

— Ясно, — отозвался Сердюков. — Работать нужно всегда осторожно!

Они бы еще охотно поговорили, но в это время прозвучала команда:

— Заканчивай перекур! Окурки как следует затоптать!

Вернулись с ледовой рекогносцировки старший лейтенант Ильин и лейтенант Юхас. Сержант Веконь бросил беглый взгляд на старшего лейтенанта Ильина, последний раз затянулся папиросой «Казбек» и, бросив окурок в снег, тщательно растоптал его. Веконь понимал необходимость такой предосторожности: рядом взрывчатка, а ведь достаточно легкого порыва ветра, чтобы раздуть огонек тлеющего окурка.

— В укрытие! — крикнул лейтенант Юхас.

Старший лейтенант Ильин тоже приказал своим солдатам занять место в укрытии.

Все быстро зашагали к противоположному склону большого холма, возвышающегося над Тисой. Там стояли санитарные машины, а несколько поодаль — машины, груженные взрывчаткой.

На берегу остались лишь старший лейтенант Ильин и лейтенант Юхас. Им предстояло произвести взрыв, а затем проверить состояние льда.

Ильин окинул взглядом скованную льдом Тису. Там среди ледяных баррикад уложено двенадцать зарядов. Только бикфордовы шнуры черной змейкой выделялись на ослепительной белизне заснеженного льда. Ильин был спокоен. Он знал, что все заряды — на месте, уложены в два ряда, крест-накрест, в пятидесяти метрах друг от друга.

После этого взрыва в прорубь уложат мощный заряд, и он сделает свое дело — сдвинет с места четырехкилометровую гряду ледяных торосов, которые в паводок могут затопить всю округу. Если же торосы «заупрямятся», придется подрывать их еще через несколько сотен метров.

Из задумчивости Ильина вывел Юхас.

— Сюда! — крикнул тот, показывая на углубление возле берега. — Сюда подходят бикфордовы шнуры!

Они спрыгнули вниз и вползли в нишу.

— Так когда же начнем? — спросил Ильин.

Лейтенант Юхас посмотрел на часы:

— Без трех минут девять. Значит, в девять. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Ильин.

Они дружили уже больше года. Познакомились на встрече по обмену опытом работы молодых офицеров двух соседних инженерных частей — советской и венгерской. Эта встреча была проведена по инициативе комсомольской организации советской части. Ильин и Юхас сидели рядом и вскоре разговорились. Венгерский офицер сначала с трудом подбирал русские слова, выученные им в школе и военном училище, но чем дальше шла беседа, тем лучше они понимали друг друга.

Юхас рассказал своему новому товарищу, что его взвод борется за почетное звание «отличный» и, кажется, имеет шансы добиться успеха, но вот не совсем хорошо обстоят у ребят дела с физической подготовкой.

Старший лейтенант Ильин тут же предложил свою помощь.

— Давай выделим удобное для вас и для нас время, —

сказал он, — и организуем совместные занятия по физической подготовке.

Так и сделали. Результат вскоре не замедлил сказаться: взвод Юхаса на «отлично» сдал зачеты и по физподготовке и завоевал звание «отличный взвод венгерской Народной армии». Ильин радостно поздравил своего товарища с успехом, а Юхас, крепко пожимая советскому другу руку, проникновенно говорил:

— Огромное спасибо тебе, Борис Степанович! Если б не твоя помощь, не видать бы взводу отличного звания. Физподготовка бы подвела...

С тех пор дружба между ними стала еще более крепкой. Ильину было приятно вместе с женой присутствовать на свадьбе у Юхаса. Он искренне радовался счастью друга. Ютка, молодая супруга Юхаса, преподавательница русского языка в местной школе, вскоре подружилась с женой Ильина, и, когда у Юхасов родился ребенок, Маргарита Васильевна Ильина, как более опытная мать (их сынишке было тогда уже полтора года), помогала Ютке в ее заботах по уходу за новорожденным...

Ильин невольно подумал сейчас о своем сынишке. Вите сегодня, 4 марта, исполнилось два года. «Жаль, что не удастся сегодня побывать дома, с Маргаритой и Витей, отметить вместе его день рождения...» — мелькнуло в голове у старшего лейтенанта. Ему вспомнились минуты расставания.

— Едем подрывать лед на Тисе, — говорил он жене и сынишке, повисшему у него на шее. — Не знаю, когда вернемся. Надо предотвратить угрозу наводнения... Будем работать вместе со взводом лейтенанта Юхаса.

— Будь осторожен! — ласково наказывала жена.

— Слушаюсь, — шутливо ответил он. — Мы всегда соблюдаем осторожность... Ну ладно, смотри тут за Виктором...

«Интересно, что делает сейчас Маргарита? — думал Ильин, лежа на снегу. — Наверное, одевает Витюшку... Малец обычно просыпается именно в это время. Любит поспать, разбойник...»

Старший лейтенант взглянул на часы.

— Ровно девять, — проговорил в этот момент Юхас. — Начнем подрыв.

Он поднялся, посмотрел по сторонам, нет ли кого из людей в угрожаемой зоне, и полез в карман за спичками.

Ильин последовал примеру Юхаса и стал помогать ему запаливать бикфордов шнур. Концы шнуров с шипением загорелись, и по ним побежал огонек, сопровождаемый витками черного дыма.

— Будем считать взрывы, — сказал Ильин.

— Их должно быть двенадцать, — согласился Юхас.

Они напряженно ждали и вслушивались. С противоположного берега подул ледяной ветер и ударил им в лицо.

«Долго будет длиться эта зима, — подумал лейтенант Юхас, но промолчал, продолжая наблюдать. — На дворе уже март, а холодно, как в январе... Впрочем...»

В этот момент раздался грохот первого взрыва. Там, внизу, над закованной в лед рекой взметнулись в воздух тысячи ледяных осколков. И тут же новый взрыв потряс белый панцирь Тисы.

— А льду все нипочем! — заметил Ильин.

— Зима была суровой, — отозвался Юхас. — Ну да ничего: большой заряд даст прикурить!..

— Будем надеяться.

Один за другим взрывались малые заряды.

— Девятый... — считал лейтенант.

— Еще один здесь и два в другом ряду, — сказал Ильин.

— Десять... Одиннадцать...

Наступила тишина.

— Что же случилось с последним? — спросил, нахмурив брови, старший лейтенант. — Почему не взорвался двенадцатый заряд?.. Уж не...

В это мгновение совсем близко от берега грохнул взрыв.

— Двенадцатый! — одновременно радостно воскликнули они и тут же выпрыгнули из ниши.

— Из укрытия! — скомандовал Ильин находившимся за холмом солдатам.

— Подготовить взрывчатку для большого заряда! — распорядился Юхас. — Мы со старшим лейтенантом проверим сейчас проруби. Пока не разрешу, никому не выходить на лед! Ясно?

— Ясно! — хором ответили солдаты и под командой сержантов Веконя и Сердюкова направились к машинам со взрывчаткой, стоявшим поодаль: место здесь было такое, что ближе машины никак не могли подъехать. Взрыв-

чатку предстояло перенести на берег на руках. Об этом условились заранее.

Ильин и Юхас спустились на лед Тисы, к прорубям.

— Осторожнее! — предупредил лейтенант Юхас.

— Я осторожен, — заверил его Ильин.

Лейтенант Юхас уверенно, но с должной осмотрительностью шагал по коварному льду. Осторожно поднимая ноги, он старался не споткнуться о кусок льдины, отброшенной взрывом, и не ступить случайно в образовавшуюся трещину.

Пройдя несколько метров, Юхас вскинул голову и, оглянувшись, посмотрел на Ильина. Старший лейтенант шел вдоль второго ряда прорубей, метрах в пятидесяти от него.

Взгляды их встретились. Они кивнули друг другу, как бы говоря: «Все в порядке!» И действительно: первые две проруби, да и третья тоже, казалось, получились хорошо.

Вдруг послышался какой-то хруст. Юхас взглянул в сторону второго ряда и похолодел: старшего лейтенанта Ильина нигде не было видно. «Куда он мог внезапно исчезнуть? Уж не случилась ли беда? Но где? У какой проруби?!»

В такие моменты нет времени для размышлений. Каждая секунда промедления может стать роковой.

Юхас побежал ко второму ряду прорубей, пронизывая взглядом ледяной покров реки. Кругом — ни души, ни звука. От волнения у Юхаса перехватило дыхание, по лбу заструились ручейки холодного пота.

«Может, уже поздно? Может, Ильин сразу угодил под лед и сейчас на глубине ведет страшную и совершенно безнадежную борьбу со смертью? Может, вот здесь, подо мной он иступленно сопротивляется течению реки? Если затянет на дно, тогда — все, и ему не поможешь...»

Юхас бросил быстрый взгляд на берег: нет ли кого поблизости? Однако никого не было видно: солдаты со взрывчаткой еще не вернулись. Они и не подозревают, какие драматические события развернулись на льду.

Лейтенант ускорил шаг. Он отчаянно впивался глазами в ледяное поле, стараясь угадать, в какую прорубь мог провалиться Ильин.

Вдруг Юхас услышал слабые крики:

— Ко мне!.. На помощь!

«Жив! Жив Ильин!.. Но откуда доносится его крик?»

Ветер яростно свистел, и трудно было определить, откуда кричит Ильин.

«Нужно быстрее обежать все проруби!»

Вдруг Юхас заметил, как из одной проруби взметнулась рука.

«Туда, скорее туда!..»

...Старший лейтенант Ильин поскользнулся на льду и, потеряв равновесие, упал в прорубь. В то же мгновение он осознал, что на спасение мало надежды. Сколько он сможет продержаться? Самое большее — несколько минут. А потом тело застынет в ледяной воде, силы покинут его, и течением реки его неумолимо затянет под лед...

Ильин безуспешно цеплялся за рваные края образованной взрывом проруби. Поверхность воды была ниже кромки льда ладони на две, поэтому Ильину никак не удавалось ухватиться: под руку попадались лишь небольшие льдины.

Страшное ощущение неотвратимой гибели спазмой перехватило горло, и его крики о помощи становились все тише и тише.

«Конец... — мелькнуло у него в голове. — Сейчас затянет под лед... Напрасно Маргарита и Витюшка ждут меня домой. Не зря Маргарита беспокоилась, предупреждала: будь, мол, поосторожнее... Будто предчувствовала беду... Не увидеться мне уж больше... ни с нею, ни с сыночком...»

В этот момент к проруби приблизился Юхас. Взгляды их встретились.

«Скорее, скорее! — подумал Юхас, но тут же одернул себя: — Только не суетиться! Ни в коем случае не суетиться, иначе мы оба погибнем... Только спокойствие!»

— Я сейчас помогу, Боря! Помогу! — крикнул Юхас.— Постарайся чуточку продержаться!

Рядом с прорубью Юхас увидел кирку, которую при падении выронил из рук Ильин. «Вот то, что нужно!» — обрадовался лейтенант. Мгновение — и кирка уже в руках у Юхаса. Один конец ее он протянул Ильину, но ручка оказалась недостаточно длинной, и тот никак не мог за нее ухватиться.

Юхас лег на лед и ползком стал приближаться к краю проруби. Лед предательски затрещал. После взрыва он был не такой прочный. Тогда Юхас шире распластался на льду, понимая, что, чем большую поверхность он на-

крывает своим телом, тем меньше вероятность того, что лед проломится. С киркой в руке Юхас подползал к проруби.

Ильин, напрягая силы, немного приподнялся из воды, с надеждой глядя на своего венгерского товарища.

«Юхас спасет меня...»

Лейтенант тем временем подобрался почти к самому краю проруби и протянул Ильину конец кирки.

— Держи, Боря, и крепче цепляйся за нее! — ободряюще крикнул Юхас.

Одеревеневшие руки старшего лейтенанта отказывались ему служить. Ледяная вода сковывала тело, парализуя волю к сопротивлению. Однако Ильин не сдавался. «Я должен жить! — приказал он себе. — Я должен собрать все силы и ухватиться за кирку!»

— Цепляйся, Боря! — повторил Юхас. — И держись крепче! Я вытащу тебя!

Судорожным усилием Ильин пытался уцепиться за кромку льда, но поток воды все глубже и глубже затягивал его вниз. Широко раскинув руки, старший лейтенант вновь и вновь старался найти точку опоры, чтобы, держась одной рукой за лед, другою ухватиться за кирку. Однако сознание его затуманивалось, и он уже едва различал фигуру лейтенанта Юхаса и протянутую ему кирку. И опять мысли о семье и товарищах придали ему силы. «Дома ждет жена... Ждет Витюшка... Он не должен остаться сиротой!.. В полку ждут товарищи... Я должен ухватиться за кирку!.. Но как?! Если отпустить кромку льда, то вода тотчас же затянет под лед... Значит, нужно так рассчитать последнее усилие, чтобы молниеносно ухватиться за кирку. Это единственный шанс на спасение...»

И это наконец удалось ему. Он перевел дух и таким же стремительным движением ухватился и второй рукой за кирку.

«Теперь надо тянуть! Как можно быстрее тянуть! — думал Юхас. — Нельзя терять ни минуты!»

— Держись крепче, Боря! — крикнул он. — Крепче держись!

Ильин изо всех сил держался за ледяную кирку. Лейтенант Юхас напряг мускулы и стал медленно тянуть. Вот уже Ильин по пояс показался из воды, но тут его обмундирование зацепилось за нижние острые края ледяного

среза, и, сколько Юхас ни старался, льдина не отпускала Ильина.

— Держись, держись, Боря! — подбадривал Юхас своего товарища. — Сейчас попробую еще раз тебя вытащить!

Собрав все силы, Юхас начал тянуть. На лбу у него вздулись жилы, мускулы рук, казалось, вот-вот лопнут. Вот уже Ильин показался по грудь, вот уже по пояс... И тут вдруг Юхас сам заскользил на льду и потерял точку опоры. В то же мгновение Ильин рухнул в воду и чуть не утянул за собой Юхаса.

«Я тоже свалюсь в прорубь и не смогу ему помочь! — с ужасом подумал лейтенант. — И мы оба окажемся подо льдом!..»

Юхас не в состоянии был больше тянуть кирку. В отчаянии он стал озираться, отыскивая какую-нибудь расщелину во льду или бугор, за что бы можно было уцепиться, чтобы не свалиться в прорубь. Юхас ни на секунду не отпускал кирку, не замечая даже, что острие кирки сильно поранило его ладонь.

«Нужна помощь! — мелькнуло в голове Юхаса. — Один я тут не справлюсь».

Он с надеждой посмотрел на склоны прибрежного холма, где работали его подчиненные, и вдруг увидел солдата, осторожно шагавшего к берегу со взрывчаткой в руках.

— На помощь! Скорее на помощь! — во весь голос закричал лейтенант Юхас.

И только сейчас до его сознания дошло, что ему давно уже следовало бы позвать на помощь. Его настолько захватила борьба за жизнь Ильина, настолько все помыслы и воля сконцентрировались на этой единственной цели, что больше уже ни о чем другом он не мог думать. А потом при таком сильном ветре вряд ли солдаты услышали бы его крики. Теперь же, когда солдаты вышли на берег, его должны услышать...

Первым со врывчаткой вышел на берег сержант Йожеф Веконь. Только он аккуратно положил на лед свою ношу, как до его слуха донеслись крики.

— На помощь! — отчаянно призывал кто-то.

Веконь взглянул в ту сторону, откуда доносились крики, и сразу же узнал своего командира, лежавшего с киркой на льду. Но почему он один? Где старший лейтенант Ильин? И Веконь понял, что произошло.

— На помощь! — громко крикнул он.

Юхас не расслышал, что кричал Веконь, но увидел, как сержант схватил доску и побежал по направлению к ним.

А Ильина оставляли последние силы. И как ни велики были его сила воли и жажда жизни, тело его, погруженное в ледяную воду, коченело, мороз сковывал его. Руки Ильина начали скользить по кирке.

— К нам бегут на помощь, Боря! — крикнул он. — Держись! Не отпускай кирку!

Юхас оглянулся и посмотрел в сторону берега. Сержант Веконь, поскользнувшись раза два, спешил как только мог.

— Я сейчас! — задыхаясь от бега, хрипло кричал он. — Сейчас!

— Боря, всего несколько секунд! — подбадривал старшего лейтенанта Юхас. — Помощь уже близка. Держись!

Страх и волнение за судьбу Ильина придавали его словам оттенок просьбы, даже мольбы. Юхас снова посмотрел на сержанта: тот был уже совсем близко, их разделяло всего двадцать пять — тридцать метров. Еще несколько секунд, и Веконь будет здесь. Но вдруг сержант опять поскользнулся и упал. Тяжело дыша и отчаянно проклиная самого себя, Веконь поднялся и снова побежал. А лейтенант Юхас в эти мгновения, цепенея от страшной мысли, думал:

«Не успеет... Боюсь, что опоздает... Не продержится дольше Ильин... Силы покидают его... Что же делать?! Не могу же я ждать в бездействии... Надо протянуть Ильину руку... А если не получится? Все равно нужно рискнуть. Я обязан это сделать! Я должен сделать все, чтобы спасти Ильина!»

Внезапно его осенила идея. Перехватывая руками кирку, как на спортивных занятиях перехватывают шест, Юхас ближе и ближе пододвигался к старшему лейтенанту. Наконец он подполз к самому краю проруби. Телогрейка казалась ему сейчас невыносимо жаркой. Все тело взмокло от пота. Трудно было дышать.

Юхас стремительно сбросил одну руку с кирки и быстрым сильным движением перехватил посиневшее от мороза, окостеневшее запястье Ильина. Другой рукой он продолжал крепко удерживать кирку, за которую уже едва держался почти потерявший сознание лейтенант.

Самое главное — это то, что теперь Юхас удерживал на поверхности Ильина. Теперь можно было не опасаться, что Ильина затянет под воду, если он лишится сознания.

Сержант Веконь с доской все ближе и ближе. Еще десять шагов... Семь... Три... Остался всего один шаг...

— Доску! — крикнул лейтенант Юхас.

Сержант бросил на лед доску, потом придвинул ее к краю проруби и встал на нее.

— Перехватывайте у него вторую руку! — скомандовал Юхас.

Сержант ловко ухватился за руку Ильина.

Юхас осторожно подполз к другому концу доски, сел на нее, а потом так же осторожно привстал.

— Ну вот! — воскликнул он. — А теперь будем тянуть вместе.

Ильин потерял сознание, а его венгерские друзья вытащили его из проруби сначала по пояс, а затем, ухватившись за одежду, стали тянуть дальше. Еще один, последний, рывок — и старший лейтенант уже лежал на льду.

— Спасен! — ликовал лейтенант Юхас. Они подняли старшего лейтенанта и осторожно понесли к берегу. В этот момент из-за холма показались солдаты.

— Быстрее санитарную машину! — крикнул лейтенант Юхас.

Несколько человек бросились выполнять его приказание. Юхас и Веконь принесли Ильина к подножию холма. Подъехала санитарная машина.

— Скорее! — воскликнул врач, выпрыгивая из «санитарки». — Скорее в машину! Освободить его от одежды!

Ильина сначала докрасна растерли сухим полотенцем, а затем завернули в теплые шерстяные одеяла.

— Он воды не наглотался? — спросил врач.

— Нет, — ответил лейтенант Юхас. — Он потерял сознание всего за несколько секунд до того, как мы его вытащили.

— Вскипятите вина! — распорядился врач. Считанные минуты — и вот уже курилось паром подогретое до кипения токайское.

Ильин начал приходить в себя.

— Выпейте! — поднеся кружку к его губам, потребовал врач. — Выпейте, товарищ старший лейтенант!

Советские и венгерские солдаты плотным кольцом обступили санитарную машину.

— Он пришел в себя! — радостно восклицали солдаты. — Ему лучше!

Очнувшийся Ильин окинул взглядом машину, ища глазами своего спасителя и друга — лейтенанта Юхаса.

— Спасибо тебе, Йожеф, — произнес Ильин спекшимися губами и повторил по-венгерски: — Кёсёнём, Йожи!

— Мы тащили тебя вдвоем, Боря. Один я бы не справился. Мне помог сержант Веконь.

Ильин благодарно взглянул на сержанта, но говорить уже не мог — не было сил.

— А теперь старшему лейтенанту нужен покой, — сказал врач. — Мы немедленно отвезем его в госпиталь.

— У него не будет ничего серьезного? — обеспокоенно спросил младший сержант Сердюков.

— Будем надеяться, — ответил врач. — Это выяснится только позже.

Лейтенант Юхас передал командование сержанту Веконю, а сам на санитарной машине решил поехать в госпиталь. Сопровождал своего командира в госпиталь и младший сержант Сердюков.

Оставшиеся на берегу солдаты поспешили к прорубям продолжить прерванную работу.

Вскоре был произведен основной взрыв, и четырехкилометровая ледяная баррикада развалилась и медленно поплыла. Опасность наводнения больше не угрожала жителям округи.

Через два дня старший лейтенант Ильин был уже на ногах. Крепкий молодой организм выдержал «ледяную баню». И вскоре Ильин вместе со своими солдатами и взводом лейтенанта Юхаса отправился на новое задание, на этот раз на реку Бодрог, чтобы ликвидировать угрозу наводнения и в том районе.

СОДЕРЖАНИЕ

ДИКИЕ КАШТАНЫ

Сборник рассказов
Перевод с венгерского
Редактор *Афанасьев Г. Г.*
Литературный редактор *Кобозева А. Г.*
Художественный редактор *Сальникова Н. Г.*
Художник *Коннов Ю. Л.*
Технический редактор *Коновалова Е. К.*
Корректор *Лузинская Е. Г.*

Сдано в набор 21.2.74 г.
Подписано к печати 31.5.74 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂ 9 печ. л.
15.120 усл. печ. л. 15.369 уч.-изд. л.
Типографская бумага № 2
Тираж 65.000
Изд. № 10/83
Цена 1 р. 07 к. Зак. 785.

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6,
проезд Скворцова-Степанова, дом 3